смена

11 2006

о свободе

Станислав Говорухин

Алексей Баталов

Марк Захаров

Армен Джигарханян

Галина Вишневская

Александра Маринина

Борис Гребенщиков

Здоровая Вода®

с активным кислородом

УЗНАЙТЕ О ТОМ, ЧТО ВЫ ПЬЕТЕ

(495) 506 79 94

бесплатная горячая линия

Есть такая легенда. В сталинские времена Тихон Николаевич Хренников, руководитель Союза композиторов СССР, внушал своим собратьям по профессии: не пишите доносов друг на друга. Как только появится первый донос, сядут очень многие.

Легенда легендой, но советские композиторы в лагерях не сидели. И это – уже исторический факт. Они жили на свободе, но были ли они свободны?..

Партия воспитывала их, направляла, подсказывала, обвиняла, шельмовала, прорабатывала и т.п., но у них все же оставалась свобода выбора – доносить или нет, и они ею воспользовались.

Со времен Сократа свобода веры, свобода воли, свобода выбора – самые спорные вопросы философии и богословия, а свобода – пожалуй, самое неопределяемое понятие.

И, тем не менее, о ней все говорят, а уважаемые и образованные люди пытаются понять, что же это такое – свобода?

Михаил Кизилов,
главный редактор

смена

11 2006

номер 1705

издается с января 1924 года

генеральный директор: ЮРИЙ МУХТАРОВ

главный редактор: МИХАИЛ КИЗИЛОВ

креативный директор: МАРИЯ ШЕВЧЕНКО

дизайнер: МАРИЯ НАУМЕНКО

литературный редактор: ТАМАРА ЧИЧИНА

выпускающий редактор: СВЕТЛАНА ПОДОРВАНОВА

фоторедактор: НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВА

корректор: МАРИНА СИЛАКОВА

набор: ГАЛИНА ВАРТАНЯН

главный бухгалтер: НАДЕЖДА МОЛЧАНОВА

администраторы: ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА, ВЯЧЕСЛАВ МЕЛИХОВ

над номером работали: СВЕТЛАНА БЕСТУЖЕВА-ЛАДА, АЛИНА ТАГЕР, ТАТЬЯНА ГУРЬЯНОВА, ИРИНА ОПИМАХ, ДЕНИС ЛОГИНОВ, МАКСИМ СЕВРЮКОВ-КИСТЕРЕВ, КИРИЛЛ ПОДОЛЯК, ИГОРЬ ЛОГВИНОВ

фотографы: ВАСИЛИЙ ШАПОШНИКОВ, АНДРЕЙ ГОЛОВАНОВ, АНДРЕЙ СТРУНИН, МИХАИЛ ГУТЕРМАН

В номере использованы фотографии ИТАР-ТАСС, East News, Fotobank, РИА-Новости

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ

adv@smena-id.ru

Тел.: (495) 257-3337, 507-0224

директор по рекламе: МАКСИМ БЯТЕЦ

pr-директор: СЕРГЕЙ РАЗВОРОТНЕВ

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

sales@smena-id.ru

Тел.: (495) 257-3137

директор по распространению: ОЛЕСЯ ИСМАГИЛОВА

Адрес редакции: 127994, Москва, Бумажный проезд, 19, стр. 2. Тел.: (495) 612-1507, факс (495) 250-5928.
jurnal@smena-id.ru
Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции.
Печать: ЗАО «Алмаз-Пресс», 123022, Москва, Столярный пер., д.3, корп. 34.
Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»
Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати (Рег. № 014832).
Тираж 52 300 экз. Цена свободная.

Алик Зингер
Авторское ателье

Москва,
Украинский б-р, 11
тел. (495) 514 60 81,
243 08 32
www.aliksinger.ru

Нью-Йорк

тел. 1 212 439 1796
1 917 596 8869

Товар сертифицирован

Первые читатели журнала «Смена», который в октябре вышел в новом формате, удивлялись и возмущались. Требовали вернуть кроссворды, ругали Ерофеева, Сорокина и Хакамаду, звонили, чтобы рассказать, с каким трудом любимый журнал, увеличившийся в размерах, теперь помещается в бардачок и карман пиджака. Редакция, со своей стороны, возвращает читателям кроссворды, оставляет за Сорокиным, Ерофеевым и Хакамадой право выражать свою точку зрения, пусть и отличную от общепринятой, и искренне надеется, что читатель столь же внимательно прочтет все последующие номера.

Наконец-то, «Смена» выходит на хорошей бумаге и становится похожей на ту, которая была до 1990 года.

Семья Селивановых

Очень неожиданный и интересный рассказ об Уолте Диснее. Никогда бы не подумала, что он не любил детей.

Л. Никульченкова

Журнал стал совсем другим: новый формат, другая бумага, современный вид... Жаль только, что ушли некоторые постоянные рубрики, но зато с удовольствием прочитал статьи Золотухина, Вульфа, Гинзбурга, Брэдбери.

С. Комов

Что же вы наделали! Влились в ряды глянцевости и стали 101 журналом без своего лица со статьями, давно пережеванными другими.

Н.И. Крикуненко

Шагаете в ногу со временем. Почти все статьи интересны, но, как мне кажется, подкачало оформление – без выдумки и азарта, а жаль.

М.С. Поливанов

Раньше нравился ваш формат. Компактный, удобный, помещался в сумочку. И куда вы дели свои кроссворды?

Т.И. Павлова

Ну, зачем же так сразу? Столько лет «Смена» была журналом, в котором было, что почитать. А сейчас вместо этого «кукушка» с «петухом» хвалят друг друга и пытаются казаться умными. Я имею в виду Сорокина и Ерофеева. Сколько же можно одни и те же физиономии эксплуатировать? Их понять можно – они себя превозносят, а вы-то при чем? Неужели думаете, что это кому-то интересно?

Г. Эйфман

Совсем не понравилась статья Ирины Хакамады. Не понимаю, о каких мужчинах она рассказывает, так как ни мне, ни моим подругам с такими общаться не приходилось.

Орлова Наталья

Молодцы, что отдали свои страницы умным, интеллигентным, известным людям. В наше сложное время хочется услышать слова тех, от кого, в общем, зависит не только наша культура, но и нравственное здоровье нашего общества.

Г.С. Свиридова

ЦЕНИТЕ ВРЕМЯ

ЦЕНИТЕ СВОЕ ВРЕМЯ -

печатайтесь у нас

абелия
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

www.abelia.ru, abelia@cnt.ru
тел.: (495) 514 93 26, 514 93 25, 514 93 27

содержание

главная тема

12 Станислав Говорухин
Уроки революций

20 Отверженные
Виктор Сухоруков и Родион Нахапетов
о печальной участи реформаторов

антропология

32 Люди, которые удивили
Галину Волчек

34 Рабы немы?
Юрий Левада о терпении
и терпимости

36 Последние могикане
Беседа Марка Захарова и Армена Джигарханяна

48 Алексей Баталов
О любви

52 Выйти из строя
Александр Абдулов о романе
«Полет над гнездом кукушки»

58 Александра Маринина
Разрушая стереотипы

суть вещей

64 Кунсткамера памяти
Лев Дуров о галстуке Евы Браун, мексиканском обереге и других экспонатах личной коллекции

72 Идеи, которые перевернули мир
Винтон Серф о создании интернета

74 Три вопроса
Юлия Рутберг о том, что почитать, что посмотреть, о чем подумать

ощущения

80 Россия – политический театр
Юрий Любимов о цензуре

86 Без компромисса
Исповедь **Галины Вишневской**

90 **Владимир Мирзоев**
Не стать маргиналом

96 Философия странствий
Борис Гребенщиков
о путешествиях в Непал

чтение

108 *«Наполеон обозревал дымящееся поле, к нему подвели пленных.*
— Кто старший?
Бонапарту указали на полковника, тяжело раненного в голову и в грудь.
— Ваше имя?
— Князь Репнин.
— Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?
— Я командовал эскадроном.
— Ваш полк честно исполнил свой долг.
— Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату.
— С удовольствием отдаю ее вам...»

Исторические хроники Любови Русевой

120 *«Я остановился и посмотрел в сторону эскалатора. Темные ступени мерно утекали из-под железных зубцов приступка. Вскоре эти бесконечные ступени эскалатора уже увозили меня. Увозили, не скорбя и не сожалея, и оправдывая все человеческие поступки на этой земле...»*

Рассказ Евгения Шишкина

130 *«Может, вы видели фотографии в газетах, когда в Корее происходил обмен военнопленными? Так вот, я как раз оказался одним из них. Еще бы неделя, и меня, как и многих, закопали за рекой. Я настолько ослаб, что начались провалы в памяти. После освобождения пришлось долго валяться в военном госпитале. Там я вспоминал о Тимми Уордене из Хиллстона. Когда меня допрашивали парни из разведки, я рассказал о его смерти, но промолчал о его последних словах...»*

Детектив Джона Макдональда

главная тема

Когда под лозунгом «Да здравствует свобода!» брали Бастилию, штурмовали Зимний и совершали теракты, мало кто из революционеров задумывался над тем, что свободу нужно искать, обратившись внутрь себя. Между тем вершители революций были рабами, – рабами собственных идей. Сегодня, извлекая уроки из прошлого, Станислав Говорухин приходит к выводу: всякая революция – разрушительна, Виктор Сухоруков утверждает, что и среди самодержцев были революционеры, а Родион Нахапетов раскрывает сущность истинного революционера.

Станислав Говорухин

Уроки *революций*

До недавнего времени ноябрь в России начинался с праздника – годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Но новейшая история вносит свои коррективы, и теперь ноябрьские праздники посвящены годовщине изгнания поляков из Кремля 25 октября (4 ноября) 1612 года. И все-таки подавляющее большинство из нас выросло вместе с праздником 7 ноября, поэтому о революции и ее уроках вместе с философами прошлых лет рассуждает режиссер Станислав Говорухин.

Октябрьскую революцию нужно праздновать, пока живо старшее поколение, которое уже не переубедить в том, что никакой революции не было, а был октябрьский переворот. А настоящая революция – настоящая демократическая революция, разрушившая Россию, – произошла в феврале 1917 года. Свергли самодержавие, Россия получила неслыханные свободы, и это ее, в итоге, погубило. Власть оказалась на земле, и ее подняли те, кто догадался поднять, – большевики.
Мы были воспитаны так, что в слове «революция» слышалась романтика, но теперь, когда происходят новые революции, слово это у меня лично вызывает отвратительные ощущения. Все революции, в итоге, ужасны. Самая кровавая – Великая Французская, потом наша – февральская.
Ну, а после новых революций – типа «оранжевой» и прочих – противно даже вспоминать об этом.

Французская революция наглядно показала, что проигрывают те, кто теряют голову.

Станислав Ежи Лец

Французская революция, в результате, ничего хорошего Франции не принесла, поскольку вновь родила абсолютную монархию в лице Наполеона Бонапарта. Его, конечно, нельзя сравнивать с другими завоевателями, ибо Наполеон был умница, талантливейший человек.

Талант его простирался не только на военную стратегию, но и на гражданское общество. Но он, безусловно, обескровил Францию. Гильотина, работавшая беспрерывно, с огромной скоростью пожирала тех, кто делал революцию. А затем Франция уже не смогла в последующих войнах противостоять той же Германии.

Немцы три раза входили в Париж. И во времена Первой мировой войны вошли бы обязательно, если бы не коалиция – Англия, США, Россия.

Да и Россия тоже не оправилась после революции. И наша победа во Второй мировой – пиррова победа. Около 20 миллионов человек погибло, да я и не уверен, что это – правдивая и окончательная цифра. Все было разрушено. Мы такую войну еще и потом увидели. В результате следующей революции в России – буржуазной, в 1991 году. До сих пор не можем восстановить народное хозяйство, разрушенное Ельциным и Гайдаром. С 1990 по 2000 годы было уничтожено все: армия стала недееспособной, заводы перестали работать, северный морской путь прекратил свое существование. А ведь его 300 лет осваивал русский народ. И это все – результат именно революционных изменений в стране. Ведь рядом – Китай, в котором тоже проводятся реформы, он тоже на пути к капитализму, но он идет туда постепенно, эволюционируя. И достиг гораздо больших успехов даже на пути к демократии, потому что изменения там – медленные, но верные.

Революция — варварский способ прогресса.

Жан Жорес

Никакой это не прогресс. Напомню, что когда пришел к власти Михаил Горбачев, он сразу назвал перестройку революцией. Это и была революция. В результате её страна оказалась отброшенной на столетия назад, превратилась в очень слабое феодальное государство, о которое все, кому не лень, вытирают ноги. И только сейчас другие страны начинают – только начинают – считаться с Россией. Нам еще придется долго убеждать их в том, что мы достойны уважения, что мы крепнем. Но мы разрушали себя в течение десяти лет, а на восстановление уйдет гораздо больше времени.

Революционеры поклоняются будущему, но живут прошлым.

Николай Бердяев

Согласен с философом. Ведь в результате февральской революции мы были отброшены назад. Уничтожили церкви, памятники архитектуры, изумительные усадьбы и многое другое. А вместо этого возвели жуткие индустриальные здания, уродливые памятники, монументальные конструкции. В результате революции появилась совершенно другая нация, поскольку произошло самое страшное – был разрушен генофонд. И за все время правления коммунистов Россия не достигла той высоты и того величия, которые были у России до 1913 года. Появились,

конечно, и атомная бомба, и самолеты, и прочее. Ну, так они везде появились. В России тоже был бы технический прогресс, ибо весь мир развивался примерно одинаково.

Революция — это локомотив истории.

Карл Маркс

Это – очевидная глупость. Страны, которые развивались эволюционным путем, добились гораздо большего. Вы не найдете в истории такой революции, которая бы принесла пользу стране. Началась революция во Франции – кончилась Наполеоном, началась революция в Чили – кончилась Пиночетом, началась российская революция – кончилась Сталиным. Сейчас сложно объяснить старшему поколению, что СССР был страшнейшим государством. Они вспоминают, в какой великой и могучей стране жили, как развивалось производство, полагались льготы. Но ведь это – неправда. Народ прозябал в нищете, работал за копейки и был лишен элементарных условий для жизни.

Всякий революционер кончает как палач или как еретик.

Альбер Камю

Действительно, тех, кто устроили революцию, потом изгнали из России. Например, Керенского. Тех, кто совершил октябрьский переворот, уничтожил Сталин. Революция всегда пожирает своих детей.

Это ведь – раскручивание маховика, который потом очень сложно остановить. Начиная серьезное волнение, нужно понимать, что контролировать его ход и его последствия уже невозможно. Все идеологи революции действительно хотели дать народу какие-то блага. Но это никогда нельзя сделать путем насилия. Только эволюция может привести к настоящему прогрессу, а любой революционер, раскачав лодку, должен быть готов из нее выпасть.

Революцию готовят мыслители, а совершают бандиты.

Марианна Асуэлла

Нет, я с этим не согласен. Кто-то из великих сказал, что революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются подлецы. Именно фанатики осуществляют революцию, а не бандиты. Это люди, которые готовы пожертвовать абсолютно всем, – детьми, родителями, любовью, жизнью – ради идеи. А вот плодами революции уже пользуются подлецы. Сталин, к примеру. Ведь октябрьский переворот осуществлял не Сталин, а фанатики Ленин с Троцким. А уже Сталин занялся чистками, репрессиями, превратил новый режим в абсолютно кровавый.

Нищета ведет к революции, а революция — к нищете.

Виктор Гюго

Вот это – абсолютно правильно. И современные революции тоже рождены нищетой. И то, что сейчас в России говорят о невозможности революции, оз-

начает, что мы нахлебались от всяческих переворотов. И я думаю, что у нашего народа хватит ума не устраивать никаких революций. Но бунт возможен. Уже подросло поколение детей нищих родителей. Их мамы и папы отдали свой талант Родине, работали на нее, верили ей. И оказались ей не нужны. Эти выросшие дети прекрасно все видят и могут отомстить. Но это будет не революция, а кровавый бунт, бессмысленный и беспощадный. Чтобы сделать революцию, должна быть какая-то высокая идея. Например, свержение монархии, власть народа. Но таких идей сейчас нет. Потому что нравственный уровень населения слишком упал.

Перевороты совершаются в тупиках.

Бертольд Брехт

Опять-таки можно вспомнить октябрьский переворот. Была совершена революция – все понятия изменились. И Россия зашла в тупик. Страну разрушили. То же самое произошло лет десять тому назад благодаря Ельцину и Гайдару. Ведь их роль, по большому счету, совершенно идентична роли Милюкова и Керенского Посмотрите на логику истории. Ведь последняя революция в России тоже началась с приходом Горбачева, с хороших идей. А уже к началу 90-х мы оказались в тупике, если уж пользоваться терминологией Брехта.

Сейчас власть – сильная, она многое делает, чтобы облегчить жизнь людей. Поэтому, думаю, что сегодня революция невозможна. А вот эволюция необходима. И хотелось бы надеяться, что власть это понимает. ■

Отверженные

По сути всех, кто отважился вершить революционные преобразования в России, ждала жестокая участь, – будь то всемогущий император или субтильный студент старших курсов. О судьбах русских реформаторов размышляют Виктор Сухоруков, сыгравший Павла I в картине «Бедный, бедный Павел», и Родион Нахапетов, снявшийся в роли революционера Потоцкого в фильме «Раба любви».

Виктор Сухоруков

о самодержавном революционере

Павлу Первому не повезло. Долгое время он ждал трона и, дождавшись его, наконец, не успел сделать и тысячной доли того, что задумывал.

После его безвременной смерти враги Павла создали свой образ императора: деспотичный, капризный, солдафон, масон… Эдакий батька Махно конца XVIII века. Многие факты биографии намеренно скрывались, замалчивались. У большинства сложился хрестоматийный стереотип: правление Павла Первого было, в общем-то, неким недоразумением в истории Российской империи.

А ведь мало кто знает, что убийство сына Екатерины Великой – знаковое событие. Та ночь в марте 1801, возможно, повернула историю нашей страны в другое русло, и как знать, какой была бы Россия, если бы Павел умер своей смертью. К тому же: дураков не убивают, ими пользуются.

Вот говорят: «Золотой век» Екатерины Великой! Да, дворянство получило невиданные доселе привилегии, российский двор блистал своим великолепием. Царица вела переписку с Вольтером и другими европейскими учеными мужами. Поговаривают, что Екатерина чуть ли не конституцию пыталась ввести в Российской империи.

Возможно.

Однако если посмотреть на карту страны, то невооруженным глазом видно, что вся империя находилась в зареве крестьянских волнений. От Москвы до Урала мужики с вилами и топорами уходили в леса, становились разбойниками, грабили помещичьи имения, а регулярную армию встречали отнюдь не поклонами и не хлебом с солью.

Завершился же «Золотой век» пугачевским бунтом, «бессмысленным и беспощадным», который потряс устои самодержавия до основания и показал, что с народом шутки плохи.

Возможно, Екатерина понимала – государство, коим она управляет, требует более широких преобразований, чем те, которые императрица может предложить. Вполне вероятно, царица сожалела об упущенном времени, когда она была еще полна сил и надежд для проведения необходимых реформ. Оттого и такая страшная средневековая казнь Емельяна Пугачева – четвертование. Дескать, изменить ничего нельзя, так хотя бы страхом заставлю народ повиноваться.

Екатерина не видела в своем сыне возможного преемника-реформатора империи. Она хотела даже трона его лишить. Он ей казался слишком импульсивным, непред-

Г. Лори.
Дворец в Павловске

сказуемым, сумасбродным и абсолютно не от мира сего.

Что делает Павел, когда садится на трон и облачается в императорский пурпур? Он эксгумирует прах своего отца, Петра III и перезахоранивает в Петропавловской крепости, рядом с его женой –Екатериной Великой. Тем самым он подает своеобразный знак своему окружению: и мать, и отец для Павла одинаково святы. Да, он недолюбливал умершую императрицу и считал ее виновной в гибели своего мужа. Однако новоявленный император, например, не выкинул ее кости на потеху черни, а похоронил со всеми положенными почестями, не забыв и про отца. Это ли говорит о сумасшествии?

Перед похоронами Павел короновал Петра III. А императорскую корону заставил держать убийц своего отца. Одному из них, по некоторым сведениям, царь сделал недвусмысленный презент: подарил золотой кулон с изображением виселицы. Сумасшествие? Нет. Воздаяние.

Ожидая трона, Павел с женой своей, Марией Федоровной, много поездил по миру. В те времена его центром была, разумеется, Европа. У него было время посмотреть, сравнить и подумать. Куда идет Россия? Какой у нее путь? В чем ее предназначение? Возможно, такие же вопросы задавал себе и его прадедушка, Петр Великий, которого Павел боготворил и старался во всем быть на него похожим. Петр тоже в свое время увлекался потешными полками, в солдатики играл – нам это не кажется странным. Но почему-то подобные забавы Павла в Гатчине воспринимаются большинством как нечто несуразное, выходящее за рамки приличий. Он не в солдатики играл, он управление государством моделировал!

Одним из первых своих дел, которое надлежало исполнить, Павел считал реформирование армии. Порядки в те времена в императорских войсках царили престранные. Дворяне, пользуясь привилегиями, коих Екатерина Вторая понапридумывала им великое множество, получали воинские звания чуть ли не в утробе матери. Как анекдот звучит сегодня рассказ про княгиню Оленьку, которая, будучи беременной, обратила на себя взоры императрицы. В хорошем расположении духа Екатерина пожаловала ее еще нерожденному ребенку звание майора и землю с тысячами крепостных. И такие случаи были при дворе в порядке вещей, само собой разумеющиеся…

Даже гвардия – личные телохранители, по-

Павел понимал, что необходимо иметь сильную, дисциплинированную армию. Для дворян, которые предпочитали не нюхать порох на плацу, а вдыхать винные пары в кабаках, подобные реформы были не в радость.

четные стражи русских императоров – была на грани распада. Офицеры проводили больше времени не на плацу и в казармах, среди своих подчиненных, а шлялись по кабакам и пивнушкам, пугая своим непотребным видом столичных жителей. Екатерину, возможно, такое положение вещей устраивало. Павла, ее сына, – нет. И ничего удивительного, что царь с первых дел принялся наводить порядок в войсках.

Говорят, он уничтожал все русское в армии и насаждал прусские традиции. Так ли это? Вспомним военные реформы Петра Великого, которые привели к возникновению Российской империи. Петровская армия была построена по образцу европейских стран, потому и удалось разгромить Швецию – в те времена одну из мощных и влиятельных держав в мире. До этого многое решало ополчение, крестьяне с вилами и топорами плюс российское бездорожье и лютые морозы. Петр упорядочил эту систему, присоединив к ней регулярные войска и тем самым упрочив самодержавие в целом и императорскую власть в частности.

Павел не насаждал «прусские порядки», а стремился уничтожить пресловутое «русское разгильдяйство». Досконально изучив Европу, царь понимал, что такое иметь сильную, дисциплинированную, боеспособную армию, способную, как сейчас модно говорить, выполнить любую задачу в любых условиях. Естественно, что для дворян, которые предпочитали не нюхать порох на плацу, а вдыхать винные пары в кабаках, подобные реформы были не в радость.

Результаты не заставили себя ждать. Русская армия громила французские войска в Европе. Мальтийские рыцари обратились к Павлу с просьбой о покровительстве, и впоследствии он стал великим гроссмейстером ордена, веками наводившего ужас своей военной мощью на средиземноморские государства.

Когда Австрия оставила в беде армию Римского-Корсакова, русский император был беспощаден: Павел разорвал союз с Веной и отозвал войска обратно. Не желая проливать кровь за чужие интересы, царь выставил вон английского посланника и заключил мир с Францией. Более того, Павел Первый решил покарать Британскую империю, нанеся удар в самое уязвимое место – Индию. В литературе обычно изображают этот момент как очередное «сумасшествие» сумасбродного царя. То, что в случае успеха влияние Англии в мире было бы

А.Н. Бенуа.
Парад при Павле I,
1907 г.

существенно подорвано, – об этом почему-то умалчивают.

Революционные преобразования ожидали и внутреннюю жизнь страны. Павел издал особый указ, облегчающий жизнь крестьян. Отныне барщина сокращалась с 6 до 3 дней. В воскресенье император повелел отдыхать, «дабы никто и ни под каким видом не дерзал… принуждать крестьян к работам». Весьма революционное в то время предложение, и как знать, не могла ли Россия освободиться от крепостничества лет, скажем, на 50 раньше?

Чтобы слушать не только придворных льстецов, но и народ, Павел установил в окне Зимнего дворца специальный ящик. Любой мог бросить туда записку с жалобами и предложениями. Впервые русский царь желал напрямую общаться с народом, минуя всяческих посредников.

Ему в этот ящик писали всякие скабрезности, ругали, но были и достойные предложения, интересные мысли.

Да, Павел Первый пытался регламентировать быт и нравы народа. Но зачем он делал это? Получив в наследство страну, доведенную пугачевским бунтом, войнами и казнокрадством до истощения, император, как это часто бывало в России, начал «революцию сверху», пока она не началась «снизу». Возможно, если бы Павлу Бог отпустил немного больше времени, не было бы 1825 года, поражения в Крымской войне, и, вероятно, Россия благополучно «проскочила» бы кровавый 1917. Этот русский царь мог изменить историю. Желать блага своей стране, хранить ее от потрясений – где же тут сумасшествие?

Наполеон называл императора Павла «русским Дон Кихотом». Великий завоеватель пытался породниться с ним, просил выдать за него одну из дочерей. Возможно, заключение такого брака могло означать заключение и стратегического союза между Россией и Францией. И тогда – вся Европа склонила бы головы перед двумя великими державами. Вместо войны мы обрели бы прочный мир.

Беда Павла Первого заключалась не в его импульсивности и непредсказуемости – у каждого свой характер, – а в отсутствии команды единомышленников. Слишком революционны были его идеи, еще не родились те, кто в 1861 поддержит падение крепостного права. А потому многие из его начинаний саботировались, исполнялись не надлежащим образом, отчего спустя века складывается ощущение, что Павел Первый – сумасброд.

Екатерина не видела в своем сыне возможного преемника-реформатора империи. Она хотела даже трона его лишить. Он казался ей слишком импульсивным, непредсказуемым, сумасбродным и абсолютно не от мира сего.

Император был в чем-то наивен. Он вряд ли представлял себе истинное положение вещей в обширной Империи. Он, видимо, серьезно полагал, что управляют странами единолично. И вот это была роковая ошибка императора. Странами, как, впрочем, и мирами управляют не цари, короли и василевсы, а сообщества людей, объединенные какой-то идеей. Правитель должен иметь под собой почву, основу. Либо мощный карательный аппарат, чтобы время от времени заливать кровью собственную страну и устрашать непокорных.

Но, как известно, на штык можно опереться, но сесть на него – нельзя. Большевики, например, в свое время это сразу поняли. После массового террора и гражданской войны они провели некоторые экономические реформы, чтобы сдержать народные выступления. Потом, правда, все вернулось на круги своя, но эта передышка была на руку большевистским вождям.

Павел не хотел садиться на штык. Он и не планировал никаких репрессий и кровопролитий. Да, он построил Михайловский замок, поскольку знал, под знаком чего прошел для России XVIII век – под знаком дворцовых переворотов. Вероятно, к тому же, Павел чувствовал, что его «революция сверху» вызовет противодействие дворян, избалованных екатерининскими привилегиями. Однако все эти меры предосторожности были тщетны: ведь предали те, в ком император не имел оснований сомневаться. В заговоре принял участие даже его любимый сын, будущий император Александр I…

Самое странное во всей этой истории, что почти всех убийц Павла Первого ждало Воздаяние. Одного сослали, другого казнили, а третий погиб на дуэли. Даже сам Александр I, говорят, вовсе не умер в Таганроге, а отправился в Сибирь, в монашеской рясе замаливать грехи. Не сложилась жизнь и у великого князя Константина, который, как считают некоторые, знал о готовящемся покушении и ничего не сказал отцу. Граф Пален, тот самый, который стоял во главе заговорщиков, был выслан из Санкт-Петербурга и вскоре умер…

Пожалуй, из всех императоров судьба сыграла с Павлом, с этим «самодержавным революционером», самую злую свою шутку. Так долго ждать трона, готовиться, начать реформы и быть преданным своей семьей – вот оно, родовое проклятье Романовых. И, возможно, цареубийство Николая II, смута 1917 года, гражданская война – своего рода искупление наших прежних грехов? ■

Родион Нахапетов

об убежденном фанатике

Помните, как у чекистов: горячее сердце, холодная голова и чистые руки? А ведь именно такие люди делали революцию, именно эти «холодные головы» бомбили полицейские участки, убивали градоначальников, царей и, вместе с тем, в первых рядах шли в колоннах демонстрантов. И ведь многие знали – их убьют…

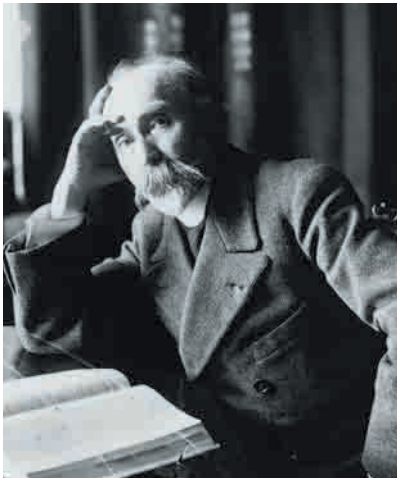
В кинокартине «Раба любви» есть такая сцена. Кинооператор Потоцкий, тот, который днем снимает «фильму», а ночью – белогвардейские расстрелы, встречается в кафе с актрисой Ольгой Вознесенской. Он знает, что его через 5 минут убьют, площадь уже окружают солдаты, отдаются команды, но Потоцкий ведет себя так, как будто ничего не может произойти. Больше всего на свете его занимают две вещи: любовь к Вознесенской и пленки с расстрелами, которые он обязан передать подпольщикам. Если вдуматься в ситуацию, то она кажется смешной, гротескной, отдает фарсом. Но она и показывает нутро истинного революционера, его стержень, тот самый стержень, который оказался прочнее самодержавия.

Настоящий революционер отнюдь не похож на чумазого рабочего с баррикады. Этот образ весьма неточен. Он образован и подчас хорошо воспитан – некоторые из «бунтарей» превосходно владели несколькими языками, вели интеллигентный, как сейчас говорят, образ жизни.

Да, революция принесла много горя нашей стране. Но по-другому и не бывает. Вспомним Английскую или Французскую революции. Кровавый переворот, казнь королей, междоусобицы и, как следствие, приход на политические подмостки диктаторов – Кромвеля и Наполеона. Вот чем закончился общественный раздрай.

Россия в этом смысле почти ничего нового не придумала. Почти. Мы, кажется, первая страна в мире, которая возвела террор в государственный масштаб, поставила его на индустриальную основу. Революция очистила общество от всяческой гнили, но и породила таких монстров, в чьих сущностях мы не можем разобраться и поныне. Массовые убийства, казни, пытки, доносительство – все это поощрялось сверху. И дело тут не в личностях, скажем, Ленина или Сталина. Дело тут – в сознании народа. Русский мужик терпелив, но когда предел его терпения переполняется, он все вокруг разносит в клочья, в пух и прах, подчас не понимая, что коечто придется восстанавливать заново.

Революционер – это дитя своей эпохи. Если



Георгий Плеханов, великий теоретик и пропагандист марксизма, 1910 г.

Владимир Ульянов и члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1897 г.

Место покушения на министра Вячеслава Плеве, организованного социал-революционерами 28 июля 1904 г.

Резиденция Петра Столыпина после взрыва, организованного народовольцами в 1906 г.

Манифестация в Санкт-Петербурге 31 октября 1905 года

Горячее сердце, холодная голова и чистые руки, — именно такие люди делали революцию, именно эти «холодные головы» бомбили полицейские участки, убивали градоначальников и царей.

говорить о его сущности, то в этом человеке изначально заложена неспособность идти на компромисс с миром, который, в большинстве случаев, может привести к разладу человека с самим собой. Это своего рода профессия, как, например, столяр или токарь. Революционер – это фанатик, готовый пожертвовать всем, даже очень близким и дорогим, ради «светлого будущего». В принципе, такие люди подчас напоминают юродивых, блаженных. Беда в том, что их всегда используют карьеристы и откровенные отбросы общества в собственных корыстных целях.

Вспомним выражение французского якобинца Дантона о том, что «революция пожирает своих детей». В этом смысле каждый революционер, возможно, заранее знает, что его ждет. Знает, и тем не менее берет в руки красный флаг и идет на баррикады. Много осталось к 30-м годам XX столетия в большевистской партии тех, кто в 1917 денно и нощно вынашивал планы в Смольном о захвате власти? А ведь прошло чуть больше 10 лет. Ленин – в могиле, Сталин – на троне, а рядовые коммунисты все еще живут иллюзиями прошлого, не замечая, как тают их ряды.

Не следует обелять революционеров, также не нужно их чернить. Революция – своеобразный таран цивилизации. При помощи нее мы избавляемся от ненужного, старого хлама, вскрываем вены эпохи и обновляемся. И неизвестно, была бы наша жизнь «лучше и чище» без подобных потрясений. В конце концов, мир подчас настолько консервативен, что для перемен требуются люди-одиночки, наивно верящие в самопожертвование, которое откроет врата в легендарный Эдем.

Настоящие революционеры… ■

антропология

Размышляя о свободе личности в современном обществе, Юрий Левада констатирует: народ предпочитает терпеть, нежели бунтовать. Марк Захаров и Армен Джигарханян в беседе друг с другом обсуждают степень свободы творческой. Александр Абдулов, анализируя роман Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки», приходит к выводу: «Свобода людей – это свобода рабов». А писательница Александра Маринина призывает разрушить стереотипы, которые подчас заставляют нас принимать ошибочные решения…

фото: Юлия Шкляр

Галина Волчек

5 персон, *которые удивили*

1. Владимир Путин приятно удивил меня и весь коллектив театра «Современник» тем, что во время нашего юбилея нарушил привычные традиции и поздравлял нас не в Кремле, как это обычно бывает, а приехал в театр. Это была легкая, неформальная встреча.

2. Михаил Куснирович, президент компании «Боско», большой любитель искусства и спорта, удивил тем, что организовал в честь 50-летия «Современника» потрясающее гуляние на Чистых прудах. Учитывая специфику театра и наше нежелание устраивать пафосное юбилейное торжество, он придумал очень демократичную и в то же время оригинальную творческую программу, в которой был задействован весь наш коллектив.

3. Татьяна Тарасова, известнейший тренер по фигурному катанию, не перестает удивлять меня на протяжении вот уже многих лет. Но раньше это было связано с ее тренерской работой. А сейчас, когда она предстала в роли главного судьи проекта «Звезды на льду» на Первом канале, я поражаюсь не только ее высокому профессионализму, но и необычайно позитивному отношению ко всем участникам проекта.

4. Евгений Плющенко удивил своими артистическими способностями. В проекте «Звезды на льду» на Первом канале он показал себя потрясающим шоуменом, который с микрофоном в руке свободно и талантливо общается с огромной аудиторией. Я страстно болела за Женю в Турине, когда он боролся за олимпийскую победу. А сейчас наслаждаюсь, глядя на него как на актера.

5. Артур Смольянинов, актер нового поколения, удивил не только талантом, но и невероятно трепетным, честным отношением к делу, самоотдачей, с которой он работает у нас в театре. Хотя этот актер сегодня очень востребован в кино и мог бы быть избалован вниманием публики, он не позволяет себе расслабляться в профессии.

Юрий Левада

Рабы *немы?*

В ноябре весь мир отмечает Международный день терпимости. Терпим мы, терпят нас, нетерпимость оборачивается большой или малой кровью. История России – это кровавый клубок нетерпимости и терпения. Что терпит и кого не терпит население России? На эти темы размышляет Юрий Левада.

О РУССКОМ БУНТЕ

Мы с детства привыкли к выражению: «Русский народ терпелив». Да, народ предпочитает скорее терпеть, нежели бунтовать. Так было почти всегда за небольшими и, скорее всего, локальными исключениями. Кто-то возмущался, а кто-то пользовался.

Пушкин, вводя понятие «русский бунт», имел в виду именно пугачевский бунт, который стал исключительным явлением в истории. Был он преимущественно казацким: Пугачев – казак. И Степан Разин был казаком. Кстати, мало кто знает, что оба они родом из одного села. А вся остальная Россия смиренно стерпела и спокойно приняла подавление этого бунта.

ОБ ЭЛИТЕ

Есть точка зрения, что элита у нас все-таки просвещенная, образованная. Ее представители имеют высшее образование, более или менее представляют, как живут другие люди, а масса по-прежнему не видит ничего, кроме того, что в телевизоре. Сегодня люди элиты действительно замечают больше проблем, но склонны не возмущаться, а искать себе уютное место. Времена, когда Москва и Петербург задавали тон массовым настроениям в стране, стали далеким прошлым.

О ЗАВИСТИ

Года два назад мы спрашивали, кому люди завидуют, – выяснилось, что все без исключения завидуют богатым. И левые, и правые, и молодые, и старые. Когда другой получает больше меня, я хочу либо получать столько же, либо – чтобы его громом прибило. Зависть. Хорошо, если эта зависть переходит в здоровое стремление делать лучше, получать больше. Но у нас большинство

предпочитает получать меньше, зато сидеть спокойно, чтобы государство кормило или еще кто-то.

О КСЕНОФОБИИ

Более актуальной и опасной выглядит нетерпимость к мигрантам, приезжим. Неприятие было и раньше, но в истерику не переходило. А сейчас переходит. Истории с иностранными студентами в Петербурге и Воронеже – одно из явлений воинствующей ксенофобии. Это – индикатор опасного состояния. Опасность не в том, что это может грозить массовыми выступлениями, Россия все-таки не Индия, где подобные вещи зажигают всех. У нас власть старается замолчать, свалить на мелочевку, бытовуху, хулиганство. Атмосферы нетерпимости к этим явлениям нет. Есть опасная терпимость к насилию нацистского, даже фашистского толка.

О НОВОМ ПОКОЛЕНИИ

Поколение молодых людей, сформировавшееся после кризиса и конца советского строя, демонстрирует более активное отношение к жизни: его представители хотят и могут зарабатывать, у них в глазах – не просто мечта о жилплощади и куске хлеба, а о том, чтобы пользоваться разными благами. И они этого добиваются. Они довольно позитивно воспринимают власть и ничего другого не хотят. Им не нужна политика, выборы – зачем? Но отношение к другим у них еще более нетерпимое, чем у старших поколений: у этих людей нет советской привычки принимать все, как есть, поэтому они более активно поддерживают всякого рода националистов. И это поколение превращается подчас в довольно опасный ресурс.

О ВЛАСТИ

Сейчас люди испытывают тревогу за обиженную страну, которой не было 10 лет назад. Тогда мы сами себя начинали ценить и думали, что нас тоже станут уважать, если мы будем умными, сильными… А сейчас мы боимся, что нас подчинят, обидят. Это поддерживается масс-медиа и властью, хотя она, по-моему, в этом не хочет признаваться.

К сожалению, власть более близорука, чем люди. Представители власти действуют, как стая: им важно не прогневать начальство. Во всех иерархиях есть принятая мера – свалить вину на низших. Наказать – снять губернатора, мэра, начальника милиции – и сказать, что вот теперь все станет хорошо, меры приняты.

Ситуации ксенофобии и перехода ее в нацизм и фашизм – не по зубам нашей власти, она не хочет вмешиваться. В Европе власть от мэра до президента считает себя обязанной занять определенную гражданскую позицию и разъяснить ее людям. Ту власть, которая этим не занимается, просто прогонят. А у нас вызывают ОМОН, и это заменяет диалог. ■

Армен Джигарханян уже давно именует себя не иначе, как одиноким клоуном, и Марк Захаров на просьбу назвать близких друзей регулярно отвечает: «Армен. Еще был Андрюша Миронов…»
Два одиночества, два могиканина российского театра встретились, чтобы спокойно и несуетно поговорить о своем, о вечном…

Марк Захаров: Знаю, ты, Армен Борисович, на днях из Еревана вернулся, возил туда свой театр.

Армен Джигарханян: Нам исполнилось десять лет, решили отпраздновать круглую дату на гастролях. Земляки давно звали, вот мы и поехали…

М. З.: И как сегодня поживает Армения? Сто лет там не бывал. Последний визит с тогдашним директором «Ленкома» Экимяном оставил самое приятное впечатление, но с тех пор, наверное, многое изменилось.

А. Д.: Думаю, ты не узнал бы город, Ереван стал другим. Еще лет пять-шесть назад в домах не было света, тепла, даже с хлебом перебои возникали в магазинах. Сегодня – все иначе. По крайней мере, внешне. Вроде бы оживает страна. Очень много строят, очень! Жилье, гостиницы, офисы… И деньги у людей, кажется, появились. Впрочем, чтобы говорить более ответственно, мало прожить неделю, нужно окунуться в быт, поглядеть не только на фасадную сторону, но и на изнанку. Я, честно говоря, не успел. Не дали.

М. З.: Слишком горячо принимали?

А. Д.: Никогда не думал, что мои сородичи так любят фотографироваться! Почувствовал себя настоящей моделью.

М. З.: А что говорят в Армении о России?

А. Д.: Ничего плохого. Там понимают: без русской армии, которая стоит на границе с Азербайджаном, давно случилась бы беда.

М. З.: Грузинской темы касались?

А. Д.: Конечно. В гостинице я даже познакомился с вице-спикером парламента Грузии. Забыл фамилию, из головы вылетела… Армяне уверяют, будто делегация из Тбилиси приехала, чтобы просить Ереван стать посредником на переговорах с Москвой. Мол, помогите помириться. Думаю, земляки цену себе набивают, однако в любом случае российско-грузинское обострение – проблема больная и неприятная. Объективной информации – кот наплакал, но по всему видно, что дипломаты и политики наломали дров, сработали грубо, топорно. Наблюдением поделюсь. Ты, Марк Анатольевич, знаешь: рядом с моим домом в Староконюшенном переулке находится грузинская школа. Иногда с ребятами и учителями парой фраз перебрасываюсь, шучу. А тут смотрю: посмурнели соседи, улыбаться перестали. Значит, что-то по-крупному не в порядке, раз у людей настроение ушло и не возвращается.

М. З.: И я тяжело переживаю происходящее. Меня напрямую это вроде бы не касается, а чувство, будто кто-то хочет поссорить с близким человеком. Зачем? В толк не возьму… Впрочем, не хочу закапываться в тему, от нее во рту сразу противный привкус появляется.

А. Д.: Согласись, обидно чувствовать себя заложником в чужой игре.

М. З.: И все-таки давай поговорим о чем-нибудь более приятном. Думаю, как удачно судьба распорядилась, Армен! В Ереване гастролировал Анатолий Эфрос, обратил на тебя внимание, позвал в труппу… Настоящую славу ты вкусил в Москве, здесь стал достоянием республики. Но в Белокаменную ведь переехал не желторотый юнец из провинции, а опытный актер, взрослый мужчина. Сколько тебе было в ту пору?

А. Д.: Сейчас посчитаю и честно отвечу, как коммунист коммунисту… Тридцать один год.

М. З.: Подходящий возраст, чтобы начать новую главу жизни. В сорок сделать это было бы гораздо сложнее, если вообще возможно. Не раз наблюдал, как замечательные артисты, блиставшие на периферии, не могли найти себя в Москве. Годы давили. Даже Сережа Юрский, который в Ленинграде по праву считался всеобщим кумиром и любимцем, в столице отошел на второй план, встав в ряд других хороших актеров. Тебе удалось не затеряться. Наверное, привез с собой какой-то особенный творческий багаж?

А. Д.: Мог бы дать сейчас дежурный ответ, но с тобой не хочу лукавить. Если честно, никогда не думал об этом. Я работал в Ереване, меня хвалили и ругали, узнавали на улицах и проходили мимо, но не скажу, будто специально готовился к штурму Москвы. Спасибо мудрым учителям, объяснили: нельзя останавливаться на достигнутом, нужно двигаться вперед. Если увлечься штудированием хвалебных рецензий, однажды можно превратиться из артиста в читателя. Поэтому старался не отвлекаться на постороннее, занимался ремеслом. Конечно, то, что вырос и сформировался в Ереване, сыграло роль, но знаешь, какой самый трудный вопрос для меня? Определить язык, на котором думаю. Сейчас говорю по-русски, значит, и мыслить вроде бы должен на этом языке, но что происходит в глубинах подсознания? Кто скажет? Не могу ответить.

Что касается возраста, ты, Марк Анатольевич, как всегда, абсолютно прав и… чуточку не прав. Аркадий Райкин перебрался из Питера в Москву в весьма зрелом возрасте, но это не помешало ему остаться первым номером в эстрадном жанре. Кстати, однажды наблюдал весьма характерную картину перед концертом Аркадия Исааковича. Я зашел за кулисы, чтобы поздороваться, поцеловать мэтра в щеку, и увидел совершенно больного старика. Помощники буквально под руки вели его на сцену. А потом занавес открылся и… Ты понимаешь, да? Перед залом предстал совершенно другой человек. Бодрый, энергичный, полный сил! Самое поразительное, Райкин к этому перевоплощению не имел никакого отношения! Включились внутренние резервы, открылись какие-то шлюзы.

М. З.: И все-таки ответь мне, Армен, с чего началась для тебя Москва?

А. Д.: С твоего «Разгрома», поставленного в Театре Маяковского! Я уже играл у Эфроса в «Ленкоме», но по-настоящему почувствовал землю под ногами после роли Левинсона. Всегда буду благодарен судьбе за то, что она свела нас тридцать пять лет назад.

М. З.: А ты помнишь, с каким скрипом выпускался спектакль? Моя режиссерская карьера висела на волоске. В отделе культуры московского горкома КПСС приняли решение запретить «Разгром». У меня до этого уже закрыли «Доходное место» и «Банкет», еще один прокол означал бы смертный приговор без права обжалования. Ситуацию спасла вдова Александра Фадеева Ангелина Степанова. Она по «вертушке» позвонила секретарю ЦК Суслову, заведовавшему идеологией, и сказала: «Как можно снимать спектакль по произведению Александра Александровича? Вы видели постановку? Там нет ничего крамольного, очень достойная работа». И Суслов пошел в театр. Собравшиеся в зале следили за его реакцией, пытаясь уловить какой-то сигнал. Когда действие закончилось, Суслов поднялся с места и начал аплодировать, после чего стало ясно: гроза прошла стороною.

А. Д.: Суслов не только аплодировал, он плакал! Те самые люди, которые отслеживали каждое движение вождя, зафиксировали: он трижды вынимал платок из кармана. Видимо, проникся судьбой героев. Сердце пламенного коммуниста дрогнуло.

М. З.: И это уберегло меня от многих бед. А расскажи, как ты ездил с «Разгромом» на гастроли в Румынию. Люблю слушать эту историю.

А. Д.: После спектакля ко мне в гримерку зашел Николае Чаушеску, самый большой человек в стране, главный начальник, по-отечески положил руку на плечо и сказал: «Да, тяжело нам, командирам». Это случилось за несколько лет до расстрела румынского диктатора…

М. З.: Я вот о чем подумал сейчас, Армен Борисович. Очень важно, чтобы все в жизни происходило вовремя. Скажем, несколькими годами позже «Разгром» уже не вышел бы. Я не смог бы его поставить, отягощенный полученными от Авторханова, Солженицына и прочих самиздатовских писателей знаниями. У меня открылись глаза на братоубийственную бойню, которую советские историки предпочитали нейтрально

именовать гражданской войной. Эти книги произвели перелом в моем сознании. Фадеев писал о другом, в его сочинении была некая романтика, от героев веяло былинной удалью. Это даже в именах чувствовалось: Метелица, Мечик… И я поддался обаянию, решил подхватить песню.

А. Д.: Не жалей. Спектакль того стоил.

М. З.: Я ведь не ради слов утешения говорю, ты же понимаешь… Лев Толстой однажды спросил у Мейерхольда: «Вы много сейчас читаете?» Всеволод Эмильевич замялся на секунду и ответил: «К сожалению, мало». Лев Николаевич сказал: «Вот это хорошо!» И в моей биографии был похожий эпизод. Поставил в Театре Сатиры «Доходное место», спектакль принес мне некоторую известность в Москве, появились первые положительные рецензии. Плучек, главреж Сатиры, терпел-терпел, а потом не выдержал: «Ты – неуч, Захаров! Берешься за Островского, а сам понятия не имеешь, что это за драматург». Я тогда страшно обиделся на Валентина Николаевича, а потом, спустя годы, внутренне с ним согласился. В его словах есть великая правда. Информация ведь тоже имеет разные знаки, бывает и положительной, и отрицательной. Ощущение, что нас сейчас накрывает вал негатива. Может, необходимо строить препоны, заграждения на пути этого мутного потока? Ладно, мы – люди взрослые, жизнью тертые, но когда под ударом оказываются молодые, тебе страшно не становится?

А. Д.: Конечно, нужен иммунитет, чтобы противостоять всему тому, что обрушивается на наши головы с различных экранов – телевизионных, кинотеатральных, компьютерных. Я, например, почти не смотрю ТВ, только спортивные передачи и канал о животных. Зато по-прежнему много читаю…

Не думаю, будто нужно что-то искусственно ограничивать. Вопрос в другом: льющееся сегодня со всех сторон часто оказывается никакой не информацией, а элементарным мусором, извини за грубость, словесным поносом. И страдают им люди, которые не имеют морального права публично открывать рот. Их разглагольствования не подкреплены собственным опытом, страданиями, переживаниями. Даже диктор, читающий новости, должен внушать доверие. А я вижу пустые глаза и слышу холодную интонацию. Это действует разрушающе. Поэтому лучше включу «Animal planet» и посмотрю на мартышек. Они не играют, а живут. Им я верю.

М. З.: Готов с тобой во всем согласиться, но есть важный нюанс. Не оказаться бы нам в роли брюзжащих стариков, которые сидят на завалинке и сетуют: «Эх, вот раньше!» Очень этого боюсь. Когда мне что-то активно не нравится, не спешу кричать во всеуслышание. Сначала проверяю на знакомых, ищу единомышленников. Как, например, считаешь, надо заставлять молодежь учиться?

А. Д.: Повторяю, я против любого насилия. Нужно дать право выбора.

М. З.: Тогда они даже зубы чистить перестанут!

А. Д.: Никуда не денутся, начнут, когда почувствуют в этом кровную заинтересованность. В любом случае, пустые разговоры никого ни в чем не убеждают. Лишь личный опыт может чему-то научить. Рискую навлечь на себя шквал обвинений, но все же скажу, почему, например, с некоторых пор не читаю театральные рецензии. Окончательно убедился: зачастую их авторы элементарно не понимают, о чем пишут, не знают предмета разговора. Никто ведь из них ни разу не выходил на сцену, понятия не имеет, в чем заключается актерское ремесло, работа режиссера. Но это не мешает судить обо всем категорически, безапелляционно. Скажите хотя бы приличия ради общую фразу типа «Мне так кажется» или «Я так думаю», но нет – рубят с плеча, на сто процентов уверенные в собственной правоте. Иногда даже завидую: откуда такая убежденность? Может, кому-то подобные рецензии кажутся справедливыми, аргументированными, но мне зачем это все читать? Да, среди критиков есть люди умные, эрудированные, сильные, но их – меньшинство, а, как известно, количество, увы, побеждает качество. Yes?

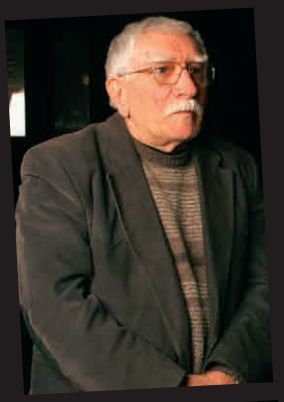
М. З.: Йес-то оно, конечно, йес, но, не скрою, в отношениях с журналистами, с теми, кто пишет о театре, я стараюсь быть крайне осторожным. Если даже с чем-то не согласен, если чувствую себя оскорбленным, не иду на конфликт. Мы находимся слишком в неравных условиях, не смогу достойно оппонировать, у меня нет такой трибуны.

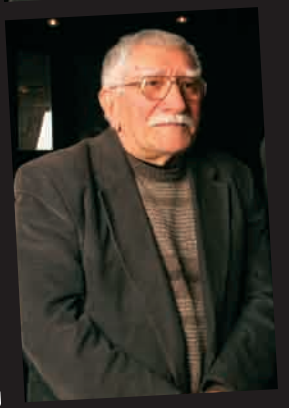
А. Д.: Ты – мудрый человек, а у меня не хватает сил сдержаться. Ну, как промолчать, если вижу, что критик пьесу не читал, но берется высокомерно рассуждать о спектакле? И человек вроде бы прекрасный, и собеседник приятный, а предмета разговора не знает… Есть еще аспект, который выводит меня из равновесия. Каждый рецензент имеет любимчиков, готов им прощать все, а остальных в упор не замечает. По-моему, так нечестно.

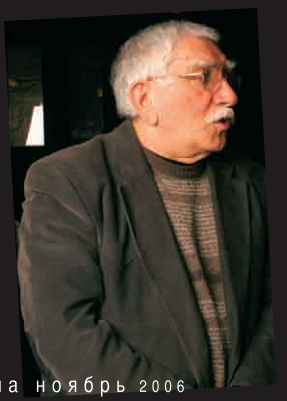
М. З.: Хорошую форму поддерживаешь, Армен Борисович. Максимализм – черта молодых… Я с годами научился спокойнее реагировать на многое. И с артистами отношения выстраиваю ровные, деликатно с ними обращаюсь, корректно, не кричу, даже голос не повышаю. По крайней мере, пытаюсь…

А. Д.: Наверное, это еще от темперамента зависит.

М. З.: Вот Андрей Александрович Гончаров, с которым многое связано и в твоей жизни, и в моей, вел себя иначе. Помнишь репетиции в Театре Маяковского? Он создавал стрессовую ситуацию, подвергал актеров мощнейшему прессингу, психическому обстрелу. Я так не умею. Все чаще сам себе кажусь добрым Дедом Морозом, который никого не обижает, принимает приятные







для всех решения. «Тебе надо на съемки? Езжай! Не можешь быть на репетиции? Не приходи». И далее в том же духе. Правда, так продолжается, пока не останется месяц до выпуска спектакля. Тут уже малина заканчивается. Вынь и положь: все сторонние дела отодвигаются и начинается настоящая работа над ролью…

А. Д.: Переходишь на казарменное положение?

М. З.: Важно не перегнуть палку. Стал практиковать нечто вроде психотерапевтических сеансов для молодых. Смотрю на какого-нибудь начинающего актера и ясно вижу, что ждет его через полгода или год. Привалит успех, защелкают фотоаппараты, посыплются интервью, пойдут обложки в глянцевых журналах, симпатичные корреспондентки станут задавать вопросы из серии «Кто вам больше нравится – блондинки или брюнетки?», и тут важно не сойти с ума. Вот и занимаюсь тем, что стараюсь уберечь юные дарования от сумасшествия. Делаю это, надо признаться, с переменным успехом. Иногда человек обещает держаться, но потом ему все равно сносит башню. Наблюдать за этим грустно, хотя понимаю, сколь сильно желание прорваться к звездам.

А. Д.: У меня нет твоего опыта, Марк Анатольевич, я – худрук с куда меньшим стажем, но тоже стараюсь уберечь молодых от глупостей, сохранить в труппе разумный баланс и компромисс. Как считаешь, можно для этого использовать только пряник?

М. З.: Нет. Конечно, нет!

А. Д.: Помнишь, однажды я пришел к тебе и стал плакаться, жалуясь на проблемы с дисциплиной, а ты сказал коротко и ясно: «Выгони публично кого-нибудь из театра». Я поразился, как все просто и гениально!

М. З.: Давать такие советы всегда проще, чем действовать самому…

А. Д.: Русский театр, конечно, крепостной. Во всех смыслах этого слова. Нужен лидер, которому будут подчиняться. А за попытку бунта – строгое наказание.

М. З.: Но тут вот еще что важно: и у лидера

должен быть человек, не боящийся сказать ему в глаза резкие, даже грубые, но справедливые слова. У меня был Григорий Горин. Он заходил в кабинет и с порога заявлял: «Бездарная постановка! Этот спектакль тебя не достоин!» Сегодня мне остро не хватает Гриши. Чувствую, с каждым годом все труднее сделать что-то важное и интересное. Время, когда преуспевают маленькие театры на пятьдесят зрителей, а у нас зал – на семьсот человек.

А. Д.: А у нас – на пятьсот…

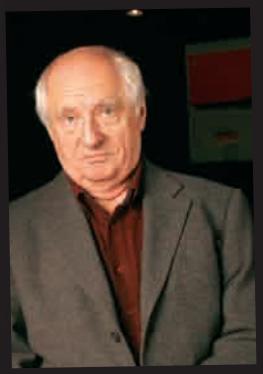
М. З.: Такую аудиторию трудно завоевать, еще сложнее – удержать. Все чаще вспоминаю слова Бенюэля, как-то сказавшего: «Если хочешь узнать, что ты за режиссер, сними фильм без музыки». Я распространил формулу на драматический театр и однажды поставил спектакль «Вор», где замечательно сыграл Евгений Павлович Леонов. Там музыка прорывается в самом конце, в финале звучит реквием. Задача оказалась невероятно трудной!

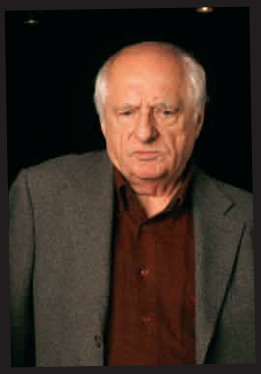
А. Д.: Я на такое, наверное, никогда не решусь. У нас с тобой – разные весовые категории в режиссуре, Марк Анатольевич…

М. З.: А почему мы, Армен, обращаемся друг к другу по отчеству, словно на партсобрании?

А. Д.: Ты первым начал, мой учитель… Поразительная вещь: мы ведь с тобой планировали беседовать на совершенно иную тему, но все равно скатились к театру. Видимо, он все остальное для нас затмевает. Я полвека проработал на сцене и не перестаю удивляться, какие бесконечные возможности таятся там. Сколько еще есть глубин, куда никто пока не опускался, не заглядывал! Абсолютно солидарен с Фрейдом, сказавшим, что истинное творчество не останавливается в развитии.

М. З.: А ты не погорячился, Армен, когда два года назад решил, что больше не выйдешь на подмостки как актер?





А. Д.: Мы ведь уже обсуждали, Марк… Нет, это – не минутный порыв, а взвешенный шаг, давшийся мне с большим трудом.

М. З.: Уважаю твой выбор, но не перестаю сожалеть, что все так обернулось. Без преувеличения, это – трагедия для русского театра. Честно скажу, не припомню случая, чтобы артист твоего масштаба добровольно оставлял сцену. Хотя бы в кино будешь сниматься?

А. Д.: Отвечу красиво, литературно: если бы не материальные проблемы, с кинематографом завязал бы… Тебе ли не знать: последней театральной работой для меня стала роль синьора Сориано в спектакле «Город миллионеров», поставленном в твоем «Ленкоме».

М. З.: И в твоем тоже, Армен. Ты здесь начинал московскую карьеру, тут и черту подвел.

А. Д.: Сентиментально скажу: до сих пор люблю Сориано, но в какой-то момент остро почувствовал, что еще немного – и начну гнать брак, выдавать суррогат. И это – не теория, а суровая практика. Вдруг ощутил, что неприлично болит спина, в одном месте тянет, в другом ломит. В таком состоянии не выходят на сцену.

М. З.: А как же перевоплощавшийся Райкин? Ты ведь сам рассказывал.

А. Д.: Знаешь, Марк, физиологию не обманешь. Меня стало элементарно не хватать. Понял это первым, не доставало, чтобы и зрители осознали. Зачем обманывать других и себя? Я видел, как люди теряют форму и не замечают этого. Жалкое зрелище. Не захотел уподобляться.

М. З.: Высокая самооценка. Мужественный поступок. В моей практике был несколько иной случай, когда при помощи психотерапевтических приемов я вернул человеку веру в то, что ему по силам справиться с ролью. Речь о Елене Фадеевой, много десятилетий прослужившей в театре Ленинского комсомола. Она репетировала в спектакле «Три девушки в голубом» по пьесе Петрушевской и взялась украшать роль какими-то актерскими бантиками, штампами, затейливыми голосовыми инкрустациями, которыми никто и никогда не пользуется в повседневной жизни. Я посмотрел на героические потуги, а потом вызвал Фадееву на откровенный разговор и прямо спросил: «Зачем вы это делаете, Елена Алексеевна?» Она помолчала и ответила: «Марк Анатольевич, я – плохая актриса». Заметь, это сказала депутат Верховного Совета, лауреат всевозможных премий, народная артистка СССР, сыгравшая роль Марии Ульяновой, матери Ленина… Что я мог сделать в этой ситуации? Попросил: «Елена Алексеевна, попробуйте ничего не выдумывать, а произнести текст так, будто о своей

жизни рассказываете. У вас ведь – богатая биография: дедушка – кишиневский губернатор, спокойное, сытое детство и вдруг – революция, гражданская война, сыпной тиф, которым вы переболели… Один театр, второй…» И знаешь, роль получилась. Фадеева ни в чем не уступала Чуриковой и Пельтцер. Не скрою, горжусь этой историей, хотя и понимаю, она – разовый случай.

А. Д.: Наверное, что-то наверху совпало, сложилось.

М. З.: Рерих ввел понятие «нервная энергия». Это – очень тонкая материя. Большая удача, если удается транслировать ее в зрительный зал и получить оттуда адекватный ответ. Плятт точно сказал: «Замечательно, когда в театре одна тишина сменяет другую».

А. Д.: Это – почти недостижимо. Иногда кажется, что вроде бы поймал момент единения со зрителями, как вдруг кто-то раскашляется некстати. Все очарование улетучивается в секунду!

М. З.: Можно получить колоссальный удар по психике! Актерство – очень опасная профессия, которая порой страшно уродует людей, вгоняет их в дикие комплексы. Часто все зависит не только от личного таланта, но и от привнесенных обстоятельств. Очень важно и то, кто рядом с тобою в быту, в повседневной жизни. Убежден, мужчину-творца во многом формирует любимая женщина.

А. Д.: Муза.

М. З.: Да! Хотя она, возлюбленная, способна не только возвышать, но и тащить вниз. Такие случаи тоже известны.

А. Д.: Хорошо, что сказал об этом. В подобном часто боятся признаться. Как и в том, что актеру, даже маститому и известному, бывает страшно на сцене. Великий Лоуренс Оливье не раз повторял: самое трудное в профессии артиста – преодоление страха.

М. З.: У режиссера – то же самое! После удачного спектакля начинаешь бояться провала. Словно по тонкому льду идешь. Разве мало примеров, когда люди ломались? Замечательный, пронзительный и точный Анатолий Васильев после «Взрослой дочери молодого человека», спектакля, имевшего колоссальный успех, на несколько лет впал в ступор, не мог шага ступить. От него ждали очередного шедевра, а человек потерял уверенность. И я подобное испытывал. В «Ленкоме» ведь – постоянные аншлаги, люди к нам ходили и ходят,

но это как раз и давит. Боязно: а вдруг что-то упустишь? Хотя, например, «Юнону и Авось» играем четверть века, уже пять Кончит сменилось, а зритель все идет и идет. Теперь уже дети тех, кто смотрел спектакль в первом актерском составе. Недавно гастролировали в Петербурге, и в конце действия в проходы выскочили молодые ребята, стали размахивать над головами куртками, подпевая артистам. Тетушки, дежурившие в театре, тут же забегали, пытаясь усадить зрителей на места, а мы были счастливы.

С новыми работами – сложнее. Десять лет назад выбрать проект было куда проще. Помню, на заре 90-х поставил в театре у Андрея Гончарова «Ревизора», в котором играли мои студенты. В начале спектакля из уст Городничего звучала фраза: «А вот гусей держать в суде не надо! Это опасно». Зал взрывался, потому что включался ассоциативный ряд, и зрители думали не про гуся, а про Гусинского. Тогда подобных приемов хватало, чтобы спектакль принимали «на ура». Сегодня не хочется повторять джентльменский набор, заставлять актеров использовать старый багаж. Нужно подключаться к тем проблемам, которыми живут люди, все должно быть естественно, натурально.

А. Д.: И снова ты прав, Марк Анатольевич. Диалог с залом – главное, что есть в нашем ремесле. Дай Бог, если из всех зрителей по-настоящему удается зацепить хотя бы двоих или троих. Остальные могут сопереживать героям, любопытствовать, но больная зона в конкретном человеке прощупывается крайне редко. Искусственно такие вещи не делаются.

М. З.: Хотя у Мейерхольда в зале сидели специальные барышни, которые в наиболее драматические моменты действия принимались щелкать замками на дамских сумочках. Якобы тянулись за носовыми платками, чтобы утереть слезы. Это тут же наэлектризовывало зал, всхлипывать начинали соседки, цепная реакция накрывала зрителей.

А. Д.: По-твоему, это плохо?

М. З.: Нет, Мейерхольд был великий колдун…

Еще раз повторю: в жизни театра – масса неочевидных нюансов. Знаешь, когда мы не собрали аншлаг? В день бесплатного спектакля для защитников Белого дома. Это было в 1991 году. ГКЧП отменил все развлекательные мероприятия в столице, вот мы и решили устроить что-то вроде шефского концерта, позвали всех желающих, а набралось ползала. Русские люди, с одной стороны, любят халяву, с другой – относятся к ней подозрительно. Раз бесплатно, значит, плохо. Поэтому и перетяжки с анонсами премьер никогда не вывешиваем на улицах Москвы. Опять срабатывает стереотип сознания: ага, заманивают в театр, совсем, видно, у них дела швах! И билеты стараемся делать подороже. Те, кто купил самые дорогие, всегда сидят до самого конца и потом громче всех аплодируют, срываются на овации.

А. Д.: Цена влияет на восприятие?

М. З.: Видимо, да. Человек не хочет чувствовать себя одураченным и в любом случае начинает верить, будто ему все безумно понравилось.

А. Д.: Но ты, Марк, все-таки сделай мне по знакомству хорошие места. Хочу посмотреть, как Геннадий Хазанов в «Городе миллионеров» играет. Уходить в антракте не буду. Обещаю.

М. З.: Главное – приди. Сколько ты к нам не заглядывал?

А. Д.: С твоего юбилея.

М. З.: Это не считается, капустник к семидесятилетию – не спектакль. А я у тебя был на «Трех сестрах». Не скрою, поначалу смотрел с некоторой опаской и недоверием, а потом все принял и порадовался. Так что, Армен, теперь твоя очередь наносить визит.

А. Д.: Увидимся! ■

Алексей Баталов

О любви

Актер, на протяжении всей жизни игравший героев, которые становились кумирами женщин разных поколений, убежден: стремление представительниц прекрасной половины человечества к эмансипации, все их попытки отвоевать свободу в отношениях с мужчинами – не более, чем блажь, приводящая к обесцениванию главного – женской доброты и терпимости, этих необходимых составляющих человеческого счастья. А в качестве доказательства рассказывает личную историю…

Думаю, что вся эмансипация, вся эта «война полов» благополучно заканчивается, как только двое встречаются. И вдруг выясняется, что все замечательные теории ничего не стоят по сравнению с женщиной, которая стоит рядом...

...Мы познакомились в 54-м году в Ленинграде: Гитана была там на гастролях, я – на съемках. Жена моя – потомственная цирковая артистка. Помните, у Блока: «Пой, гитана, танцуй, гитана...»? С детства моя Гитана исполняла цыганские танцы, трюки, стоя на лошади, идущей карьером. Ежедневный риск, обязательные увечья... Многие девочки, выступавшие вместе с ней, переломали себе все. Кстати, трюки, которые делала моя жена, сейчас никто не выполняет, они остались только в цирковой энциклопедии. Кроме того, она была знаменитой цыганской танцовщицей, одной из лучших. Есть совершенно уникальная фотография, где она во время танца бьет ногой в бубен, который держит высоко над головой. Это делали только две танцовщицы во всем мире.

Все было очень просто: я пришел в цирк и увидел, как она танцует. Так что, многое зависело от того, что это, скажем, был Ленинград, а не Москва, что в цирке шла эта программа, а не другая, что я в это время делал то, а не это. А потом оказалось, что мы живем в одной гостинице и вечером, естественно, ходим ужинать в один ресторан. Период ухаживания у нас был абсолютно не похож на ухаживание нормальных людей. Я не могу похвастать, что купил ей то, это... Все происходило наоборот. Она получала гораздо больше меня. Номер снимала в бельэтаже «Европейской», а я жил на последнем этаже в комнате без сортира и с окнами во двор. Поэтому, если банкетик устраивали или что-то там праздновали, то собирались у них, цирковых, на их деньги, а не на мои. Такое вот у нас было начало. Не забывайте, что цирк – это своего рода каста. Мне и ей говорили, что мы – не пара, что раз она из цирка, то там и должна искать себе супруга, даже угрожали...

Свадебного путешествия у нас не получилось, но свадьба была. Помню, мы снимали комнатку на улице Горького – мхатовский дом недалеко от площади Маяковского. Пришли все друзья, художники, актеры из «Современника»... А потом нам жить было негде, у меня – комнатка в квартире родителей, у нее вообще – одни гостиницы. И после свадьбы мы долго мыкались. Зато с родными повезло. Мои родители были замечательные люди, никогда не вмешивались в нашу жизнь, наоборот, старались помочь. С ее мамой мы тоже жили душа в душу. Я помню, как теща упрекала жену за то, что она мне плохо поливает на голову, и даже сама мне ее мыла.

А потом гастрольная жизнь – я снимаюсь в чужих городах, она работает по всей стране. Где-то встретились, где-то разминулись – и опять она уезжает на четыре месяца. Ставьте штамп – не ставьте, что это меняет? В семье все просто: или вы доверяете человеку изначально, или нет. Когда арестовали мою бабушку, главврача Владимирской больницы,

Рисунок Юрия Олеши

С детства моя Гитана исполняла цыганские танцы, трюки, стоя на лошади, идущей карьером. Кстати, ее трюки сейчас никто не делает, они остались только в цирковой энциклопедии.

мне было лет шесть, наверное. И вы знаете, я ни одной секунды не считал ее в чем-нибудь виноватой. Для меня, маленького, было очевидно, что все, кто ее осудил, не правы, а Нана, так я ее звал, одна из лучших людей на Земле. Как только вы перестаете доверять человеку, тут же все разваливается. Если не доверять, тогда как жить? Конечно, мне и жене, кстати говоря, досаждали поклонники, что уж тут поделаешь. Может быть, она и ревновала, и страдала, но никаких сцен никогда не устраивала, и я ей, честно говоря, тоже. Бог миловал.

Чем дальше, тем с большим удивлением я смотрю на жену. Сейчас, когда мне уже много лет, могу сказать: в самом начале даже не предполагал, что встретился с человеком, способным столь многим пожертвовать ради меня, ради моих не Бог весть каких трудов – все-таки я не какую-нибудь «Божественную комедию» написал, а только играл, играл, играл... Но всегда мои дела, моя судьба были для нее на первом месте. Она отказалась от многих выгодных предложений – например, выехать (прошу заметить – не сейчас, а тогда) за границу. Вместо этого осталась рядом со мной. Раньше я, может быть, сказал бы по-другому, но сейчас думаю: как я со дня нашего знакомства ей задолжал, так, по-моему, этот долг все и растет.

Я многому научился у нее. Даже вместе репетировали роль Феди Протасова. Не говоря уже о том, что это она меня научила ходить по канату. И первые седые волосы у нее появились на съемках картины «Три толстяка» – после того, как я прошел по канату на высоте чердака. Эпизод этот – решающий, и надо было хоть несколько шагов сделать самому, без дублера... Да к тому же кураж, самолюбие... А стояла очень плохая погода, шел мокрый снег, и можно было запросто поскользнуться. Она встала рядом с камерой, а я пошел... Как цирковая актриса она-то прекрасно понимала, что это такое.

Что вам еще сказать о ней? Человек очень сложный, противоречивый, неоднозначный и, может быть, поэтому интересный. Вы представляете, с одной стороны – этот темперамент, что-то вольное, такая разлюли-малина с шампанским, гитарами, а с другой – прекрасная, терпеливая мать, любящая жена. Все в доме буквально на ее руках держится. Хлопочет по хозяйству, готовит еду, оплачивает счета, воспитывает дочь, с которой она день и ночь неразлучна...

Она научила меня ходить по канату. И первые седые волосы у нее появились на съемках картины «Три толстяка» — после того, как я прошел по канату на высоте чердака.

Рисунок Юрия Олеши

Конечно, если бы чувства с годами не менялись, это было бы неестественным, все равно, что дерево остановилось бы в своем росте. Со временем в копилку отношений складываются многие вещи, которые, с точки зрения молодежи, не относятся к любви. То, что вас не предавали, то, что с вами пережили тяжелое время, то, что с вами рядом сидели, когда вы болели... Все это потихоньку к старости накапливается. Такой союз двух людей очень отличается от первых вздохов, страстей и раздутых ноздрей, но он более прочен. Ведь прошлое сильно тем, что в нем ничего нельзя изменить. ■

Иллюстрация Алексея Остроменцкого

Александр Абдулов

Выйти *из строя...*

100 лет назад была сделана первая операция по лоботомии. Никто и никогда не узнал бы сути этого медицинского термина, если бы не культовый роман великого бунтаря Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки». Но даже те, кто не читал роман, смотрели одноименный фильм Милоша Формана, ставший классикой мирового кинематографа. С тех пор все знают, что лоботомия – это операция, превращающая человека в покорное, бессмысленное существо. Но только ли хирургическим путем можно сделать из свободного человека раба? Об этом размышляет Александр Абдулов, исполнитель главной роли в спектакле по роману Кена Кизи.

Рабство или разнузданная свобода?

Я придумал для роли Макмерфи – главного персонажа спектакля – такую формулу: абсолютная свобода – это понимание и уважение несвободы другого. Человек чаще всего несвободен, и невозможно помочь ему освободиться.

Кен Кизи в своем романе «Полет над гнездом кукушки» противопоставляет человеческому рабству разнузданную свободу. Свободу без ограничений. В нашем спектакле Макмерфи – тоже человек абсолютно свободный. Но спектакль не похож ни на роман Кизи, ни на снятый по нему фильм Милоша Формана. В свое время этот роман не произвел на меня особого впечатления. Зато фильм просто потряс. Посмотрев его, я даже хотел бросить актерскую профессию. Потому что понимал: при тогдашнем строе никто не дал бы мне сыграть роль Макмерфи, я никогда не получил бы такого материала. Но судьба решила пошутить: прошло много лет, и именно мне предложили сыграть эту роль.

«Не унывайте, друзья, вам нечего стыдиться. Все шло, как надо. Кролику не положено заступаться за сородича. Это было бы глупо. А вы поступили разумно – трусливо, но разумно».

Кен Кизи «Полет над гнездом кукушки»

Мы начали работу с нуля, сочинив абсолютно новую пьесу. Сейчас уже никто не помнит, кто такие хиппи и что такое жизнь индейцев в резервациях, поэтому наша история – о свободе и о том, как человек может ее сохранить. Макмерфи в нашем спектакле – человек внутренне свободный. Бывают такие люди, которых невозможно сделать рабами, несмотря ни на что. Но свобода должна находиться в руках у того, кто знает, как ею распорядиться, что можно делать, а чего – нельзя.

А может быть, мудрость Макмерфи – от мысли, что его жизнь подходит к концу. Если человек осознает, сколько раз ему осталось увидеть этот мир, он иначе относится к жизни – начинает больше ее ценить и радоваться каждому дню. В нашем спектакле Макмерфи понимает, какой срок ему отпущен. И старается жить на полную катушку, ведь каждая минута неповторима. Чтобы понимать это и не сломаться, нужна огромная сила воли.

У Формана герой попадает в психушку, где все, кроме него, – сумасшедшие. У нас они – нормальные люди, которые просто не вписались в эту жизнь. Представьте себе, как в советские времена какая-нибудь девушка-библиотекарша жила в своем замкнутом мирке, получала 60 рублей, любила свою работу, книги, и мечтала, что когда-нибудь в библиотеку придет молодой человек, который в нее влюбится... И вдруг страна развалилась, в библиотеке устроили казино, куда ей деваться? Когда Союз распался, огромное количество людей оказалось не у дел (такое бывает при развале любой страны, любого режима). Многие опустились на самое дно, не понимая, как выжить. И Хардинг, и Билли – обитатели психушки – не вписались в жизнь, они просто боятся выйти на улицу. Им удобнее жить в дурдоме, где есть крыша над головой, одежда и трехразовое питание.

Залезть в мозг, объявить дефолт

Макмерфи попал в психушку случайно. Он думал, что отлежится месяц-полтора, пройдет принудительное лечение, и его выпустят. Но оказался в ловушке. И понял, что попал в руки к людям, которые могут сделать с ним все, что угодно, а его судьба зависит от прихоти сестры Ретчед. Если Макмерфи будет ее слушаться, его могут выписать, если нет – он останется в больнице навсегда.

Мне кажется, что ситуация в этой психушке напоминает взаимоотношения чело-

века и государства. Захочет правительство что-то с нами сделать, сделает. Например, объявит дефолт, и при этом капиталы чиновников нисколько не пострадают. Или залезет человеку в мозг. По-моему, лоботомия – такая же система уничтожения людей, как лагеря и газовые камеры в фашистской Германии. Как правило, подобные операции ни к чему хорошему не приводят. У всех, кто выжил после них, начинаются всевозможные психические отклонения. Почему люди решили, что имеют право влезть в чей-нибудь мозг и провести с ним эксперимент? Такое не могло прийти в голову даже ученым. Скорее всего, какому-то режиму надо было найти форму уничтожения людей. Они закамуфлировали ее, представив как лечение. Внушили людям, что эти операции делаются для блага человека.

Макмерфи готов подчиняться разумным ограничениям. У вас идиотские законы? Хорошо, я тоже буду их выполнять. Все идем хором спать? Прекрасно. Скоро будем ходить хором в туалет. Закон есть закон. Но наступает момент, когда начинают ущемлять его внутреннюю свободу. Он сопротивляется, и государственная машина решает его устранить, сделав лоботомию.

Кен Кизи первым написал об этой операции, это принесло ему славу. Но, фактически, мы не знаем сотой, миллионной доли того, что творится в мире. Меня волнует даже не сам факт лоботомии, а уничтожение личности. Убить человека гуманнее, чем сделать из него овощ, а потом показывать его другим и говорить: «Видишь, что может сделать моя власть». Это страшнее, чем расстрел.

Конечно, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Ты должен работать и получать за это деньги, иначе умрешь с голоду. Чтобы выжить в советские времена, кто-то пытался плыть по течению, кто-то уезжал. Я думаю, уехать – проще всего. Гораздо труднее жить в своей стране.

Профессия – не врать

Мне удалось остаться свободным человеком. Может быть, потому, что я честно занимался своей профессией и старался не врать. А может, мне просто повезло: я не сыграл ни одного рабочего парня, ни одного секретаря комсомольской или партийной организации. Наверное, это прозвучит как парадокс, но во времена развитого социализма было больше порядка.

Я вырос в Узбекистане. Мальчишки в нашем дворе не знали, что такое национальность. Мы не понимали, что есть евреи, армяне, узбеки, казахи, киргизы или китайцы. Знали только, что есть плохие люди и есть хорошие, вот и все. Уходя, мама не закрывала двери. Если она не успевала приехать, кто-нибудь из соседок брал меня к себе домой, кормил, об этом не нужно было никого просить. Когда мы купили первый телевизор (папа был главным режиссером театра, мы могли себе это позволить), весь двор ходил к нам его смотреть.

«Мир принадлежит сильным людям! Ритуал нашего существования основан на том, что сильный становится слабее, пожирая слабого... Мы должны научиться принимать это как закон природы».

Кен Кизи «Полет над гнездом кукушки»

Механизмы государственной системы были отлажены, чиновники меньше воровали. Намного меньше. Сейчас – полный беспредел. Тот, кто называет себя правдолюбом и кричит, что будет бороться с несправедливостью, попадая во власть, мгновенно меняется. Нет цензуры, но почему-то до сих пор не появилось ни нового Тарковского, ни второго Театра на Таганке. Мне кажется, в России художнику всегда нужно что-то преодолевать, с чем-то бороться.

Почему-то у нас все хорошие начинания со временем принимают уродливые фор-

мы. Мне нравилось, когда во время перестройки пацаны и девчонки на перекрестках продавали газеты, мыли окна у автомобилей. Я думал: «Как хорошо, что они не по подъездам шатаются, а работают и зарабатывают деньги». Буквально через полгода глаза этих мальчишек и девчонок стали совершенно другими. У них появилась своя мафия, кому-то разрешали мыть стекла, кому-то – нет. А девочка, работавшая на пересечении Тверской и Садового кольца, превратилась в бандершу, под ее началом стала работать целая команда.

Люди не доверяют друг другу, боятся, каждый – сам за себя. Сначала родители устраивают ребенка в престижную школу, заплатив несколько тысяч долларов, чтобы его приняли. Потом покупают ему дорогие джинсы, возят в школу на роскошной машине, чтобы он выделялся из остальных детей. А идеи равенства приживаются совсем в другом обществе. Недавно мой товарищ отвез сына учиться в Швейцарию. Больше всего его поразило, что ученикам сразу выдали одинаковую одежду, независимо от того, чей он сын, арабского шейха или швейцарского бизнесмена, одинаковую обувь, мобильные телефоны, часы. Чтобы не было разговоров о том, сколько зарабатывают их отцы. Товарищ рассказывал мне: «Представляешь, все школьники стали равны, как в бане». По-моему, это замечательно.

«Я одно знаю: и так-то все не очень велики, но, похоже, каждый только тем и занят в жизни, что пригибает пониже всех остальных». *Кен Кизи «Полет над гнездом кукушки»*

Дети полдорог

Я говорю об этом не потому, что тоскую о прежних временах. Я вообще одной ногой стоял там, а другой стою здесь. И отношусь к поколению, о котором Вознесенский замечательно сказал: «мы – дети полдорог». Просто я вижу, что сейчас государственная машина может спокойно раздавить кого угодно. Законы не работают. Вернее, чем выше твое положение в обществе, тем меньше тебя касается закон. По телевизору показывают, как депутаты Госдумы снимают со своих машин мигалки. А я все время езжу по Рублевке и Можайке и вижу, что они как ездили с мигалками, так и ездят. Чиновники не могут урезать свои собственные возможности, просто перед выборами затевают какие-то игры.

И последний парадокс. Технический прогресс нельзя остановить. Ученые все время что-то изобретают, занимаются исследованиями. А государство тут же превращает все их изобретения в орудие для уничтожения человека. Идея атомной бомбы возникла еще до начала Второй мировой войны. Придумавший ее человек не задумывался о том, что изобрел самое мощное в мире орудие убийства. Представляете, что могло случиться, если бы атомная бомба попала в руки к немцам? Когда в конце войны бомба оказалась у американцев, они тоже не стали использовать ее для развития промышленности, а сбросили на Хиросиму и Нагасаки. Сейчас, когда американцы кричат, что у Ирака есть атомная бомба, никто не вспоминает, что первыми ее взорвали именно они. Но расплачивается за все совершенные убийства не государство, а ученый.

Сейчас я постоянно думаю об этом, потому что снимаю фильм по книге «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого. Гарин в одном из эпизодов просит Манцела, который изобрел гиперболоид: «Не отдавайте его людям, оставьте у себя. Из гиперболоида сделают оружие, а вас уничтожат. Или объявят, что вы погибли во время испытаний, и отправят в лагерь». Но, говоря это, Гарин понимает, что его просьбы – бессмысленны. Бороться с государственной машиной бесполезно. И все же в конце нашего спектакля Макмерфи выигрывает борьбу, он уходит из жизни свободным. Человек, который не хочет встать в строй и не выносит команд – «стоять!», «рядом!», «смирно!», – никогда не подчиняется чужому приказу. В этом мы с ним очень похожи. ■

Александра Маринина

Разрушая *стереотипы*

«Российская Агата Кристи» Александра Маринина отказалась от жанра детектива и стала писать философские романы, в которых размышляет о мотивах человеческих поступков и разрушает стереотипы...

фото: О.Лосинский

«Никогда ничего не делай, не говори и не думай, если тебя об этом не попросят...» («Закон трех отрицаний»)

Закон этот придумала не я. Он существует довольно давно в одном из философских учений наряду с еще одним, похожим: «Никогда не делай, не говори и не думай, чего ты не хочешь себе». То есть не желай никому зла, потому что ты же не хочешь, чтобы зла желали тебе, даже мысленно! Подсознание шуток не понимает.

Из этого закона, конечно, бывают исключения. Например, если ты видишь, что кто-то нуждается в помощи, и знаешь, что ты в состоянии помочь, – ее надо предложить. Но если тебе отвечают «нет», не нужно навязываться.

Когда тяжело болеет близкий человек, можно просить Бога о том, чтобы он поправился. А можно – о том, чтобы он дал силы пережить, если все пойдет так, как хочет Бог, а не так, как хочу я. Согласитесь, совершенно разное видение ситуации, точнее, разное отношение к ней.

«Человек может сколько угодно думать, что он — сам по себе, и никого не касается, что он делает или думает, но на самом деле это не так. Каждый наш поступок, каждое наше слово отзывается на окружающих, это — как круги по воде... («Воющие псы одиночества»)

Сейчас идут жаркие дискуссии о том, нужно ли преподавать Закон Божий в школе. Та самая часть общества, которая протестует, формировалась в период полного отрицания любой философии, кроме марксистской. «Мы жили вот так – и ты проживешь». Признание того, что у кого-то может быть по-другому, равносильно признанию того, что у меня было неправильно. «Мы жили в коммуналке – и ты проживешь». «У меня было два платья – и тебе больше не нужно». «Мы в церковь не ходили – и тебе там делать нечего». Невыносима сама мысль о том, что нас в жизни чего-то лишили, чем-то обделили, что мы заблуждались, ошибались. И защищаемся – отрицанием нового, пусть даже и хорошего.

Абсолютно такой же процесс происходит у эмигрантов «первой волны». Они слышат только негативную информацию и отвергают позитив. Иначе им придется признать, что они неправы. Поспешили. Если бы потерпели еще чуть-чуть, остались бы жить в привычной, комфортной среде и не должны были бы ломать свой менталитет, приспосабливая его к западному.

Особенность русского менталитета – сочувствие, сопереживание, – напрочь отсутствует во многих других обществах. Естественно, на бытовом уровне. Чужие проблемы никого не волнуют. Для русских это – дико и дискомфортно, но они никогда не признаются, что им там плохо.

«Господи, в какой же капкан я себя загнал! А все потому, что хотел быть Золотым Червонцем, который всем нравится! Я предал собственную душу, я счел свою личность не достойной уважения и любви, я корежил себя в угоду страху перед тем, что обо мне подумают, не скажут ли обо мне плохо». («Фантом памяти»)

Для того чтобы не делать себя зависимой от настроения других, нужно искать какие-то механизмы работы над собой. Нельзя полагаться на то, что кто-то подставит плечо, нужно рассчитывать прежде всего на себя.

Наше общество, кстати, вообще не умеет любить. Любовь сплошь и рядом подменяется какими-то условностями и чувством долга. Или – чаще всего – сексом…

Один из самых отвратительных, на мой взгляд, – миф о том, что мир и жизнь принадлежат молодым. Все, кто старше тридцати, – это сомнительно, все, кто старше пятидесяти – ветошь и рухлядь. Старость – это стыдно и недостойно. На манекенах – одежда для стройных. Везде – культ молодости. А что делать тем, кто не подпадает под «эталоны»? Искусственно подгонять себя под них!

Поэтому малейший признак старения, даже намек, вызывает – в основном, конечно, у женщин – тихую панику. Для актрис – понятно, но для всех остальных… С какой безудержной глупостью они жертвуют и рискуют своим здоровьем! Вполне благополучные, состоявшиеся женщины, жены, матери семейств, которым никогда не придется выступать на подиумах, экранах, получать в мужья олигархов. Зачем? Только потому, что «старость – это плохо». А кто это сказал?

Все опять же – из-за стереотипов, которые подчас руководят нашими поступками, лишают самостоятельности, а в результате калечат всю нашу жизнь. Например, нас всегда учили, вырвав цитату из пушкинской «Маленькой трагедии», что гений и злодейство несовместны. Совместны, и еще как! Но нам же другое внушали …

Или вот другой сегодняшний стереотип: богатый – значит, успешный, а успешный – значит, хороший человек. Тоже ведь далеко не всегда. То есть крайне редко.

«…Мы живем в мире, наполненном мифами и иллюзиями, и этот мифический иллюзорный мир управляет нашими жизнями, а мы покорно следуем его требованиям, не давая себе труда задумываться: а правдивы ли эти мифы? И обязаны ли мы им следовать?» («Чувство льда»)

Депрессия бывает у всех, кто уходит со службы. Вы же прекрасно знаете миллионы историй о том, как человек до 60 лет, допустим, работал, был бодрым и активным, а потом его проводили на пенсию, и через два года он превратился в развалину и в инвалида. Это – совершенно объективный процесс. Когда резко меняется образ жизни, резко меняется и твой социальный статус.

Мы же все живем при весах: на одной чаше «надо», на другой – «хочу». И мы все время следим за тем, чтобы эти чаши находились в балансе. За долгие годы, пока мы работаем, мы к этому привыкаем: у нас примерно одинаково лежит на одной чаше весов и на другой. И есть определенные, привычные нам механизмы этого уравновешивания. Когда работаешь, на чаше «хочу» всегда лежит, например, «выспаться и отдохнуть», и ты всегда его приводишь в баланс с кучкой «надо»...

После того, как я вышла на пенсию, я почти два года сидела дома, и ничего хорошего мне это не принесло. Все-таки я привыкла с трех лет идти в детский садик, в школу, в университет, на работу… Если я утром встала, оделась, причесалась, покормила себя, значит, мозг знает, что я пошла на работу, и начинает действовать. Если я утром проснулась не рано, а в 9 или в 10, покормила себя, но не причесала, не накрасила, не одела, значит, мозг знает: сегодня – выходной, и никакой работы от него не добьешься.

Каждый – сам за себя, каждый одержим своим – кто безрассудной любовью, кто ненавистью, которая не дает дышать. И каждый бесконечно одинок в скорлупе собственного «я». Нет, я не пессимист – это совершенно точно. Скорее всего, реалист с оптимистическим уклоном. Чаще всего происходит так: как ты себя настроишь, так и будет, во что веришь – то и случается. Если веришь в плохой исход дела, плохой исход тебе обеспечен!

В принципе, я за все благодарна судьбе. Даже если воспоминания о каких-то событиях были болезненны и неприятны, я прекрасно понимаю, что к тому положению, в котором я нахожусь сегодня, меня привело все то, что со мной случилось. ■

GOETHE
FAUSTO

суть вещей

В свое время, отстаивая собственное понимание свободы, Лев Дуров спасал от уничтожения исторические документы, – теперь может похвастаться уникальной коллекцией. Винтон Серф – один из создателей интернета – признает Всемирную паутину единственным местом в современном мире, где царит абсолютная свобода. А Юлия Рутберг называет самыми свободомыслящими людьми искусства великого бунтаря Олега Борисова, режиссера Такеши Китано, а также создателей спектаклей Театра им. Вахтангова…

19 07.
СОБСТ-
ВЕНАЯ
ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВА
БИБЛІО
ТЕКА:
ЗИМНІИ
ДВОРЕЦЪ

Лев Дуров

Кунсткамера *памяти*

Свою коллекцию он пренебрежительно называет «барахолкой», хотя многие из её многочисленных экспонатов могли бы сделать честь любому музею. Экслибрис из библиотеки Зимнего дворца с вензелем Николая II, древние деревенские прялки, фигурка египетского фараона из саркофага, ручное рубило каменного века – вот лишь малая часть сокровищ из знаменитого собрания народного артиста России Льва Дурова. Сколько в нем экспонатов, не знает никто, даже сам хозяин, но каждая вещь здесь – повод для увлекательного рассказа.

Откуда у меня интерес к собирательству, не знаю: ни отец, ни мама (она была научным сотрудником Военно-исторического архива) никогда ничего не коллекционировали. Архив, в котором работала мама, располагался в Лефортовском дворце. Здесь же, во флигелёчке, мы и жили. Моё детство проходило в замкнутом пространстве посреди Москвы, где хранились материалы всего дореволюционного периода. Очень жалею теперь, что, по детской глупости, практически ничего не подобрал, когда в архиве уничтожали старинные документы. Существовало раньше такое правило – «правило десятки». Когда решали судьбу какого-нибудь архивного отдела, туда приходили два научных сотрудника, выбирали десятый стеллаж, десятую коробку, десятое дело, открывали в нём десятую страницу, и, если не находили ничего ценного, весь отдел уничтожали и отправляли на переработку. «Макулатуру» вывозили целыми машинами! Кое-что с машин по дороге падало, и пацаны подбирали. А там были истории всех полков и дивизий, переписка офицеров с жёнами!

Однажды, разбирая очередной отдел архива для утилизации, моя мама с другой сотрудницей обнаружили... три подлинных указа Петра I! К Военно-историческому архиву они никакого отношения не имели, видимо, кто-то их там припрятал и забыл. Указы очень странные. Один из них предписывал «в присутствии говорить своими словами, а не по писаному, дабы дурь каждого видна была». Другой гласил: «В панталоны и лосины мочёных огурцов и заячьих лапок не подкладывать, дабы доблесть мужская была подлинна и очевидна»...

Меня же в то время интересовали совсем другие вещи. Неподалёку была станция Москва-Товарная, где стояли эшелоны с трофейным оружием. Мы с пацанами бегали туда и тащили всё, что удастся: автоматы, ножи, парабеллумы. После войны у меня образовался целый склад оружия – 23 единицы! А ещё были у меня пробитый осколками немецкий генеральский мундир и парадный немецкий плащ. Потом, конечно, милиция все мои сокровища конфисковала. Однако моему увлечению это не помешало. Позднее, уже будучи актёром, я стал собирать разные вещи – уникальные и простые. Некоторые из них действительно представляют историческую ценность, а остальные я храню как память о самых ярких событиях, которые происходили в моей жизни…

Галстук Евы Браун. Шёлк с накатным рисунком. Германия. 1930-40-е гг.

Бланк из Рейхсканцелярии с золотым тиснением на немецком языке «Адольф Гитлер приказывает».

Галстук от костюма Евы Браун мне подарили на день рождения. Он выполнен в очень редкой технике: масляной краской по шёлку накатом наносится рисунок. Кстати, сочетание цветов – чисто фашистское – чёрное с красным. В том, что этот галстук – из гардероба первой леди Рейха, нет сомнения. Мне подарили его друзья-дипломаты. Их отец занимался разбором вещей в Рейхсканцелярии перед Нюрнбергским процессом. Всё, что не представляло никакой ценности, подлежало уничтожению. В том числе и гардероб Евы Браун. Вот отец моих знакомых и вывез несколько её платьев, а также маленький браунинг с перламутровой ручкой, подаренный Еве Браун Гитлером на день рождения, охотничье ружьё фюрера в кожаном золотом чехле с тиснением (подарок Геринга) и филателию Гитлера.

С теми нашими друзьями-дипломатами мы уже давно не виделись. Они уехали работать за границу, и наши пути разошлись. А галстук Евы Браун остался мне на память. И ещё – два бланка с золотым тиснением «Адольф Гитлер приказывает». Один из них был с подлинным автографом Гитлера, но у меня его выпросил знакомый художник: уверял, что собирает автографы. Но обманул, мерзавец. Выменял автограф Гитлера на… скелет мамонта.

Глиняный кувшин. Албания. 2 тыс. лет до н. э.

Такого кувшина, уверен, нет ни в одном музее: ему – две с половиной тысячи лет, он – из албанских захоронений в Азербайджане. А подарил мне его азербайджанский артист Гасан Турабов, с которым мы снимались в картине «Не бойся, я с тобой!». Он очень хорошо ко мне относился, хоть и играл главного злодея.

Череп молодой монахини из захоронения XVIII-XIX века

Этот почерневший от времени череп нашли во время ремонтных работ около института Склифосовского. Неожиданно рабочие наткнулись на долблёные деревянные гробы. Оказалось, на этом месте был когда-то женский монастырь.

Ко мне этот череп попал благодаря моим знакомым врачам из ЦИТОГАИ. Они мне позвонили и говорят: «Дуров, мы тебе подарок хотим сделать. Ты Гамлета играть не собираешься?» Я к ним приехал, а у них на столе несколько черепов стоит, и один они мне протягивают. «Вот, – говорят, – будет бедным Йориком, если вдруг всё-таки «Гамлета» захочешь ставить».

Посмотрел я на протянутый мне череп и по пролому в правой височной кости понял, что явно не своей смертью умер его обладатель. Знакомые подняли меня на смех: мол, ну ты, Дуров, фантазёр! А я им: «У вас криминалисты есть? Позовите!» Приехал специалист и версию мою полностью подтвердил. Только череп этот оказался не мужским, а женским. И было той несчастной молодой монахине лет 18. Что произошло с ней, неизвестно. Но только череп этот теперь в театре, у меня в кабинете стоит. Бедным Йориком он так и не стал.

Значок театральной студии Дома пионеров Бауманского района. 1947-48 гг.

С этого самодельного значка, можно сказать, началось моё актёрство. Его выдавали всем, кто в театральной студии Дома пионеров Бауманского района занимался. А попал я в ту студию абсолютно случайно. Я ведь в детстве с серьёзной уличной шпаной водился. У нас двор граничил с Химакадемией, и мы дрались с тамошними ребятами. Жёстко дрались, но до первой крови. И вот однажды, когда очередная драка закончилась, подошёл ко мне парень из соседнего двора и предложил: чем драться, пойдём лучше со мной в Дом пионеров. Так, благодаря его настойчивости, я оказался в театральной студии. Кстати, из этой самой студии вышли Ролан Быков, Николай Добронравов, Яша Холецкий и Лёша Шмаков.

Солдатские каски времён Второй мировой войны

На самом деле, у меня две солдатских каски. Нашёл я их во время съёмок в Крыму. Гуляя в горах, неожиданно наткнулся на советскую каску с дырой от пули. Понял – стрелял снайпер. Рядом лежали пряжка морской пехоты и стреляные гильзы. Ремня не было, видно, уже истлел, а оружие кто-то нашёл и забрал. По отверстиям в каске я определил, откуда стреляли в бедного нашего солдатика, пошёл туда. И тут же наткнулся на немецкую каску, истлевший ремень с пряжкой, гильзы. Сразу возникла, как на ладони, картина того давнего боя.

Свои находки я привёз в Москву. Фашистскую каску и пряжку отдал в театр, в спектакль «Жиды города Питера». Даже от ржавчины не стал её очищать. Так и ходит по сцене актёр в ржавой немецкой каске и пряжке, на которой написано по-немецки «Бог с нами». А советскую, со следами прямого снайперского попадания, оставил у себя: грех её на актёров надевать.

Театральный бинокль. Франция. 1889 г.

Этот бинокль по-своему уникален: он был выпущен маленьким тиражом к открытию Эйфелевой башни. Узнав, что я собираю всякого рода интересные вещицы, этот бинокль мне прислала незнакомая женщина из Америки. У него, кстати, прекрасная оптика.

Ключи. Начало XIX века

Эти старинные ключи я привёз из Швейцарии, где снимался в картине о Суворове. Надо сказать, что там до сих пор чтят память о нашем великом полководце. На каждом доме, где он останавливался, обязательно висит мемориальная табличка. Вот мы в одном из таких музеев и побывали. Его хранителю очень понравилось, как я всё внимательно рассматриваю и как подробно обо всём расспрашиваю. За мою любознательность он подарил мне три ключа от музейного ящика.

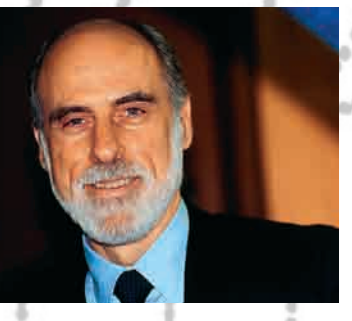
Оберег. Мексика. Современный сувенир

Эта вещица – особая, напоминание о том, как я чуть не погиб. Дело было в небольшом мексиканском городе Катымака, на съёмках совместного советско-мексиканского фильма «Эсперансо». Когда мы туда приехали, нам сказали, что здесь только что проходил съезд ведьм. И предупредили: будьте осторожнее, не смотрите пристально в глаза местным пожилым женщинам. От греха подальше. Ну, мы, конечно, всерьёз к этому не отнеслись, грозное предупреждение стало поводом для бесконечных шуток.

И вот однажды снимали мы в джунглях массовую сцену. По окончании съёмок я попросил сфотографировать меня верхом на лошади в роскошном пончо и сомбреро. Поначалу всё шло нормально. И вдруг спокойная, полусонная лошадка начала пятиться и биться головой об огромную пальму, втискиваясь в узкое пространство между деревом и бетонной стеной, а потом встала на дыбы и стала на меня заваливаться. Ещё немного, и кованая лука с металлического седла вонзилась бы мне прямо в горло, а семисоткилограммовое животное меня просто бы раздавило…

Очнулся я рядом с лошадью. Бедолагу била мелкая дрожь, а на мне – ни царапины. Вечером ко мне в номер пришёл потрясённый оператор. Побывав на месте моего падения, он уверял, что там, куда я вместе с лошадью упал, не то что лошадь – седло бы не поместилось. На следующий день, взяв рулетку, я решил это проверить. И убедился: всё точно, не мог я в таком узком пространстве уместиться, не было мне там места.

Мексиканский режиссёр тогда сказал: я же вас предупреждал, не смейтесь! Хотите верьте, хотите нет, но, оказывается, в массовке действительно была ведьма, которая решила отомстить мне за неверие. Убивать не собиралась, просто попугала. А в память о моём втором рождении мне подарили эту фигурку. И знаете, она мне с тех пор действительно стала чем-то вроде оберега. После той мексиканской истории я ещё несколько раз попадал в очень серьёзные ситуации: и с лошади падал, и на машине чуть с моста не улетел, но всегда из этих переделок благополучно выходил. Может, и правда, талисман помогал?



Винтон Серф
Интернет

Изобретение интернета подарило человечеству невиданную ранее свободу: сегодня каждый, при желании и наличии доступа к Всемирной паутине, оказывается вовлеченным в совершенно свободный поток информации и общения, абсолютно независимый от политических режимов. Ни в одной стране мира не получилось организовать цензуру в интернете, – в этом пространстве царит полная свобода! Возможно, кое-какие ограничения и были бы полезны, – уж слишком много всякого мусора сюда попадает. Но что поделать – интернет отражает как достоинства, так и несовершенства человеческой природы. Так, во всяком случае, считает один из создателей интернета, вице-президент компании «GOOGLE» Винтон Серф.

Давайте помнить: интернет – мир виртуальный, но он – прямое отражение мира, в котором мы все живем. Интернет предоставляет человечеству одно из самых важных достижений демократии – свободу слова, свободу обмена информацией, обмена знаниями.

Интернет – чистая доска, на которой человек пишет то, что считает важным рассказать другим. Это может быть полезным, а может нести страшный вред. Только мы сами решаем, что написать на этой «доске».

Если говорить о сегодняшнем состоянии интернета, можно отметить, что он становится мобильным (в том смысле, что вы можете войти в паутину с помощью обычного мобильного телефона), растет скорость доступа, все больше приборов и оборудования производят с доступом в Сеть. Интернет все глубже проникает в нашу жизнь, а вскоре он, несомненно, преодолеет земное притяжение и попадет в космос – я верю, интернет будет служить человеку в деле освоения Вселенной.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В1958 году, по приказу президента Эйзенхауэра, при Министерстве обороны США было создано Агентство перспективных исследовательских проектов – ARRA. В агентстве работало около ста пятидесяти человек, в числе их задач было распределение средств, выделенных на особо важные, с точки зрения национальной безопасности, проекты, и, в частности, разработка систем безопасности связи и коммуникаций в случае атомной войны, которую тогда никто из политиков не исключал – время было неспокойное.

Первый прорыв в решении этой невероятно важной задачи был сделан в самом начале 60-х, когда появились работы Джозефа Ликлайдера. Ученый предложил мировому сообществу идею глобальной «галактической сети», связывающей компьютеры в единую систему.

Боссы ARRA тут же заметили Ликлайдера и сделали ему предложение, от которого он, истинный патриот, отказаться не смог – поработать на дело безопасности родины. И вот в 1965 году была создана первая в мире компьютерная сеть – Лоуренс Робертс и Томас Мерил связали компьютер, находившийся в Бостоне, с компьютером, стоявшим в Санта-Монике. Связь осуществлялась по телефонной сети с помощью специального устройства (позднее его назовут модемом). А в 1966-м Робертс под руководством Ликлайдера приступил к созданию большой компьютерной сети, названной ARRANET. Первыми узлами сети стали отстоящие друг от друга на расстоянии 500 километров компьютеры Лос-Анджелесского и Стэндфордского университетов.

К 1971 году в сети было 19 узлов – в основном, университеты, работу которых финансировала ARRA. Дело сдерживалось отсутствием общего программного обеспечения. Когда же и эту проблему решили, все закрутилось с невероятной скоростью.

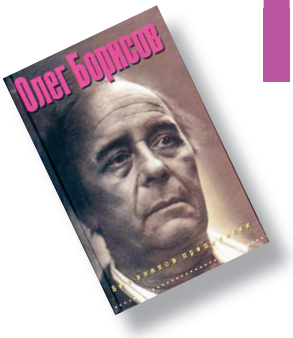
Еще через год появилось первое приложение – электронная почта. Ее подарил нам Рэй Томлисон. Он же придумал значок @. В 1974 году Винтон Серф ввел термин «Интернет» (International Network), обозначавший единую информационную структуру, объединяющую множество независимых сетей. В 1977-м ученым удалось объединить сети, работавшие в Америке, Швеции и Канаде. В 1988 году к этой международной сети присоединились Дания, Франция, Финляндия, Норвегия, в 1989-м – Австралия, Австрия, Германия, Израиль, Италия, Япония, Мексика, Нидерланды и Великобритания.

В эти годы в Европейском ядерном центре работали Тим Бернес-Ли и Роберт Кайо, написавшие для сети программу, которую они назвали World Wide Web (WWW). С ее помощью стало возможным пересылать отформатированные документы и связывать их гиперссылками, создавать интернет-страницы и использовать удобную систему навигации. Так была создана Всемирная паутина, это мировое хранилище информации. ■

ТРИ *вопроса*

1 Что почитать?

Обычно я читаю художественную литературу. А в последнее время меня потянуло на актёрские биографические книги. Вдруг захотелось, чтобы со мной поделились своими мыслями о театре, о профессии великие творцы того дела, которому я служу. Таких собеседников сегодня очень не хватает.



И началось это замечательное, наполняющее общение с великолепной книги «Без знаков препинания», составленной из дневников Олега Борисова, где за каждой строчкой – голос, размышления, масштаб личности этого великого артиста, аскета и бунтаря, человека с невероятным самолюбием, не боявшегося много раз в своей жизни начинать всё сначала в разных городах, в разных театрах, с разными режиссёрами.

С Олегом Борисовым я никогда не была знакома. Видела его только на сцене. И каждый раз для меня это был ожог. Ведь артистов разговорного жанра было и будет много. Артисты поступка, грандиозного перевоплощения и самосожжения – всегда товар штучный. И в этом плане Олег Борисов – фактически уходящая натура сегодняшнего театра, чей внутренний мир, чьи мысли и чувства всегда будут интересны и тем, кто профессионально занимается театром, и тем, кто театр любит.

Другим потрясением последнего времени стала для меня «Ангелова кукла» – автобиографическая книга гениального театрального художника и моего хорошего знакомого Эдуарда Кочергина, человека фантастической судьбы, сына репрессированных родителей, прошедшего детскую колонию, узнавшего жизнь послевоенного петербургского «дна», которую он блестяще описал в своей удивительной книге. Восторг и потрясение от сопряжения блистательного литературного языка Эдуарда Кочергина с невероятными художественными образами людей, прошедших войну и оттеснённых на обочину жизни, могу сравнить лишь с впечатлением, которое испытывала, читая книги Довлатова.

Юлии Рутберг

2 Что посмотреть?

Что касается кино, меня зацепили два фильма: «Такешиз» японского режиссёра Такеши Китано и «Парфюмер» Тома Тыквера. Первый – своей абсолютной исповедальностью и самоиронией режиссёра. Это – потрясающе смешной, удивительно тонкий фильм о судьбе художника в стиле «8 1/2» Феллини.

Второй – «Парфюмер» – стопроцентным попаданием в уникальную тему гения и злодейства, в тот образ, который создал в своей книге Патрик Зюскинд. Это, пожалуй, второй случай в моей жизни, когда я иду на фильм, прочитав его литературную основу, и вижу совершенно самодостаточное произведение. У Зюскинда и Тыквера получились два абсолютно самостоятельных произведения с разными разработками линий героев и с одинаково сильной энергией.

Накануне я вернулась из Италии и, глядя на экран, вдруг представила себе Сикстинскую Капеллу Микеланджело – гениального созидателя и разрушителя, который, с одной стороны, создавал шедевры, а с другой – занимался анатомией, сдирая (в прямом и переносном смысле) с людей кожу. Сотая доля миллиметра, разделяющая Эпоху Возрождения и Эпоху полного уничтожения, – эту противоречивую природу гениальности режиссёр картины «Парфюмер» передал очень точно.

Потрясает фильм и живописно воссозданным миром запахов, а в массовой сцене вселенской любовной вакханалии соблюдена такая гармония, такое абсолютное чувство меры, что дух захватывает. А как играют актёры! Восхищаясь работой Бена Уишоу, исполнителя роли Жан-Батиста Гринуя, сразу предположила, что за плечами человека, который ТАК играет крупный план, ТАК молчит, должна быть театральная школа. И оказалась права: Бен Уишоу – актёр Национального английского театра, в числе сыгранных им ролей – Гамлет.

Никогда не принадлежала к людям, которые могут в превосходных степенях и эпитетах говорить о собственном творчестве. Но в отношении недавней постановки Театра им. Вахтангова «Королева красоты», в которой имею честь и удовольствие играть, сделаю исключение. Мне кажется, если человек любит серьёзный театр, театр проживания, если он является приверженцем русской драматической школы, на которой, как на кислородной подушке, возникали все театральные опыты и эксперименты, ему понравится спектакль, поставленный Михаилом Бычковым по пьесе современного ирландского драматурга Мак-Донаха.

Мы, актёры, безумно им дорожим, несмотря на то, что он – очень тяжёлый. В этом спектакле, на протяжении которого идёт непрерывная бойня между старой матерью и её 40-летней дочерью, мы пытаемся говорить со зрителями на вечную тему – выживания и столкновения Старости и Молодости.

И уже находим отклик у публики, несмотря на то, что нашу «Королеву красоты» совершенно не принимает критика. После каждого спектакля к нам приходят билетёры и рассказывают о том, как благодарят их зрители. За то, что мы вернули им тот театр, в который хочется ходить, за то, что с ними делятся сокровенным, что их загружают.

Нам с Аллой Александровной Казанской, которая играет в спектакле мою маму, было интересно: кого из нас с ней зрители больше жалеют? И в зрительских отзывах услышали: жалко себя. Посмотрев наш спектакль, молодые начинают задумываться, какими они будут в старости, а пожилые – о том, как сложились их взаимоотношения с детьми. Разве ради этого не стоило делать спектакль?

3

О чём подумать?

Уже третий сезон играю в спектакле «Вся эта суета», где очень подробно разговариваю с публикой о том, что это за социум, в котором мы живём, о суете, которая стала средой нашего обитания. И из которой, как мне кажется, нужно периодически вырываться – для общения с любимыми, друзьями, для того, чтобы просто побыть вместе. Ведь жизнь – такая короткая! А мы всё сучим лапками, нам всё мало. Даже если мы уже столбовые дворяне, всё хотим стать владычицей морскою. Может, стоит остановиться и почитать Пушкина, и вспомнить, что за владычицей морской, возможно, – разбитое корыто, что в погоне за устойчивостью ты приобрёл одно – абсолютную шаткость в собственной жизни, потеряв любовь, нежность, плохо воспитав детей? ■

В КИНОТЕАТРАХ С 28 ДЕКАБРЯ
Гадкий утенок и я
an A.FILM, MAGMA, FUTURIKON, ULYSSES FILM in co-production with TV2|DANMARK
M6, WDR, DISNEY TELEVISION FRANCE ANDERS MASTRUP, RALPH CHRISTIANS, PHILIPPE DELARUE, DAINA SACCO
IRENE SPARRE HJORTHOJ, MOE HONAN, GLADYS MORCHOISNE JACOB GROTH GOTTHARD & FUNEMYR, JACOB GROTH & MISEN GRO
HANS CHRISTIAN ANDERSEN MARK HODKINSON MICHAEL HEGNER, KARSTEN KILERICH
ЛЮКСОР
ULYSSES
MAGMA
SND
FUTURIKON
A.FILM
www.gadkiyutenok.ru

ощущения

Накануне Всемирного дня эмигранта Юрий Любимов вспоминает, как нелегко приходилось в условиях тотальной несвободы. Галина Вишневская утверждает: нет смысла менять географию, необходимо менять себя. Владимир Мирзоев, долгое время проработавший в Канаде, убежден: где бы человек ни жил, его не отпускают «проклятые вопросы». А Борис Гребенщиков рассказывает о своих путешествиях в Непал, где он впервые понял: «Ничего не происходит просто так. Бог уже написал вашу книгу жизни…»

Юрий Любимов

Россия

как политический театр

Юрий Любимов – живая легенда русской культуры. Созданная им Таганка – подлинно новый русский театр. Юрия Петровича выдворили из страны, которую он прославил, но режиссер вернулся, чтобы снова служить своему театру. О терпении и нетерпимости в искусстве и в жизни Юрий Любимов знает лучше, чем многие.

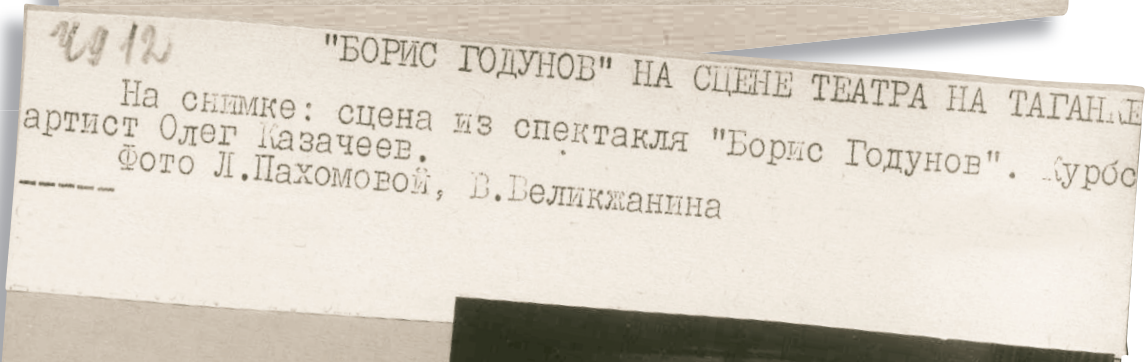
Чиновники абсурда

Русские писатели всегда боролись с цензурой: любой, кто хотел выразить все, что его волновало, должен был драться за каждое слово. Помните, Достоевский сначала соглашался с правкой цензоров, а потом говорил: «Нет, этого слова я не отдам! Стушевался прежде, а теперь не отдам!» То же самое происходило в русском театре. Практически все время.

Цензоры своими запрещениями калечили мои постановки, обращая внимание только на свои ассоциации. Чаще всего их замечания были бессмысленными и начинались со слов: «Мне кажется, что этот момент выглядит подозрительно...» Ну, и что, что кажется? У каждого человека – свои страхи и комплексы. Чиновники все время говорили об иллюзиях, но эти иллюзии принадлежали только им. При чем здесь театр? искусство? Я допускаю, что они чего-то не понимали. Но почему, не понимая происходящего на сцене, нужно толковать все превратно? И потом, есть же мое авторское право. Почему-то для многих в России эти слова тогда ничего не значили.

Приведу совершенно абсурдный пример. Чиновники закрыли мой спектакль «Борис Годунов», потому что им показалось, будто в спектакле были намеки на тогдашнюю политическую ситуацию. Умер Брежнев, пост генсека занял Андропов, и они решили, что Самозванец – это Андропов, потому что он пришел к власти, а Борис – Брежнев. К тому же в моем спектакле Самозванец выходил на сцену в черном бушлате, а оказалось, что Андропов служил на флоте где-то на Севере. Но я-то не знал. Просто какой-то бред! Спектакль «Берегите ваши лица» (по поэзии Андрея Вознесенского) разрешили сыграть только три раза, а потом закрыли, опять же из-за «ассоциаций». В нем была фраза-перевертыш «а луна канула». Ее можно читать с начала до конца или наоборот, в любом случае выйдет то же самое. В политбюро был донос, что я издеваюсь над нашими неудачами в космосе: как раз в тот момент американцы высадились на Луне. Так что, в нашей жизни все время разыгрывался настоящий театр абсурда.

Хотя порой находились и умные люди. Например, в финале спектакля «Павшие и живые» мы первыми зажгли огонь, чтобы почтить память погибших во Второй мировой войне. Кстати, его сначала зажгли в театре на Таганке, а не у Кремлевской стены. В театре, который обвиняли во всех грехах. И это я его зажег. Сперва пожарные хотели запретить такой финал спектакля, но я привел на «Павших и живых» генерала пожарных войск. Когда он увидел, что в тот момент, когда зажигают огонь, зал встает, чтобы почтить память павших минутой молчания, он сказал: «Нельзя это запрещать. У тебя коньяк есть? Пойдем, выпьем. Я беру огонь на себя». Все-таки нашелся хороший человек, который взял на себя смелость объяснить высшему начальству, что к чему. Но сразу начались новые недоразумения. Чиновники заподозрили, что в «Павших и живых» слишком много поэтов – евреев. Правда, и в этом они не разобрались. Там фамилия одного из героев Кульчицкий, он – сын офицера. А мне говорят: «Он – еврей. Поэтому Кульчицкого вынуть, Светлова вставить и добавить Константина Симонова». Помню, я тогда спросил: «Какое вы имеете право это делать? А может быть, Симонову не захочется, чтобы его имя звучало со сцены театра?» Чиновники опешили, они даже не понимали, что человек мог сказать: «Я не разрешаю вам вставлять мое имя в спектакль». Кстати, с этим связан один смешной случай. Когда опубликовали первую книгу Брежнева «Малая земля», ко мне пришло официальное письмо из Управления культуры, для торжественности запечатанное сургучом, все как полагается. В нем было сказано: «Вот что вам надо ставить, а не ваши бредовые композиции. Подумайте над этим!» Я тут же позвал Бориса Можаева, и мы начали сочинять ответное письмо: «Я с удовольствием могу поставить «Малую землю». Но согласовали ли вы свое распоряжение с автором? А вдруг он не захочет со мной работать?» И тут же, не медля, отправили письмо в Управление. И все, чиновники замолчали. Умылись. Приходилось и так действовать. Я по-разному изворачивался.



"БОРИС ГОДУНОВ" НА СЦЕНЕ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ

На снимке: сцена из спектакля "Борис Годунов". Курбс артист Олег Казачеев.

Фото Л.Пахомовой, В.Великжанина

Чиновники закрыли мой спектакль «Борис Годунов», потому что им показалось, будто в спектакле были намеки на тогдашнюю политическую ситуацию.

В России нельзя даже то, что можно

В таких случаях меня поддерживало только желание защитить спектакль, не позволить раскромсать то, что я сделал, то, что мы сделали вместе с актерами. Потому что когда работает целая команда, а спектакль закрывают, получается, что мы зря тратили время. Тогда чиновники стали говорить: «Театр на Таганке – хороший, а вот его руководитель – не особенно». И начались политические игры, самые страшные и самые бесчестные. На меня собрали толстенное дело. Я его впервые увидел на столе у Гришина, когда сидел в его кабинете. Гришин стал меня обвинять: «Как вы себя ведете! Чей вы хлеб едите!» Я сказал: «Не ваш». Он тут же говорит: «Хорошо, мы это вычеркнем». Смешно, ведь передо мною сидел член Политбюро.

Знаете, на Западе в то время шутили: «В России нельзя даже то, что можно». У нас тогда все было нельзя. Или еще: «Мы работаем, чтобы жить, а вы живете для того, чтобы работать». Это – каламбуры, но тем не менее они – абсолютно точные. Там люди работают, чтобы их семья ни в чем не нуждалась, чтобы можно было путешествовать, повидать мир. И к работе относятся совершенно иначе. Каждый режиссер на Западе хочет сделать хороший спектакль. Иначе ему просто не дадут поставить следующий, сказав, что он не выдерживает конкуренции, и этот режиссер вылетит в трубу. Кстати, я там с цензурой никогда не сталкивался. Там не могут ничего запретить. Только иногда вежливо просят: «Может быть, не стоит этот момент так обострять?» А в России мне пришили «политический театр». Но я ведь занимался, прежде всего, театром. Ну, какая в спектакле «А зори здесь тихие» политика? Даже чиновники признали, что я поставил спектакль, который был очень нужен.

Здесь извиняться не умеют

Знаете, чиновники в России не умеют извиняться. Это умение у них полностью отсутствует. Когда мне возвращали гражданство, я 45 минут сидел в Кремле в кабинете у Лукьянова, обсуждая с ним, какую бумагу я должен для этого написать. Я в тот момент приехал в Москву с израильским паспортом, хотя я – не еврей. Но когда меня лишили российского гражданства, мне дали его в Израиле. Там решили: если человек без документов, надо ему помочь. Кстати, если человеку дают израильский паспорт, это – навсегда.

Лукьянов во время того разговора в кабинете спросил: «А можно ваш паспорт посмотреть?» Я отвечаю: «Вы что, израильского паспорта не видели? Там ничего особенного не написано. Просто его надо читать не справа налево, а слева направо». Тут он говорит: «Я дам указание Шеварднадзе, чтобы ваш паспорт вернули обратно в Израиль». Я спрашиваю: «А зачем?»

– Мы же вам дадим российский паспорт.

– Я этого сделать не могу. Люди поддержали меня в трудную минуту. Вы меня выдворили, а Израиль дал мне приют. Почему же я должен отказываться от их паспорта? Нет, это очень некрасиво.

– Все-таки вы должны обратиться к нам с просьбой, или написать, что вы просите дать вам российское гражданство.

– Но ведь я не прошу. Вы меня выгнали, я, по указу правительства, враг, а я прошусь обратно: разрешите мне вернуться, пустите меня обратно в мою собачью будку. Зачем мне это делать?

И 45 минут мы формулировали, что я должен написать. Я написал, что, надеюсь, случай со мной послужит прецедентом для возвращения в нашу страну людей, оскорбленных без причины. Власть должна была извиниться перед ними. И я ничего у нее не просил.

Меня тут же обманули, а я не взял копию той бумаги, которую мы составляли вместе с Лукьяновым. Это было моей психологической ошибкой. Я бы эту копию тут же опубликовал в прессе. Но мне было неудобно: я сижу в Кремле, у одного из руководителей правительства, и вдруг выражаю недоверие и прошу копию бумаги.

А потом они объявили, что Любимову вернули гражданство по его просьбе. И хотя я получил от властей приглашение вернуться в Россию, но возвращался с опаской. Думал: а вдруг меня сразу арестуют и будут судить?

Думаю, что у нас цензура есть и сейчас. Вы

же видите, как меняется стиль того, что показывают по телевизору. Может быть, новое поколение привыкло строить иллюзии, или я больше доверяю своему опыту… Точнее сказать, это – даже не цензура, а некая установка сверху: надо веселиться, чтобы никто не задумывался. Бывает, конечно, что среди бела дня убьют журналистку, женщину, у которой двое детей, за то, что она старалась честно заниматься своей профессией, и об этом нельзя не сказать. Но, в основном, считается, что все идет хорошо. Как сказал товарищ Сталин: «Жить стало лучше, жить стало веселее». ■

Галина Вишневская

Без *компромисса*

Девочка из Кронштадта очень любила петь. Ее первый гонорар за выступление – стакан спирта и тарелка супа, – невиданная роскошь для блокадного Ленинграда. Она стала суперпевицей, суперзвездой, суперженщиной.
Девочка стала Галиной Вишневской. Мстислав Ростропович увидел ее в ресторане «Метрополь», и через 4 дня они поженились. Поздравить необыкновенную пару с золотой свадьбой в тот же «Метрополь» приедут королевы Испании и Нидерландов.
Но это будет много лет спустя. А в 1974 году Галину Вишневскую с семьей вышвырнули из страны. Везде и при любых обстоятельствах оставаться собой – вывод, выстраданный всей жизнью Галины Вишневской.

Успеха добивается тот, кто справляется с яростью

Я уезжала из России после 30 лет работы на сцене в такой ярости, что, когда вспоминала людей, которые вынудили меня это сделать, мне кровь бросалась в голову. Приходилось практически начинать жизнь с нуля: нас выставили без копейки денег с двумя детьми. О каких можно было мечтать творческих взлетах, ролях? Надо было вкалывать, зарабатывать деньги, что мы с мужем и делали.

За границей я сделала много записей. Главная из них для меня – первая редакция «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича. В 1978 году в марте нас лишили гражданства, а буквально через неделю начиналась запись. Представляете, в каком я была состоянии? Меня всю колотило. А что делать? Кто с этим справляется, тот и добивается успеха. Иначе упадешь на полпути.

Сами условия работы в Европе отличались от того, к чему мы привыкли в Большом. Вечные истории с новыми партнерами, которых, случалось, я впервые видела накануне спектакля, трудности с костюмами… Еще в 50-е годы в нью-йоркской Метрополитен-опере, где я пела «Аиду», возник конфликт: на меня надели какую-то дрянь, в которой было невозможно чувствовать себя так, как необходимо для роли. Я вышла в своем платье, и тем самым надолго испортила с ними отношения. Когда я снова приехала в 1974 году в Метрополитен петь «Тоску», случилось то же самое. Дело дошло до того, что мой портной за ночь до спектакля сшил мне платье, но то, которое мне предлагали, я не надела. Это не было капризом, это было моим искусством, за которое я отвечала.

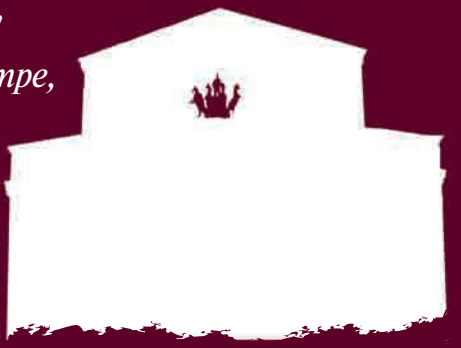
Испытывала ли я ностальгию по Родине? Думаю, этому чувству подвержены только русские люди, потому что за теми, кто уезжал, закрывался железный занавес, обратного пути не было.

Чем дышать и чего хотеть

Сегодня наша молодежь стремится за границу и перебивается там с хлеба на квас. Но уезжать нужно только тому, кто готов работать. А если ты еще ничего из себя не представляешь, если ты – желторотый птенец,

Дело дошло до того, что мой портной за ночь до спектакля сшил платье, но то, которое мне предлагали, я не надела. Это не было капризом, это было моим искусством, за которое я отвечала.

Когда я смотрю новую постановку «Евгения Онегина» в Большом театре, я не понимаю: в чем трагедия? Если кому-то хотелось показать русских людей кретинами, это возможно: дураков полно.



надо учиться. Я своим ученикам говорю: «Пойте здесь, набирайте репертуар. Поезжайте в провинцию – лишь бы выходить на сцену и приобретать опыт. Пока вы еще не начали карьеру и не можете диктовать, придется сталкиваться со всяким. Какой путь? Только содержать себя в духовной чистоте и делать свое дело. Наденут на тебя рубище, колпак дурацкий, а ты пой божественно и будь тем, чему тебя научили».

Школа оперного пения, которую я открыла в Москве, – опыт всей моей жизни. Я давно мечтала об этом, накапливала знания, и считаю, что таких школ, где певец мог бы подготовиться к работе в театре, получить специальность, должно быть несколько в России. Их должны возглавлять мастера, которые имеют опыт и могут его передать, а такие мастера в стране есть. Только у них есть понимание того, чем должен дышать человек и чего нужно хотеть в жизни.

Дураков полно, но Пушкин и Чайковский писали не для них

На нашу почву сейчас переносят многое из того, что модно на Западе, где за деньги спонсоров можно делать все, что угодно, если публика позволяет. В Германии я видела «Риголетто», все персонажи которого были наряжены обезьянами. Но наш русский театр содержит народ. По какому праву кто-то может войти в него и ставить, что его левая нога захочет? Большой театр – наше национальное достояние, хранитель традиций в лучшем понимании этого слова, и мы не должны превращать его в карикатуру. Когда я смотрю новую постановку «Евгения Онегина» в Большом театре и не вижу сцены дуэли, я не понимаю: в чем трагедия? «Убив на поединке друга, я начал странствовать без цели», – разве можно представить себе Онегина, который поет эти трагические слова за столом, с бокалом в руке, как тост?! А когда на балу у Лариных бабы пол вытирают, и Ленский в это время исполняет свою божественную арию, – это просто издевательство. Вот к этому пришел театр?!

Если кому-то хотелось показать русских людей кретинами, которые хохочут над ссорой Онегина и Ленского, это возможно: дураков полно. Но Пушкин-то не для них писал. И Чайковский – не для них. Если хочется экспериментировать – почему нет? Но тогда пишите новые романы и оперы лучше, чем Пушкин и Чайковский, и – в добрый путь. Люди, которые получили возможность придти на главную сцену страны, должны нести ответственность и понимать, что они делают. А они обворовывают народ, – крадут душу. Лишают людей того, что они получили бы от Пушкина и Чайковского. Это – преступление. Когда я с подобным сталкивалась за рубежом, просто не подписывала контракт. Никогда не шла на компромисс. ■

Владимир Мирзоев

Не стать *маргиналом*

Если есть в современной русской культуре Космополит именно с большой буквы, то это – режиссер Владимир Мирзоев. Он уехал в Канаду и сумел создать там свою театральную компанию. Он преподавал в США, а потом вернулся в Россию. Его спектакли идут в переполненных залах в любом театре, при этом сам режиссер не служит стационарно ни в одном из них. «Вечный странник» уверен: обстоятельства могут преподать отличный урок…

Освоение мира

Мой главный личный мотив – природный авантюризм, любовь к приключениям. Плюс какое-то интуитивное чувство, что необходимо пройти инициацию внутри западной культуры, которая была сильно мифологизирована моим поколением. Оно и понятно: до перестройки мы твердо знали, что мы – пожизненные маргиналы и никогда не пойдем на компромисс с Софьей Власьевной. Нам только и оставалось – бредить наяву, изобретать утопии. Запад, столь соблазнительно скрытый железным занавесом, оказался одной из них.

Я знал, что вернусь в Россию. В этом не было серьезных сомнений. Я повторял друзьям и родственникам, как заклинание: не горюйте, мы отправляемся в путешествие, вот и все.

С момента моего отъезда до первой постановки в Канаде прошло примерно полтора года. Правда, одиннадцать месяцев из этих полутора лет мы жили в Вечном городе – ждали канадских документов. В Италии у меня не было разрешения на работу, так что, приходилось крутиться. Некоторое время я работал у своего приятеля-архитектора на стройке офисного здания. Местные каменщики произвели на меня неизгладимое впечатление: они вчетвером возводили нечто, не уступающее по размеру особняку ТАСС. Потом я посадил целую рощу лавров в католической миссии в районе виллы Памфилли. В Торонто освоил профессию продавца мороженого и хот-догов. Так сказать, лед и пламень. Английского языка я тогда не знал.

Легче перечислить, чего переезд не изменил в моей жизни. Главное – изменилось мое восприятие мира. В том числе и России. Есть такое популярное выражение: «от себя не убежишь». Отчасти, это правда. Где бы человек ни жил, его не отпускают «проклятые вопросы», то есть в глубинном смысле существование не становится проще. Скорее, наоборот. Кроме того, ты обречен воспроизводить в любой ситуации культурный код своего детства, что в определенном смысле воодушевляет, особенно, если ты занимаешься искусством. Но это и ограничивает тоже – я имею в виду возможные эстетические мутации.

Запад в моем сознании плавал внутри этакого мифологического пузыря и выглядел достаточно туманно. Ожидания оправдались полностью в том смысле, что приключений было много. Больше, чем хотелось бы. Но и неприятные сюрпризы были. Например, я раньше не понимал, что такое по-настоящему молодая культура. Мне казалось, мы по сравнению с европейцами – подростки. Если это так, то Америка и Канада проходят начальную школу. Разумеется, я говорю не про цвет нации, не про интеллектуальную элиту, которая едва не на половину состоит из эмигрантов, а про общество в целом. Отсюда, кстати, множество недоразумений во внешней политике США. Разный возраст культур не способствует нормальному диалогу. Похожие проблемы иногда преследуют и Россию. Только, к сожалению, от нас мозги утекают, а не наоборот.

До перестройки мы твердо знали, что мы – пожизненные маргиналы. Нам только и оставалось – изобретать утопии. Запад, столь соблазнительно скрытый железным занавесом, оказался одной из них.

Неуязвимости нет

Я не впервые оказался в положении безъязыкого и плохо социализированного ребенка. Это уже было однажды в моей жизни.

Другое дело, что в тридцать шесть языковая беспомощность выглядит не столь очаровательно. Местный народ принимает тебя за полного идиота. Это, прежде всего, невероятный удар по самолюбию. Так что, в Торонто я быстро избавился от некоторых глупостей, связанных с эго. Сейчас эти навыки очень помогают. Полной неуязвимости, конечно, нет – я не святой, – но, думаю, мне проще выживать, чем многим моим коллегам. Я ставил «Калигулу» Камю, «Ивону» Гомбровича Стриндберга, Пинтера, Мишеля де Гельдерода, водевили Чехова, «Ревизора» Гоголя, «Русский сон» Михайловой.

Озеро Онтарио, на берегу которого находится Торонто, наводило на меня смертельную тоску – может быть, стоячая вода содержит слишком много женской энергии инь?

О Торонто я знал лишь одно: это третий в англоязычном мире город по количеству театров. Это меня вдохновляло. Потом я понял, что множество мелких компаний не делают погоды. В том смысле, что канадцы гораздо больше любят хоккей и бейсбол, чем драматическое искусство…

Что касается неучастия в культурном процессе, то здесь все не так просто. Дело вот в чем. Наша компания – «Горизонтальная восьмерка» – состояла главным образом из англоязычных актеров, канадцев в третьем-четвертом поколении. Иными словами, это не был эмигрантский ансамбль песни и пляски. Мы оказались на виду, завели поклонников, получали гранты на постановки. Но эстетика наша, разумеется, была пугающе не похожа на все, что происходило в городе. Мы вываливались из контекста. И, с одной стороны, это шло в плюс. С другой, периодически поднимало волну ненависти. Политкорректность ведь тоже имеет границы, правда?

Больше всего меня удивила система финансирования искусства в Канаде. Идеологически это весьма похоже на советский Пролеткульт. Деньги дают под актуальную тематику: гендерные вопросы – вне конкуренции, расовые конфликты – всегда в моде, ну, и про наркотики тоже хорошо проходит. На «Калигулу» мы получили грант, навесив чудовищной лапши на уши жюри: мол, наша интерпретация увязана с проблемой Квебека и т.д. Стыдно вспоминать… Еще одна вполне советская деталь: пока гранты доходят до творцов, чиновники половину всех денег тратят на бумажную работу. Прелесть, не правда ли? У нас – откаты, у них – бюрократы. Каждому свое.

Торонто – это мегаполис столичного размаха (по канадским меркам, конечно). Но мне не хватало бешеного ритма Москвы. Думаю, в Нью-Йорке я бы чувствовал себя гораздо лучше. Если же говорить именно о театре…Работа над спектаклем в тех палестинах происходит стремительно: три-четыре недели – и баста. Сценическая жизнь твоего детища примерно так же коротка. Разве что играть приходится каждый день. При таком темпе вещь не успевает созреть, но хватку нужно иметь железную. Это похоже на блиц в шахматах.

Я бы не сказал, что мне вполне удалось вписаться в новую культурную среду. Довольно скоро я обнаружил, что единственная тема, которая интересна и мне, и моей аудитории, – это взаимоотношения полов. Хотя и здесь не все обстояло благополучно, поскольку театр в Торонто в основном служит подмостками для геев и лесбиянок и как маргинальная территория предпочитает антиэстетику. Что мне не близко. Поэтому, в конце концов, я увлекся документальным кино.

Бытие или сознание

Обстоятельства, в которых ты оказался, могут преподать отличный урок, но это не значит, что ты вполне понимаешь его смысл или можешь выучить с первого раза. Человеку нужна повторяемость ситуаций, тогда он, возможно, согласится с тем, что это – непреложный закон… Пример? Сколько раз в истории нашей страны элита вела себя безобразно, безответственно по отношению к собственному народу: и дворяне отличились, и коммунисты… И что? Кто-нибудь извлек из этого урок? Боюсь, что Маркс сильно обольщался насчет социума… Другое дело – язык. Английский, который я учил со слуха, как учат детишки, дал моему сознанию новое измерение. Даже репетировать стал иначе – теперь я больше полагаюсь на импульсы, интуицию, внезапное постижение формы, а не на холодную логику.

Бродский сказал: «К иронии прибегают из трусости. Необходимо смотреть на вещи прямо». Это – славная максима. И я легко соглашусь с этим утверждением любимого поэта. Правда, с одной оговоркой: сам Бродский и в стихах, и в эссе часто пользуется иронией как верным средством против пафоса. А пафос, знаете ли, такая неприятная вещь: стоит заговорить о чем-нибудь серьезном или высоком – он уже тут как тут, стоит в позе трибуна и надувает щеки.

Права и обязанности

Главная обязанность режиссера (и не только эмигранта) – делать хорошие спектакли. А вот есть ли какая-то польза государству от тех ученых и работников культуры, кто махнул за кордон? Считаю, что огромная. Во-первых, они могут вернуться и уже одним своим присутствием сделать климат в стране более терпимым, менее безумным и ксенофобским. Во-вторых, живя там, все они остаются людьми русской ментальности и, врастая в иную цивилизацию, помогают местной публике лучше понимать Россию.

У меня в Канаде появилось несколько хороших друзей. Один из них, Дима Белопольский, стал моим постоянным соавтором в документалистике… Но основное общение происходило в англоязычной среде.

Разумеется, на меня влияет пространство. Все-таки моя профессия предполагает чувствительность к таким вещам. В Северной Америке я каждую секунду ощущал, как неглубок здесь культурный слой (в археологическом смысле). А озеро Онтарио, на берегу которого находится Торонто, наводило на меня смертельную тоску – может быть, стоячая вода содержит слишком много женской энергии инь?

Судьба и творчество

Все, что мы сочиняем, рождается из жизни, как Афродита из пены морской. Ну, и возвращается туда же – в жизнь, прирастает к чьей-то судьбе, влияет на нее.

Я нашел достаточно близких по духу людей, чтобы создать театральную компанию и сделать с ней дюжину спектаклей. Актеры во всем мире похожи – одна порода, привычки, достоинства и недостатки.

Ностальгия у меня впервые возникла в день отъезда. Но особенно невмоготу стало в августе 91-го. Часто снились полеты над московскими улицами, причем я не всегда их узнавал: много домов было разрушено и построено что-то совсем другое. Что называется, как в воду глядел.

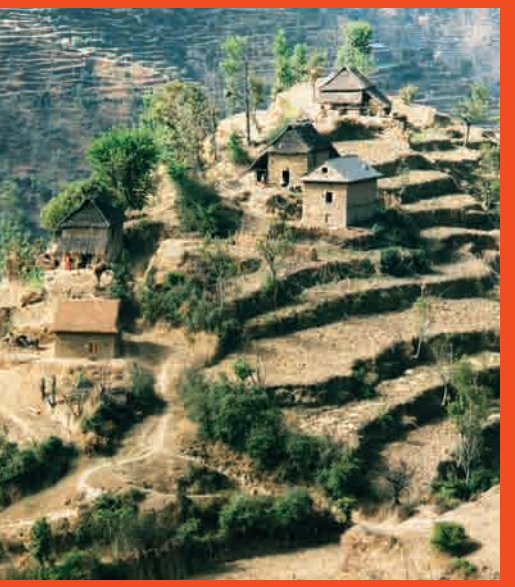
Теоретически творческий человек может полностью приспособиться к новому культурному и языковому пространству. Думаю, это – вопрос времени. Пять лет, проведенные мной в Канаде, очевидно, недостаточно долгий срок… Хотя, применительно к режиссерской профессии, могу вынести вердикт: неадекватность – это навсегда. Приспособиться можно, а вот быть самим собой – нет. Потому что в нашей профессии нужно не только виртуозно владеть формой и уметь воздействовать на психику актера, необходимо иметь со своей аудиторией общее детство, знать, например, что такое ириска «Золотой ключик», какое отношение она имеет к Италии, театру и графу Алексею Николаевичу Толстому.

Я вернулся, потому что хотел быть полезен Отечеству в интересное и трудное время. Да и радость всякого путешествия отчасти в возвращении домой. ■

Борис Гребенщиков

Философия *странствий*

Однажды Олдос Хаксли сказал, что лучше музыки выразить Невыразимое может только безмолвие. В мире Бориса Борисовича Гребенщикова между музыкой и безмолвием пролегает дорога...



Страна Снегов

Я отлично помню, когда у меня впервые появилось желание съездить в Тибет. В начале 1993 года я летел в самолете из Петербурга в Берлин и читал книжку самоназванного ламы Оле Нидала о буддизме «Открытие алмазного пути». И мне захотелось познакомиться с ламой, увидеть все, о чем он писал. А через четыре месяца я встретился с самим Оле Нидалом в Крыму на церемонии Пхова. (Пхова – буддийская практика умирания в сознании, позволяющая осуществить перенос сознания в Чистую Страну. – ред.) Он дал мне подробные указания, как добираться до тибетского ламы, упоминаемого в книге. Так что, уже в ноябре того же года я прибыл в Непал. От поездки в эту страну я ничего не ждал, меня интересовала только возможность поближе познакомиться с тибетской религией, и я даже не предполагал, что это окажется так легко.

Непал с самолета похож на ступню человека. Это крохотное государство зажато между Индией и Китаем. Считается, что в долине Катманду обитают десять миллионов богов — по тридцать на каждого местного жителя. Современные здания, стадионы и шоссе перемежаются сотнями храмов — от огромной ступы Боудданатх до крохотных уличных алтарей в стенах домов. Ступы украшены разноцветными флажками, на которых начертаны молитвы. Несмотря на возросшую популярность Непала, европейских лиц на улицах не так много. Крохотные улочки, складывающиеся в лабиринт, переполнены

торговцами. Товары лежат на земле, проплывают на головах, проезжают на велосипедах. Прямо на улицах десятки умельцев строгают, выпиливают и куют крохотные фигурки Будды – на память туристам. Многочисленные обезьяны снуют между прохожими, забираются на храмы и катаются с каменных парапетов, как дети с горок.

Среди сотен крохотных кафе, которые здесь почему-то называют ресторанами, русские выбрали местечко Chhapra в районе Нью-Роуд. Хозяин заведения несколько лет проучился в Петербурге и частенько заводит русские пластинки – ДДТ и «Аквариум». До Гребенщикова в Непале уже побывали многие известные личности – Стивен Сигал, принц Чарльз, Ричард Гир, Клаудиа Шиффер, Рикки Мартин. Зато Борис Борисович первым добрался до Непала из постсоветской России. Вслед за ним знакомиться с местной культурой приезжал Виктор Пелевин, Макс Леонидов и даже экс-мэр Москвы Гавриил Попов.

В Непал я приехал с женой. Освоились на удивление быстро. Лама, к которому мы обратились, посоветовал нам поселиться у его друзей в небольшой комнатке. Целыми днями я ходил из одного тибетского монастыря в другой и слушал учителей. Кто-то из них говорил по-английски, другие общались через переводчиков. В Катманду много буддистов из Европы. Однажды ночью в ущелье я встретил грязного оборванного старика, который посмотрел мне в глаза и сказал обо мне всю правду. С тех пор моя жизнь изменилась. Я понял – никогда ничего не происходит просто так. Бог уже написал вашу книгу жизни.

В Катманду я ездил десять лет каждый год – продолжал ходить по храмам и слушать учителей.

Одним из учителей, к которым обращался Гребенщиков, стал Чокьи Нима Ринпоче – настоятель одного из крупнейших в Непале монастырей Ка-Ньинг Шедруб Линг. Борис Борисович не только учился, но даже перевел на русский несколько книг ламы, в том числе «Путеводитель по жизни и смерти» – изложение учений о «бадо» – промежуточном состоянии между смертью и новым рождением и практическое руководство по достижению освобождения.

Мы приезжали в Непал на несколько дней, и ни разу у меня не возникло желания остаться там навсегда. Зачем? Я прилетаю, получаю то, что нужно именно мне, и претворяю это в дело.

Город-герой Бомбей

Последние 16 лет я постоянно езжу по России, поэтому, когда остается хотя бы один свободный месяц, стараюсь из страны уехать. Есть много прекрасных мест, где очень хорошо работается. Например, в гостях у своих друзей в Бомбее я написал «Брод» на тихом пляже в трех часах езды от города, где не встретишь ни одного человека. Там вообще нет ничего примечательного, кроме моря. А море я люблю.

Бомбей (в 1990-х ему вернули старое название Мумбаи) – многомиллионный мегаполис, больше Москвы, но меньше Нью-Йорка. Мумбаи мог бы дорасти до Дели, если бы не географическое положение – город лежит на семи островах, кругом – океан.

Именно сюда, за пять веков до Бориса Борисовича, прибыл знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин, который написал: «Вот Индийская страна, и простые люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты: а детей родятся каждый год, а детей у них много...» Пять веков прошли, но полуголые люди, коровы, сутолока восточного базара остались. Крупнейшие нефтехимические производства, индийский «Голливуд», небоскребы – все это не главное для тех, кто едет в Мумбаи за духовностью. Неподалеку от этого города жил святой Шри Сатьи Саи Баба – мусульманин и индус одновременно. Он вел тихую жизнь в деревне. Не искал общения и разговоров. Он только отвечал на вопросы. Днем обычно сидел под деревом ним или в тени дерева бабул, росшего у ручья. Он умер (оставил свое земное тело) в 1918 году, чтобы через восемь лет «воплотиться» в новом теле – в теле Саи Бабы, который называет себя богом на Земле. Именно к нему вот уже более десяти лет ездит Борис Борисович Гребенщиков. Приверженцы первого Саи Бабы считают второго мошенником.

Хождение за три моря

В Индию в первый раз я попал в 1994-м году – из-за любопытства. Один из моих друзей оказался учеником Саи Бабы, и мне стало интересно посмотреть на человека, о котором говорят – вот воплощение бога на Земле.

Несколько часов езды по безжизненной пустыне от Боголора и вдруг, прямо из ниоткуда, вырастает странный город. Большая часть построек здесь вы-

крашена в розово-голубой цвет — роскошные дворцы, стадионы, магазины, колледжи, супермаркеты. Эти цвета означают, что постройка принадлежит Саи Бабе. В бывшей деревне, а ныне резеденции живого бога, человек ощущает себя лилипутом — многие фасады украшают монументальные статуи индийских богов, а на склонах горы рядом со стадионом стоят многометровые статуи Иисуса Христа, Будды, Зороастра. На вершине сидит сам Хануман — индийский бог-обезьяна. Самое главное место — Путтапарт-ашрам. Для паломников здесь построена огромная мраморная площадка. Чтобы оказаться в первых рядах, многие начинают занимать места часа в четыре утра. Около семи из ворот под музыку появляется сам Саи Баба, облаченный, как правило, в длинную одежду оранжевого цвета. Он медленно проходит между рядами преданных, кого-то благословляет, у кого-то берет письма, кому-то материализует священный пепел, кого-то приглашает на личную беседу. «Мой Даршен — это дар, о котором мечтают даже Боги Высших Сфер», — говорил Саи Баба в своих книгах. В разное время с Саи Бабой встречались Далай-Лама XIV, Мстислав Ростропович, Джордж Харрисон, Стивен Сигал и Эрнст Мулдашев. Тысячи паломников годами остаются в Путтапарте, чтобы, наконец, добиться личной аудиенции.

К Саи Бабе я езжу каждый год. Обычно я живу около его ашрама. Приезжаю дней на пять. Саи Баба выходит к народу на полчаса и сам выбирает, с кем будет говорить. Один раз мне повезло – Саи Баба выбрал меня. Он завел нас внутрь и каждому сказал что-то свое. У меня никаких вопросов к нему не было. Просто приятно было видеть его вблизи, общаться. Что-то я для себя понял. Но на мое творчество Саи Баба не имеет никакого влияния. Песни я пишу сам. Для этого мне надо тихое безлюдное место и четыре свободных дня. Обычно я работаю долго в деревне или в питерской квартире. Но в Питере очень много дел... Так что, как только я оказываюсь далеко от дома, то могу сочинять где угодно. Легко и быстро.

Людям, которым мое мнение небезразлично, вполне достаточно моего творчества – 500 моих песен. Каждая песня – это путешествие, и куда оно вас заведет, зависит только от вас. ■

P.S. *В начале ноября в издательстве «Олма Медиа Групп» выходит «Книга песен БГ» — самое полное собрание сочинений Бориса Гребенщикова.*

Фредди Тилеманс:

«В Евросоюзе *я — самый главный мэр!»*

– Привет, Фредди! Как насчет кружечки свежего «Хугардена?»
– Погоди, приятель! Дай дерево дотащить, потом это дело и отметим!
Нормальный разговор двух закадычных друзей. Правда, есть один нюанс. «Приятель» – это местный кровельщик, а Фредди – бургомистр Большого Брюсселя, самый известный и уважаемый в Европе мэр. Градоначальник, популярности которого может позавидовать и Ю. М. Лужков. Короли и президенты считают за честь пожать ему руку, но его больше беспокоит отношение к нему простых людей – жителей столицы Европы.

Если вы хотите побыть хоть немного в трудной, но самой почетной и полезной для народа должности – посидите пару дней в моем кресле Бургомистра столицы Европы. Сейчас в Брюсселе живет без малого миллион человек. Больше половины – не коренные бельгийцы. Что поделаешь, географически он расположен необыкновенно удачно. А в век скоростных коммуникаций все вообще становится рядом. Если я приглашаю в гости Бертрана Деланоэ, мэра Парижа, то точно знаю: через час с небольшим мы пожмем друг другу руки. Но что осталось незыблемым и, по-моему, вечным – так это обаяние узких улиц с расписными стенами домов (о них можно говорить часами!), массой ресторанчиков, великим множеством магазинчиков с вкусным бельгийским шоколадом, несметным количеством пивных и, разумеется, несметным количеством самого разного пива, на любой вкус и цвет.

Это город, который создан для того, чтобы в нем жить. Приезжайте и посмотрите.

Я родился 62 года назад на окраине Брюсселя, в Лакене. Наш домик тогда стоял точно на том же месте, где в 1958 году построили знаменитый Атомиум.

В школе мне нравилось изучать германские языки и решать сложные задачки по математике. Проучившись 12 лет, я получил свое первое звание – бакалавр коммерческих наук и место преподавателя в средней школе.

Потом все друзья бросились в политику. Я не стал сопротивляться и очень быстро оказался активистом Союза молодых социалистов. Работа в школе, зачеты, экзамены, выпускные вечера остались приятным воспоминанием. Новые политические дороги приводили меня в партийные штабы, комиссии Европарламента, Совета Европы. И, наконец, в самый красивый кабинет брюссельской ратуши – командный пункт большого, гостеприимного и действительно самого многонационального города Европейского союза.

Из окон моего кабинета виден старинной постройки пансион с ресторанчиком «Дю Синь» – «Лебедь». Только что я как городской начальник открывал на нем памятную доску. В конце 19-го века здесь жил Карл Маркс и за колченогим столиком сочинял свой «Капитал». Напротив, в здании с тесанными из камня фигурами знаменитых горожан, уже не одну сотню лет темнеет другая табличка: «Здесь жил Виктор Гюго». Ах, как же прав был великий писатель, назвавший главную площадь Брюсселя самой красивой в мире!

Мне легко общаться с разноцветным населением европейской столицы, наверное, еще потому, что я – убежденный атеист, но уважительно отношусь к тем, кто поклоняется своим богам. Бельгийская терпимость вошла в поговорку. Я как мэр большого города должен поддерживать эту хорошую традицию.

По должности градоначальника почти каждое воскресенье благословляю молодых. Свадьба в ратуше – церемониал очень торжественный и доступен всем желающим. Даже если сочетаются законным браком красивая женщина – депутат Европарламента со своей избранницей – очаровательной секретаршей. И, желая счастья, бокал шампанского я поднимаю прежде всего за свободу выбора.

Правда, в выборе собственных друзей – более щепетильный и стараюсь не заводить дружбу с теми, кто делает большие деньги на чьем-то бесплатном труде.

Всем известно, что бельгиец рождается с кирпичом в желудке. Это значит, что главная его мечта – свой собственный дом.

Я – типичный подданный нашего короля, у меня – тоже свой дом, конечно же, не похожий на дворец, но уютный, с садиком и, разумеется, без всякого забора. Во-первых, это у нас не принято, а во-вторых, и самое главное – районный архитектор ни за что не даст разрешения ни на какую загородку. Только кусты, да и то общепринятой высоты. Как у всех соседей.

Но в самом доме – никаких ограничений. У меня – приличная библиотека – больше 10 тысяч книг. Я читаю (и свободно разговариваю) на 6 основных европейских языках.

А у моей жены – удобная кухня. Я нахожу, что это – самая красивая комната в доме. Моя прекрасная супруга Сесиль несколько лет танцевала в балете знаменитого Бежара.

Мне даже кажется, что кухня для нее – продолжение сцены, и я там – самый восторженный зритель.

А еще она очень гордится моими карикатурами на друзей-политиков и уговаривает устроить веселую выставку моих рисунков. И забавных фотографий. Всякое случается в жизни, и от объектива нынче спрятаться некуда.

Пригласили как-то на юбилей самого древнего бельгийского королевского ордена арбалетчиков. Притащили старинный тяжеленный арбалет, показали, как заряжать, куда смотреть, на что нажимать. И – невероятно! Все три стрелы я уложил одна в другую, в самый центр! Пришлось главе ордена, знатному барону, по такому случаю почистить мне ботинки! Что поделаешь – традиция!

И здесь не обошлось без фотографа. Этот снимок, который даже дома я храню в дальнем ящике, вы можете увидеть. Интересно, есть такие традиции у ваших, как их называют в России, «ворошиловских стрелков»?

Чуть позже я с удовольствием узнал, что последний раз такая удача улыбнулась одному из самых метких орденских стрелков-арбалетчиков где-то в начале прошлого века.

Мне нравится ваша страна, ваш удивительно богатый и красивый язык. Я даже знаю несколько фраз по-русски. Одно слово мне очень нравится – «кепка». Ни в одном языке такого самобытного слова нет! «Шляпа», «каскетка», «бейсболка» – общие понятия. А кепка – это, как у вас говорят по-русски, – «круто!». Говорят, московский мэр их коллекционирует, вот в его следующий визит я ему настоящую кепку подарю!

Утверждают, что каждый человек должен посадить в своей жизни хотя бы одно дерево. А я сажаю его каждый год. В праздник, который называется «Мейбоум». Это – один из тех веселых карнавалов и шествий, которых в нашем королевстве, кстати, насчитывается 220 в год!

Вообще, бельгийцы любят художников, музыкантов, любят организовывать шествия с шумными оркестрами и дегустацией любимых напитков.

«Мейбоум» – веселая история о том, как однажды, кажется, лет восемьсот назад, похитили невесту. Ну, как говорится, «погнали наши городских», дальше круче – «стенка на стенку», потом – братанье, потом – пиво рекой и соломоново решение местного священника: в честь примирения каждый год в центре города сажать большое дерево. Я в этом празднике с удовольствием участвую. Прекрасная возможность быть поблизже к горожанам, поговорить, выпить с ними пару бокалов пива. Я ведь такой же свободный человек, как и они. И тяжелое дерево приходится тащить без всяких поблажек наравне со всеми.

Больше всего мне нравится защищать свободу. По натуре я – самый настоящий антиглобалист.

У меня нет свиты стриженных наголо охранников, хотя по статусу я – начальник всего полицейского корпуса в Большом Брюсселе. Но не стремлюсь создавать дистанцию между собой и теми, кому служу, – жителями города. Они надеются видеть во мне друга, и я не хочу обманывать их желания и надежды.

Так что, могу заверить вас: моя охрана встает не очень рано (в отличие от бравых сторожей из замечательного русского мультфильма о «Бременских музыкантах», от которого мои дочки просто в восторге).

Больше всего мне нравится защищать свободу. По натуре я – самый настоящий антиглобалист, правда, строго соблюдающий общественный порядок.

А мечты мои – скорее всего утопичны. Мне хочется, чтобы мир стал более мудрым и гуманным, чем сейчас. Поэтому и вам, и себе пожелаю дожить до этого счастливого времени. ■

чтение

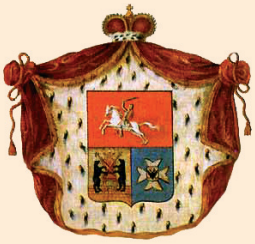
В «Исторических хрониках» Любовь Русева рассказывает о подвигах славного рода Репниных.

Евгений Шишкин в своем рассказе говорит о настоящей мужской дружбе и о мнимом или явном предательстве в человеческих отношениях.

А главный герой романа Джона Макдональда пытается разыскать спрятанные его погибшим другом деньги и во время этих поисков теряет почти все, но… находит настоящую любовь.

Любовь Русева

Дабы слава рода *не угасла*



Легендарная атака кавалергардов во время Аустерлицкого сражения прославила князя Николая Григорьевича Репнина. Спустя 20 лет его младший брат – князь Сергей Григорьевич Волконский – станет знаменитым декабристом. Как случилось, что два родных брата вошли в историю нашего Отечества под разными фамилиями?

На рассвете 2 декабря 1805 года взвод корнета Александра Альбрехта повез полковые штандарты в Аустерлиц, где должен состояться смотр победителей. Как же сказочно будут смотреться холеные нарядные кавалергарды на фоне древнего замка тамплиеров! Соотечественники будут гордиться их строем, союзники – с завистью смотреть, а пленные противники?.. Ох, и не терпится посмотреть на посрамленного гордого француза.

А на биваках – веселая суета: кавалергарды чистятся, одеваются, пудрятся, приделывают чепраки, привезенные из Петербурга. В переклички, шутки и смех врывается пушечный гул. Началось!

– По коням! – командир полка Депрадович оглядывает своих орлов. Хороши!..

Скачет боевой генерал да любуется красотами Моравской земли, и невдомек ему, что ведет он 800 богатырей не на парад, а на верную смерть. Вопреки планам императоров, русская гвардия оказалась не в тылу, а на направлении главного удара французских войск. Цена расплаты за самоуверенность монархов оказалась слишком высока.

В В Мазуровский. Подвиг Конной Гвардии при Аустерлице

Словно из-под земли на вершине холма вырос цесаревич Константин.

– Кавалергарды! Выручай пехоту!

Полк во весь опор понесся. С холма открылась ужасающая картина: остатки семеновцев в окружении вражеской кавалерии защищают свои знамена, русских войск не видно, сплошная стена французской пехоты наступает на кучки бегущих преображенцев.

– Первый, второй и третий эскадроны, правое плечо! На помощь преображенцам марш! – и Депрадович полетел впереди.

Репнин с эскадроном ринулся выручать семеновцев. Красавцы в блестящих белых мундирах на вороных конях смяли первую линию конных егерей французской гвардии и мамелюков. Тем на выручку полетели знаменитые «chevaux-noirs» . Но к Репнину подоспели эскадрон Оленина и взвод Альбрехта. Львами бились кавалергарды в кольце «черных рыцарей». В разгар мясорубки эскадроны мощных конных гренадер обрушились с криком: «Заставим плакать петербургских дам!»

Белые колеты растворились в синих мундирах гренадер и цветных мамелюков. Два эскадрона и взвод сражались до конца, до последнего человека. «Кавалергарды четверть часа боролись с французами, понесли огромные потери, но дали средство пехоте перебраться через ручей».

В Аустерлицком сражении австрийцы потеряли 6.000 человек, русские – 21.000, у французов – 800 убитых и около 6000 раненых. Противнику достались 180 пушек и весь обоз союзников. Так бесславно для царя закончилась битва, но кавалергарды стали национальной гордостью.

Последние залпы, и сражение «трех императоров» – уже достояние истории.

Наполеон обозревал дымящееся поле, к нему подвели пленных.

– Кто старший?

Бонапарту указали на полковника, тяжело раненного в голову и грудь.

– Ваше имя?

– Князь Репнин.

– Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?

– Я командовал эскадроном.

– Ваш полк честно исполнил долг свой.

– Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату.

– С удовольствием отдаю ее вам.

Покоренный отвагой Репнина, Наполеон приказал перевезти его в аббатство Мёльк и обеспечить хороший уход. При очередной встрече он даровал князю и всем его кавалергардам свободу.

– Я возвращаю вас императору Александру.

Однако комендант Брюна соглашался отпустить пленных только при условии, что те дадут честное слово не сражаться против Франции. Репнин подал жалобу военному министру, но Бертье был того же мнения.

– Я присягнул служить своему Государю до последней капли крови, – заявил полковник, – и потому предложение принять не могу.

Легендарный командир 4-го эскадрона Кавалергардского полка Николай Репнин всего несколько лет носил эту фамилию – фамилию знаменитых русских фельдмаршалов. Он был сыном князя Волконского. Григорий Семенович, прозванный Суворовым «неутомимый Волконский», сражался с турками при Екатерине Великой. Дослужившись до генерала от кавалерии, князь долгое время был оренбургским военным губернатором, затем членом Государственного совета. Старый вояка прослыл в петербургском обществе «полоумным чудаком». Стремясь подражать своему кумиру – Суворову, он ходил с непокрытой головой и в одном камзоле, часто загружал карету провизией, которую раздавал нищим, мог стать на колени посреди улицы для молитвы. В столице Волконский жил отдельно от семьи, потому воспитанием детей занималась исключительно княгиня Александра Николаевна (урожденная Репнина). Григорий Семенович любил сыновей, гордился их подвигами.

Прославленный княжеский род Репниных (так же, как и Волконских) происходил от князя черниговского Михаила Всеволодовича, причтенного к лику святых.

Князь Аникита Иванович Репнин

Перед началом знаменитого сражения при Лесном, где неожиданно шведов оказалось вдвое больше, к Петру I подошел рядовой.

– Государь, – обратился князь Репнин, – прикажи казакам и калмыкам колоть всех, кто подастся назад.

– Товарищ, я от тебя первого слышу такой

Отвагой и смекалкой Аникита Иванович Репнин отличился еще при охране государя в Троицком монастыре во время второго стрелецкого бунта.

совет, – удивился царь, – и чувствую, что мы не проиграем баталии.

Нерегулярной коннице не пришлось колоть регулярную пехоту. Русские в упорстве, отваге и мастерстве не уступали шведам. Сражение длилось более шести часов. Центром командовал и «сражался, как лев» князь Михаил Голицын. Рядом с генералом в штыковой атаке чудеса мужества проявлял рядовой Репнин. Счастливый победой Петр расцеловал генерала и вручил ему свой портрет, усыпанный алмазами.

– Жалую тебя чином генерала-поручика, – громко объявил царь. – Проси, князь, чего пожелаешь.

– Государь, прости Репнина.

В опалу генерал Репнин попал за два месяца перед Лесным – после поражения при Головчине. Меншиков и Шереметев пытались задержать Карла XII на болотистых берегах Бибича. От перебежчика стало известно, что король нападет на правое крыло, его и усилили, в том числе и за счет Аникиты Ивановича, который к тому же был ослаблен тем, что его солдаты охраняли разные переправы и мосты.

Под прикрытием густого предрассветного тумана 30-тысячная армия шведов переправилась на понтонах в самом болотистом месте и всей мощью обрушилась на дивизию Репнина, в которой осталось менее пяти тысяч. Застигнутые врасплох сильным артиллерийским огнем воины, отрезанные от остальной армии, запаниковали. Репнину удалось остановить повальное бегство и отступить к лесу. Четыре часа, пока не истратили все боеприпасы, его полки сдерживали натиск врага. Репнин, преследуемый конницей противника, прорвался к нашей армии, оставив шведам семь пушек.

Учения «потешных» полков в селе Преображенском. Осада и штурм крепости Пресбург. Миниатюра, 1-я половина XVIII века

Разгневанный Петр приказал Меншикову «накрепко розыскать, начиная с первого до последнего», и предать виновных военному суду. «Ежели мне изволите причесть в вину… будто неприятеля не держал и отступил вскоре, – оправдывался перед царем Репнин, – а неприятеля мне держать было больше невозможно без сикурсу, и в такое многое время, сколько я неприятеля держал, возможно было с обеих сторон довольное вспоможение мне учинить и неприятеля в конфузию привести…» Генерал в письме «слезно» просил государя проявить к нему «божеское милостивое милосердие», «понеже, кроме вашего высокого милосердия, предстателя себе не имею». Милосердия генерал не дождался – его разжаловали в солдаты, стоимость утраченных пушек он возместил из своего кармана…

Петр уважил просьбу Голицына, и в Полтавском сражении Репнин командовал центром армии снова генералом и заслужил орден Андрея Первозванного.

Аникита Иванович родился в 1668 году. Ратная служба будущего прославленного фельдмаршала началась поручиком в Потешной роте, а спустя два года он уже – подполковник. Отвагой и смекалкой Репнин отличился еще при охране государя в Троицком монастыре во время второго стрелецкого бунта. Вскоре он проявил себя и во взятии Азова. В Северную войну генералу Репнину покорялся один европейский город за другим. Польский король наградил его орденом Белого Орла, а Датский – орденом Слона.

Аникита Иванович долгие годы правил Рижской губернией. В 1724 году Петр назначил фельдмаршала Президентом Военной Коллегии (с сохранением звания гене-

рал-губернатора). После смерти Преобразователя и возведения на престол Екатерины I Репнин, являвшийся сторонником юного Петра II, удалился в Ригу, где и скончался в 1726 году.

Сыну талантливого полководца князю Василию также пришлось понюхать пороху с юных лет. Служба его началась во время войны со шведами. Затем царь отправил княжича волонтером в армию легендарного принца Евгения для изучения ратного искусства.

При императрице Анне Иоанновне во время турецкой войны Василий Аникитич заслужил славу «умного, храброго и ревностного» генерала. Потому Елизавета Петровна поручила ему возглавить кадетский корпус, а также назначила воспитателем наследника престола Петра Федоровича.

Европейская война за австрийское наследство вернула Репнина в армию – он стал главнокомандующим наших войск, отправленных на помощь императрице Марии-Терезии. Русское вмешательство привело к окончанию кровавой бойни, и Репнин стал «виновником» аахенского мира, по условиям которого границы всех держав остались теми же, что и до начала войны. К сожалению, эта блестящая дипломатическая миссия стала «лебединой песней» князя. По пути на родину Василий Аникитич скончался на руках четырнадцатилетнего сына.

Ведал ли в те скорбные минуты сирота, что судьба уготовила ему участь деда, что его военная карьера будет столь же стремительна, а всего через четырнадцать лет, он, сержант, станет генералом, и при Екатерине Великой сыграет ту же роль, что и его дед при Петре Великом?

Князь Николай Васильевич Репнин

Репнины были не только талантливыми полководцами и дипломатами, но отличались и страстью к «учености». Все они прекрасно понимали, что без глубоких знаний природные дарования и ум малого стоят, что без наук настоящим полководцем или искусным дипломатом стать невозможно.

Николай Васильевич родился 11 марта

Как писал его современник, князь Николай Васильевич Репнин «был один из тех великих мужей, истинных героев, любителей высочайшей добродетели, которых деяния читают в Истории с восторгом удивления.

1734 года и первоначальное образование получил под попечением матери. В двенадцать лет он стал рядовым Преображенского полка, и в 1747 году сержантом участвовал в «славном походе на Рейн» своего отца. Вернувшись в Россию, юный воин, подававший большие надежды, продолжил образование.

Началась Семилетняя война, и императрица Елизавета Петровна позволила Репнину отправиться волонтером в армию Апраксина. Отвагой на полях сражения и сметливостью при штурме крепостей Николай вскоре заслужил чин капитана гвардии. Как некогда его отца отправили постигать искусство ратного дела к принцу Евгению, так дочь Петра Преобразователя откомандировала Николая во французскую армию, с которой он под командованием маршала Контада участвовал в Минденском сражении.

Знак наградной с портретом Петра I, начало XVIII века

В 1762 году Екатерина II назначила Репнина полномочным министром в Пруссии, где он сблизился с Фридрихом Великим – первым полководцем, блестящим дипломатом и энциклопедически образованным человеком. Общение с этим выдающимся человеком благотворно повлияло на молодого дипломата. Помимо того, Репнин стал знатоком главных армий Европы: прусской, австрийской и французской, он знал все их достоинства и недостатки, что впоследствии очень пригодилось полководцу на полях сражения.

Так же, как и отец, Николай Васильевич становится директором Сухопутного Кадетского Корпуса, но ненадолго, поскольку международная обстановка чрезвычайно накалилась, и императрица назначила его полномочным министром в Польшу. Главная цель посольства – избрание в короли Станислава Понятовского. Дипломатические споры князь решил чисто по-военному: арестовал и отправил в Петербург вельмож, открыто сопротивлявшихся. В результате, королем единогласно был избран русский ставленник. Почти шесть лет Репнин фактически правил этой страной. Он добился и подписания в 1768 году договора между двумя странами, обеспечивавшего свободу вероисповедания и гражданские права для всех диссидентов. Король обязался обеспечить «на вечные времена вольное исповедание Веры Греческой Восточной», а императрица торжественно гарантировала Польше конституцию, вольность и законы.

Война с Турцией вынудила Екатерину отозвать Репнина, и на смену дипломатическому поприщу снова пришло военное. Командуя отдельным корпусом в Молдавии и Валахии, он не допустил переправы через реку Прут 36-тысячного войска турок и татар. Николай Васильевич отличился под знаменами Румянцева в знаменитых сражениях при Ларге и Кагуле, овладел Измаилом и Килией, за что и был награжден Императрицей орденом Св. Георгия второго класса.

И на войне полководцу приходилось становиться дипломатом: именно он подписал «договор вечного мира» со стороны России. Вскоре его назначили чрезвычайным и полномочным послом в Блистательную Порту.

А в Европе вспыхнула очередная «наследственная» война, на этот раз – за Баварское наследство. Николай Васильевич, как некогда его отец, с корпусом вступил в Бреславль. На Тешенском конгрессе полководец-дипломат своей твердостью склонил Австрию к миру. Баварии возвратили большую часть ее захваченных земель, Саксонии

и другим немецким княжествам компенсировали понесенные убытки. Екатерина пожаловала «восстановителю тишины в половине Европы» орден Св. Андрея Первозванного, Фридрих Великий – орден Черного Орла, осыпанные бриллиантами шпагу и свой портрет, а также Саксонский сервиз, Иосиф II прислал трость, украшенную бриллиантами и серебряный столовый сервиз.

Так же, как и дед, Николай Васильевич губернаторствовал. При Павле, кстати, он стал военным губернатором Риги. Но, в отличие от Аникиты Ивановича, жизнь его внука закончилась не на посту, а в опале. В 1798 году Павел отправил Николая Васильевича с дипломатическим поручением в Берлин и Вену. Князь должен был помешать дружескому сближению Пруссии с Францией и убедить Австрию к совместному действию против республики. Успеха Репнин не добился, за что и был уволен.

Так уж повелось, что опальные сановники селились в Москве. Не стал исключением и Николай Васильевич. 12 мая 1801 года прославленный фельдмаршал и государственный деятель Екатерины Великой скончался. Он воспитал многих сановников, в числе которых граф Панин, Булгаков, князья Лобановы-Ростовские, Трощинский… Под его знаменами служили Суворов, Кутузов, Потемкин.

Звезда ордена Св. Андрея Первозванного, 2-я половина XVIII в.

Как писал его современник, князь Николай Васильевич Репнин «был один из тех великих мужей, истинных героев, любителей высочайшей добродетели, которых деяния читают в Истории с восторгом удивления и коих величию, не понимающие совершенства добродетели, не имеют силы верить. С видом величавым, гордою осанкой, возвышенным челом, глазами, и в маститой старости огненными, коим проведенные дугою брови придавали еще большую выразительность, соединял он веселый нрав, был обходителен, добр до крайности; удивлял всех своею начитанностью, редкою памятью; свободно изъяснялся и писал на российском, французском, немецком, итальянском и польском языках; в молодых летах имел сердце пламенное и был счастлив любовью прекрасного пола; умел поддерживать достоинство своей Монархини; казался иногда гордым по необходимости; был вспыльчив, но не знал мести, и одна только любовь к службе, к порядку увлекала его…»

Вскоре после смерти фельдмаршала последовал указ Александра I: «В ознаменование отличного Нашего уважения к воинским и гражданским подвигам генерал-фельдмаршала князя Репнина, в память добродетелей его и любви к Отечеству, коими и в мире и в войне, и на службе и в уединении, до самого конца жизни своей был он преисполнен, и во свидетельство, что истинные заслуги никогда не умирают, но, живя в признательности всеобщей, переходят из рода в род, согласно желанию его, ближних его родственников и Нам Самим известному, соизволяем, чтоб родный его внук, от дочери его рожденный, полковник князь Николай Волконский принял фамилию его, и отныне потомственно именовался князем Репниным. Да род князей Репниных, столь славно Отечеству послуживших, с кончиною последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет навсегда, с именем и примером его, в незабвенной памяти Российского дворянства!»

Так князь Волконский стал князем Репниным. Воистину слава рода не угасла. Легендарная атака эскадрона Репнина – только начало славного пути. Николай Григорье-

Николай Волконский, по свидетельству Муравьева-Апостола, «своим образованием служил лучшей похвалой воспитанию, которым отличались наши офицеры».

вич заслужит высшие боевые награды своего Отечества, грудь доблестного офицера украсят 6 иностранных орденов. Тяжелое ранение, полученное при Аустерлице, временно заставит полковника выйти в отставку, но 11 ноября 1808 года он вернется на службу и уже через полтора месяца станет генералом.

Князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский

Николай Волконский родился в 1778 году. По настоянию деда – Репнина – он поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, и, по свидетельству Муравьева-Апостола, «своим образованием служил лучшей похвалой воспитанию, которым отличались наши офицеры». В 14 лет Николай стал прапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка. Через пять лет он – уже флигель-адъютант, и на этом его карьера едва не закончилась. В одночасье милость императора обернулась опалой.

Как-то поздно вечером Павел послал Волконского к императрице, но вскоре снова позвонил, и к нему вошел другой дежурный адъютант, которого государь не любил и не допускал в свои внутренние покои.

– Ты зачем? Где Волконский? – закричал Павел, забыв о поручении.

Тут как раз князь вернулся, но отчитаться не успел.

– Как! Я звоню, а ты не идешь?!

– Ваше величество…

– Оправдываться! В Сибирь!

– Ради Бога, ваше величество, позвольте мне проститься с семейством.

– Можешь, и прямо в Сибирь!

О разыгравшейся сцене в доме Волконских можно догадаться. Несчастный офицер покинул дом, оставив мать в глубоком обмороке. По пути во дворец князя встретили несколько посланцев с требованием немедленно явиться к императору.

– Что я наделал! – встретил его государь. – Ведь совсем забыл, что сам тебя послал. Прости меня, Христа ради. – Павел приподнялся на постели и низко поклонился. – Ну, а теперь ступай.

– Ваше величество, позвольте мне возвратиться на минутку к моим. Мать была без памяти, когда я уехал.

– Что я наделал! Я сейчас кланялся тебе, а вот этот поклон передай от меня матери. Попроси ее, чтобы и она меня простила.

За несколько дней до кончины любимого деда Николай Григорьевич приехал в Москву проститься с ним. Князь Репнин пристал к внуку:

– Николай, ответь мне как на духу: не причастен ли ты к несчастному событию, или не знал ли про то да не уведомил государя?

– Клянусь, и Бог тому свидетель, что я ничего не знал и не слыхал.

Старый князь упал на колени и со слезами благодарил Всевышнего, что спас внука от тяжкого греха цареубийства, его – от горести, а род – от посрамления.

В 1802 году Николай Григорьевич женился на девушке, которую давно безумно любил, но путь к счастью оказался тернист. Проживая в Москве, фельдмаршал Репнин подружился с графом Разумовским, которому еще раньше пришлось уйти в отставку. Два опальных сановника настолько сдружились, что решили породниться. Николаю Васильевичу по сердцу пришлась красавица Варенька, на которой он и мечтал женить любимого внука. Фельдмаршал вызвал Николая к себе в подмосковное село Воронцово, куда приехал и граф с дочерью.

Репнин и Разумовский ликовали: между молодыми вспыхнула любовь с первого взгляда. Скоро свадьбу играть, и будет она пышная, каких не бывало. Только до венчания дело не дошло – лучшие друзья разругались да стали лютыми врагами.

Старый полководец был честен и щедр до расточительности, но крайне высокомерен и горяч. Алексей же Кириллович был «гордыни непомерной... и суров в кругу своего семейства». Насколько раньше князь желал брака Николая с Варварой, настолько теперь он был категорически против. Ни просьбы, ни мольбы любимого внука не поколебали его решения. Так и отправился несчастный на войну, потеряв надежду соединиться с любимой девушкой. Репнин завещал Николаю свою фамилию, но согласия на брак не дал. Только после смерти деда мечта молодого князя осуществилась.

Знак ордена Св. Андрея Первозванного, середина XVIII в.

Подобно своему деду, Николай Григорьевич чередовал военную службу с дипломатической: в 1809-1812 годы он находился посланником при вестфальском дворе. В Отечественную войну князь бил французов под Клястицами, Свольной, Полоцком и Чашниками, возглавляя отдельный «летучий» отряд, он занял Берлин и преследовал противника до Эльбы. Он сражался под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. В октябре 1814 года генерал-лейтенанта Репнин принимал участие в Венском конгрессе.

Война с Наполеоном еще не закончилась, а Николая Григорьевича от имени трех союзных держав назначили генерал-губернатором Саксонии. На его попечении оказалось 50 тысяч раненых и больных, множество сирот, к тому же свирепствовали тиф и другие заразные болезни. Страна была совершенно разорена войной. На этом посту в князе проявился истинный репнинский характер: сочетание твердости и жесткости с гуманностью.

Всего год правил Саксонией Николай Григорьевич, и за это время ему удалось поднять вдвое курс местной валюты, уплатить проценты по всем государственным долгам, не прибегая к выпуску новых бумажных денег, чиновники, которые раньше получали «натурой» (фарфоровыми изде-

Фотография Сергея Волконского. Иркутск, лето 1845 года

Сергей Григорьевич Волконский отличился во многих сражениях 1812 года и заграничных походах. Был активным членом Южного общества декабристов.

лиями королевской фабрики), стали получать жалованье. Он привел в порядок разрушенные войной дома и улицы, в магазинах появились продукты.

К тому же Репнину приказали найти и изъять отпечатанные Бонапартом перед вторжением в Россию фальшивые рубли. Князь потребовал через прессу немедленно сдать фальшивые ассигнации, пригрозив отправить в Сибирь тех, кто утаит. Вскоре было предъявлено 6 миллионов фальшивых рублей, и еще один нашли при обыске у придворного банкира Фреге, получившего их от короля Фридриха-Августа. Благодаря заступничеству Репнина Фреге не наказали, князь написал императору, что «банкир поступил как верноподданный и честный человек, для которого легче пострадать за своего государя, нежели обнаружить его неблаговидный поступок».

Вернувшийся из плена король одобрил меры Репнина, но отнесся к нему недоброжелательно. В письме к Александру он язвительно просил позволения снять печати с королевской ложи, запечатанной князем.

– Ну, господин отставной король саксонский, – встретил с улыбкой князя император, – ты так напугал старика Фридриха, что он без твоего позволения не смеет даже в театр идти.

Репнина назначили военным губернатором Малороссии, где он также проявил себя гуманным и энергичным администратором. Боевой генерал способствовал развитию хозяйства и просвещения края, зачастую тратя на это свои собственные средства. Князь упорно отстаивал интересы «прежних храбрых поборников Малороссии, а ныне безгласных казаков». Он отправил в Петербург свой проект об обращении малороссийских казаков в особое военное сословие. «На страже у Днепра, – писал князь государю, – стоял бы против легковерия польского народ воинственный, и благоденствие полмиллиона подданных упрочится на долгие времена».

Николай Григорьевич мечтал о восстановлении прав малороссийских крестьян, «статутом и манифестами утвержденных», и считал своим правом ходатайствовать перед царем за «сие сословие, столь полезное

и столь обремененное». Он придавал большое значение обращению к народу.

– Нужно говорить народу языком, который ему понятен, и бумага, подписанная генерал-губернатором, произведет более впечатления на мужиков, чем указ, подписанный советником Болдыревым, секретарем Быдриным или повытчиком Докукиным.

И простолюдины полюбили своего «Репния» за прямое и сердечное отношение к ним. Николай Григорьевич был популярен среди всех классов населения края. Кто только ни обращался к нему за пособиями. Проезжие через Полтаву художники и ремесленники сбывали князю произведения, и он считал своим долгом заплатить деньги. Именно Репнину русская сцена обязана Щепкиным. Чтобы выкупить из крепостной зависимости актера, князь устроил спектакль. Необходима была баснословная сумма – 10 тысяч рублей. Ее собрать не удалось, и Репнин добавил свои 4500 рублей.

Большая Императорская цепь, знак и звезда ордена Св. Андрея Первозванного, 1795-1800 гг.

Благотворительностью прославилась и княгиня. Сопровождая супруга в военных походах, она везде устраивала лазареты. Варвара Алексеевна много сделала для развития женского образования, пожертвовав огромную сумму на устройство Елизаветинского и Павловского институтов, в Полтаве открыла женский институт.

В период правления Репнина Малороссию постиг неурожай. Сколько сил потратил князь, чтобы заготовить и раздать продовольствие населению. Он разъезжал по краю и контролировал, чтобы средства, которые он выбил в Петербурге, использовались по назначению, а не оседали в карманах чиновников. Николай I оценил деятельность князя и назначил его членом Государственного совета, но вскоре уволил его «вовсе от службы».

Участие Сергея Волконского в заговоре не отразилось на карьере князя. Не сказалось и то, что он постоянно посылал младшему брату в Сибирь деньги и продукты. Император знал, что правитель канцелярии Репнина Новиков был в числе основателей «Союза благоденствия». Но не это привело к опале, а клевета врагов. Николай Григорьевич гордился тем, что не умеет «льстить, яко царедворец», и любил повторять:

– Доброе дело никогда плечи не жмет и спать крепко не мешает.

Но оказалось, что оно мешало другим. Некоторые малороссийские «паны», недовольные отношением Репнина к крестьянскому вопросу, выставляли его перед царем революционером и сепаратистом, вторым Мазепой. Не успел князь уехать в Петербург, как недруги обвинили его в хищении казенных денег. Возбужденное дело закончится оправдательным вердиктом через много лет после смерти Репнина. Комиссия установит, что недостающая сумма была потрачена на постройку здания для полтавского института.

Последние годы Николай Григорьевич Репнин-Волконский прожил в любимой им Малороссии – в своем имении Яготин Полтавской губернии, где и скончался 6 января 1845 года. Прославленного генерала и популярного губернатора в последний путь провожало огромное количество народа. Его похоронили в Троицком монастыре близ города Прилуки.

Варвара Алексеевна пережила мужа почти на двадцать лет. Их дочь стала фрейлиной и известной писательницей. Перу княжны Варвары Николаевны принадлежат интересные воспоминания о Гоголе и Шевченко, с которыми она была дружна. ■

Евгений Шишкин

Когда-то мы были друзьями

День рождения у Валентина отмечали в ресторане: дата подоспела не совсем юбилейная, но с претензиями – тридцать пять лет от роду! Отправной, заздравный, тост – немного сумбурный, с затасканными стишатами, типа: «Желаю счастья… и чтоб житейские несчастья…» и подобную дребедень, – произнесла его жена Рита, улыбаясь, чуть краснея и расплескивая шампанское из полного бокала. Речь же «от имени и по поручению друзей» придется держать мне – другому и некому, ибо среди приглашенных я находился в единственном экземпляре. По сценарию, правда, за столиком предполагалась еще «мой лямур» Наденька, операционная медсестра из госпиталя, но не судьба: ей выпало дежурство, и именинник остался в окружении двух лиц: собственной жены и друга, то бишь меня, наверное, самого близкого и незаменимого в таких застольях.

– Желаю тебе, Валек, – говорю я и поднимаю рюмку, – чтоб и дальше у тебя все текло по-людски, не как у меня, у дурака…

Валентин посмеивается, весело щурит рыжевато-карие глаза Рита, а я продолжаю:

– Мы вышли из одной альма-матер, но пришли к разным результатам. Ты, Валек, практик, у тебя должность, подчиненные, объекты. У тебя – семья, квартира. А у меня на этих направлениях голым-голо. Сунул меня черт в научно-исследовательский! Еще и с аспирантурой связался, дурачина! Кому это в наше время нужно, когда у всех бизнес да баксы на уме! А ты, Валек, за жизнь крепко уцепился. За тебя! Ты – человек надежный!

Чайного цвета жидкость в рюмках, на которой, словно звезды, отсвечивают огни люстр, колыхнулась. Выпиваем. И горько, и сладко. Хорошо!..

В институт я определился, когда уже отслужил действительную. В армии был у меня закадычный дружок Леха Старцев, мне его никогда не забыть. В студенчестве я дружил со многими настоящими парнями, но с однокурсником Валентином контактировал нечасто. Только после института, спустя несколько лет, мы как-то столкнулись с ним на рынке радиодеталей: он любил всякие там причиндалы к средствам связи, а мне потребовалась маленькая ерундовина к магнитофону. Разговорились, повс-

поминали, обменялись номерами телефонов – с этого постепенно и стало закручиваться близкое приятельство. Встречались, время от времени выпивали, в шахматишки поигрывали в клубе … Валентин хоть и слыл человеком нелюдимым, тяжеловатого нрава, с крепкой упрямцей, но в моем обществе был компанейски-прост, щедр и великодушен. К тому же, благоверная его, Рита, тоже училась с нами в институте, правда, на параллельном потоке, и я неплохо знал ее еще в молодости.

В ресторанном зале тем временем наметилось всеобщее оживление: на низкой сцене появились музыканты. Раздались первые настроечные звуки инструментов, в центре зала погасли люстры, вспыхнуло разноцветье «танцевальных» фонарей, и все оделось в необычайные расцветки: фиолет, оранж, зеленоватая синь. Вскоре музыканты повели медленную классическую «Love story».

– Первый танец – для вас! – будто шафер на свадьбе, объявил я. – И музыка самая подходящая.

Валентин поначалу, кажется, не понял ритуального характера моего предложения. Он с немым вопросом посмотрел на меня, потом – на Риту, как бы уточняя: что, разве танцевать, да еще первый танец, обязательно? Рита молча пожала плечами, будто ответила: как хочешь.

Сидящие за столиками резво задвигали креслами, активно потянулись в центр зала, плавно сходясь парами. Валентин, вероятно, поддавшись стадному инстинкту и надежде, что в толпе его неловкость будет не отмечена, кивнул в сторону сцены и буркнул Рите:

– Пойдем.

Она улыбнулась – не столько ему, сколько мне, словно бы извиняясь за его неумение и нежелание танцевать и за его медвежистость и неуклюжесть в обращении с дамой. Потом она слегка встряхнула рыжеватыми волосами, подстриженными под каре, и пошла вслед за мужем, который забыл подать ей руку и, опять же, пропустить вперед, на танцевальную площадку. Я, между делом, обратил внимание на ее походку, прежде мне как-то не доводилось разглядывать Риту, да еще такую нарядную, как сегодня. На ней были черные чулки, бордовые замшевые туфли на высоком каблуке, темно-вишневое короткое платье с переливами. Ростом Рита была невысока, но, быть может, в этом и есть изюминка: маленькая, привлекательная фигурка! Хотя стоит ли заглядываться? Жена друга – это жена друга, и только!

Танцор из Валентина – никудышный, не танцор, а топтун, как, впрочем, из всякого обыкновенного мужика, всецело занятого службой, уже грузноватого, с брюшком, флегматически настроенного к моде и галантным манерам. Танец их был как неизбежность – Валентин двигался молча и сосредоточенно, лицо выглядело напряженным, будто он боялся отдавить кому-нибудь ногу или зацепить локтем соседнюю пару. Рита иногда поглядывала в мою сторону, а затем со снисходительной улыбкой – на своего мужа, и как бы говорила: «Ну, что с него возьмешь…»

«История любви» кончилась. Валентин торопливо сел к столу, забыв придвинуть кресло своей даме. Он, правда, никогда не баловал Риту обходительностью: то ли по складу был таков, то ли что-то у них не клеилось. Я и прежде натыкался на приметы некоторого его безразличия к семейному очагу: бывало, засидишься где-нибудь с ним «на стороне», спросишь: «Дома-то ждут?» – а он вяло махнет рукой: «Подождут», – и никуда не торопится.

– Давайте-ка лучше выпьем. Дрыгаться я не умею, не любитель. – И Валентин потянулся к бутылке. – За вас!

Он улыбнулся, кивнул и выпил первым. Следом выпила Рита и, как мне показалось, – с настроением. Да и я, грешным делом, поддержал их с удовольствием. А потом улыбнулся:

– Что ни говорите, а, запустив по свету увеселительные заведения с выпивкой и танцами, – а в выпивке есть сладкий яд безрассудства, а в танце – затянутая пружина страсти,

– Искуситель проявил уникальную изощренность. Он, как и Созидатель, гениален!

Рита, слушая мою болтовню, не без любопытства поглядывала на танцующих и, похоже, чуточку завидовала им. Но мужа-именинника по поводу танцев не доставала.

– Можно вашу даму? – Я обратился к Валентину, чувствуя, как Рите хочется танцевать.

Валентин словно того и ждал, обрадованно усмехнулся:

– Да конечно же, можно! Мне и без танцулек жарко. – И помахал на себя салфеткой.

А в зале, под сводами зеркального потолка, поплыла лирическая щемящая душу песня, под такую песню, когда внутри благостный градус, пробуждается светлая грусть, тихое томление, приходит мечта о неимоверной любви, которой никогда не суждено сбыться.

Мы с Ритой пошли танцевать. Она – чуть впереди, я – следом за ней, невольно оглядывая ее со стороны. Грудь, талия, каблуки, чулки… Все-таки как меняет женщину макияж и наряд!

Мы были знакомы много лет, но танцевать с Ритой приходилось только на студенческих вечерах, давно, и не прижавшись. Теперь же, здесь, я совсем по-иному ощутил упругую фактуру тела, большую грудь, вдыхал аромат ее духов, деликатный, не приторный, тонкий, не убивающий естественный запах ее кожи, ее волос.

Рита взглянула на меня снизу вверх, таинственно и благодарно, и теснее прижалась ко мне. Я с опаской поглядел в сторону именинника: не подумал бы чего дурного, – и постарался поглубже затесаться в толпу танцующих, поближе к сцене, подальше от глаз Валентина. А Рита, податливая, доверительно-опьяненная, будто растворилась в музыке, в танце, во мне… В голове у меня забродили шальные мысли – стало даже неловко перед самим собой.

И я вспомнил школу, вечера в восьмом классе… Я очень любил танцевать с одной девушкой, Тоней. Кстати, и она всегда выбирала меня, когда объявляли «белый танец». Голубоглазая, светленькая, с кудряшками, полненькая, обольстительная не столько хорошеньким личиком, сколько развитыми, женственными формами. Я любил танцевать с ней, потому что в танце она сильно прижималась ко мне. А уж как за нами следили учителя! Как наводили на нас свои осудительные «монокли»! Особенно выходила из себя наша завуч, стервозная старая дева. Даже вызывала нас на воспитательные беседы… Ну, тогда-то – в четырнадцатилетней юности – ладно: смазливая глупышка-девочка прижималась ко мне – и отлично, и приятно, и здорово! А тут я чувствовал слишком откровенно близость чужой жены, и не просто чужой, а жены друга.

Вот и последний аккорд песни. Танцующие остановились, признательно похлопали и стали медленно расходиться. Я улыбнулся, мягко отстраняясь от партнерши, и вежливо поблагодарил за танец.

– Это тебе спасибо, – вкрадчивым голосом ответила Рита.

Валентин, развалившись, сидел в кресле, курил, от нечего делать вертел в руках зажигалку и посматривал по сторонам – вальяжный, раскрасневшийся от выпитого и немного обманутый… Он ничего, надо полагать, не заметил, но мне было перед ним стыдно, и я избегал встречи: глаза в глаза. А Рита – как ни в чем не бывало.

– Не опускай так низко узел, – посоветовала она Валентину и хотела поправить на нем галстук. Но Валентин отбрыкнулся, что-то пробурчал.

Наблюдая за ними, я улавливал, угадывал, что между ними не все гладко: то ли обоюдная застарелая обида, то ли… Да ведь сколько семей, столько и драм! Со слов общих знакомых (сам Валентин на информацию о семейной жизни крайне скуп) я все же знал, что был у них раздор: Рита в начале замужества родила дочку, однако Валентин дочку не очень признал – ждал сына, продолжателя рода, мужика, и видно, хотел, чтобы сразу за дочкой Рита родила ему сына, но она или решила повременить, или… Словом, тут имелся конфликт, скрытый в паутине деталей и обстоятельств. Очевидно, было и другое: время от времени они друг на друга дулись, пофыркивали и даже хотели развестись. Да кто

из супружеских пар не хотел этого?! У кого все гладко складывалось? Взять хотя бы моих «предков» – у них случались моменты, когда они друг друга терпеть не могли: двери ходуном ходили при скандалах, посуда – вдребезги. Но это – разговор особый… Имелась и другая молва-версия, объясняющая супружеское поведение Валентина и Риты. Покойный отец Риты был крупным влиятельным чиновником, и поговаривали, будто Валентин полюбил Риту с перспективой собственной карьеры, а теперь, когда тесть унес с собой в могилу и свой оглушающий авторитет, любви к его дочке со стороны зятя поубыло. Но все это – слухи…

Вернемся, однако, в ресторан. Официант принес горячее, и Рита весело угощала Валентина.

– Сам возьму. Чего ты? Не безрукий, – отнекивался он.

– Кушай, кушай, дорогой! Могу я за тобой поухаживать в день твоего варенья? – приговаривала она и нежненько, держа большим и указательным пальцем, подносила к его губам жирную маслину.

И все же не заметная посторонним, зыбкая, эфемерная связь между мной и Ритой установилась: откидываясь немного назад, она мило щурила свои рыжеватые глаза и по-глядывала на меня с кокетливой улыбкой. «Лишь бы она не окосела, – думал я, прикидывая, сколько она выпила. – А то повиснет на мне в танце». Ведь это такие провокационные вещи: вино и музыка! Иди потом оправдывайся перед Валентином за Ритины провалы. Нет, танцев с прижималками на сегодня с ней достаточно! Да и мне за себя спокойнее… Теперь-то я не мог отрицать, что она мне нравится, что она меня чем-то подкупила, задела. «Стоп, парень! – сказал я себе, понимая, что меня заносит. – Ты, пожалуй, больше не пей! Жена друга – это только жена друга! Как там где-то написано: если хочешь украсть – отруби себе руку. А мне в таком случае… Нет, рубить пока ничего не будем, главное – с катушек бы не сойти». А все-таки было в ней сейчас что-то дьявольски приманчивое!

И надо же тому случиться! Музыканты, вернувшись после антракта, по просьбе какой-то Лары, объявили: «…Дамы ангажируют кавалеров! Белый танец».

– Что, именинничек, пойдем? – игриво спросила Рита у Валентина.

Валентин кисло сморщился.

– Так ведь танцевали уже. Я бы лучше шампанского выпил.

– Ну, и сиди! У меня есть с кем танцевать. Можно вас? – Она улыбнулась мне, в глазах ее заискрились озорные огоньки, словно между нами произошло что-то такое…

– Вот-вот! С ним и развлекайся! – усмехнувшись, поддержал Валентин. – У него лучше выходит. Он, я знаю, даже вальсировать умеет. А я пойду вниз. Мне пора освежиться…

Наш столик опустел: Валентин вышел покурить, а мы прошли на танцевальную площадку, Рита держала меня под руку, я задевал нечаянно ее бедро…

После танца я вернулся в смятенных чувствах и в губной помаде – след от нее остался на плече, на белоснежной ткани моей рубашки.

Я придвинул кресло Рите, как полагается джентльмену после танца, и хотел пойти вниз, замыть следы помады, но Рита поймала мою руку, потянула меня к себе и прошептала:

– Завтра в двенадцать. Он точно весь день пробудет в Песчаном. Ты придешь? – Она говорила совершенно трезво, с умоляющей настойчивостью. – Ты придешь?

В этот момент я даже не заметил, а почувствовал появление Валентина. Меня словно током проняло: неужели он видел, как она держала мою руку? Неужели заметил следы помады на моем плече? Неужели разгадал предстоящую измену своей жены?

Остаток вечера прошел у нас, однако, пристойно, без сенсаций. Рита никаких поползновений не предпринимала, сидела задумчивая, почти не говорила и почти не пила. Я пил, но не пьянел, а просто тупел от застольной усталости и рассеянно слушал Валентина, который под конец вечера разговорился, шутил и беззаботно посмеивался. Когда мы встречались с ним взглядом, я испытывал сожаление и неудобство: на моем плече «горело» влажное пятно от замытых преступных следов губной помады.

Расставались на парковой аллее, под фонарем.

– Позвони завтра вечером, попозже. Я из Песчаного рано не выберусь, – сказал Валентин, подавая мне руку.

Я ему пообещал, а Рите кивнул головой – на прощание. Она тоже кивнула – без всяких внятных намеков, но, быть может, с тонким подтекстом чего-то… При свете фонаря губы у нее приняли фиолетовый оттенок, а русалочье платье переливалось синими «чешуйками».

Они уходили по аллее, а я свернул на тропинку, поглядывая им вслед: сквозь неподвижные кудри деревьев, фиолетово-сине-зеленые от фонарей, видел мимолетно то платье, то волосы Риты, то широкие угрюмые плечи Валентина.

О чем это она говорила в танце? Ах, да: «Он никого не любит, кроме себя… Он никогда никого не прощает… Да если бы не мой отец, он бы… (дальше я не расслышал)». Это она про Валентина. Ух ты! Еще бы вам и прощать! Знал бы он, что ты назначаешь мне свидание в день его юбилея! Подарочек… А про меня чего она там плела? Впрочем, голос у нее был трогательный, и глаза даже будто прослезились: «С тобой легко. Ты все-все понимаешь… Когда ты уезжал в аспирантуру, я тебя ждала… Я давно тебе хотела сказать, что ты… (тут я опять не расслышал из-за музыки)… Приходи ко мне завтра. В двенадцать. Позвони перед этим. Я буду очень ждать. Очень…» Потом она сильно прижалась ко мне и в каком-то забытье прикоснулась губами к моему плечу. Такая искренность может быть сиюминутным всплеском увлеченности, но не притворством… Словно наваждение какое-то.

Все же здорово я накачался! Брел домой усталой походкой. А в голове крутилась фраза, которая пригодилась бы для концовки какого-нибудь дурацкого рассказа: «Из ресторана она возвращалась неверной женой…»

Утром следующего дня я действительно убедился, сколь могучи, неодолимы, заразительны тайные желания чувственных искушений. Миллионы мужчин, сотни миллионов мужчин каждый день, каждый час, каждую минуту сгорают от изнурительной мечты по женщине, изнемогают от представлений о ее обладании!

Прошлым вечером, укладываясь спать, я уже туго соображал, и все излияния Риты посчитал ерундой, а собственные расчеты на нее – пьяными бреднями. Утром, мол, отрезвею, просплюсь, и все схлынет, как ночная галлюцинация. Но настало утро, и все сконцентрировалось в одной точке нестерпимого желания.

В начале двенадцатого я не утерпел – позвонил Рите. Благородная надежда таилась во мне: вдруг она заговорит бесстрастным, чисто дружеским голосом, тогда все, что произошло накануне, утратит смысл, и мы будем избавлены: Валентин – от измены жены, я – от предательства, Рита – от позора, ибо неверная жена – это позор лишь отчасти для мужа, в первую очередь – для самой жены.

Пошел зуммер, трубку вскоре сняли, там что-то загудело, коротко щелкнуло: аппарат, конечно, с определителем номера, Валентин любит всякие телефонные прибамбасы…

– Алло, – раздался в трубке негромкий знакомый голос.

– Але. Это я… – говорю с придыханием.

– Все в порядке. Я позвонила ему на работу – он уехал в Песчаное, – сообщает мне завораживающий голос. – Жду. Не задерживайся… Да, вот еще что… Можно, я тебя попрошу?

– О чем? – насторожился я.

– У меня есть бутылка марочного вина. По дороге купи чего-нибудь сладенького.

– Хорошо, куплю, – ответил я и как-то воровато положил трубку.

«Сладенького… Как это по-свойски! Да она уже вся готовенькая! В общем, она уже – моя!» – поздравил я себя с близкой донжуанской победой, и тут же захотелось вымате-

риться и смачно плюнуть от досады! Я представил, что все вещи Валентина в его доме будут укоризненно взирать на меня с Ритой… О! Если бы она была женой незнакомца, а лучше – недруга! Но ведь она – жена близкого друга!

«…Сладенького», – неумолимо распалял меня ее голос. Сладенького… Ну, немножко сладенького… Ну, чуть-чуть… Сладенького… Никто же не узнает…

Без четверти двенадцать я мигом собрался и порывисто вышел из квартиры. Приду как раз вовремя. Не опоздаю. Шоколад куплю по дороге, в булочной. Будь что будет! Зов страсти сильнее разума! Так было всегда – так будет всегда! Гореть мне в геенне огненной!

В подъезде, на площадке первого этажа, я, однако, остановился и позвонил в одну из квартир. Сосед мой – пожилой пьющий мужичок с морщинистым смуглым лицом и добрым утиным носом, в котором росли седые волосы. Звали его все по отчеству – Кириллыч, но я звал искаженно, по-своему: Кирялыч. «От самоубийству, от сумасшествию, от бессонницы лучшее лекарство – стакан», – говорил он мне однажды. Сосед оказался дома, открыл дверь и посмотрел на меня выжидательно.

– Послушай, Кирялыч, выпить найдется?

Он сперва замешкался, но потом бодро отрапортовал:

– Есть настойка на муравьином спирту!

– Хоть на соляной кислоте, – нетерпеливо проговорил я.

Кирялыч польщенно улыбнулся, и его ноздри стали еще добрее и шире.

…В нашем отделении Академии наук, где я учился в аспирантуре, работала уборщицей преинтереснейшая бабенка, тетя Шура, с провинциальной родословной и деревенским диалектом, прямолинейно-открытая в суждениях о своем супруге и обо всех мужчинах в целом. «Весь мужиковский род – кобели! – говаривала она, гоняя по полу швабру. – Среди их токо пьяницы бывают верными. Вот мой – пить пьет, рюмку мимо себя не пропущает, но чтоб гульнуть – ни в жись. Он терезовый баб побаивается, а пьяный совсем по этой части немоглый. Я за него спокойнешенька…»

Вспомнив суждения тети Шуры, я сказал Кирялычу:

– Ты, Кирялыч, обязан меня накачать так, чтоб я бабу хотел всей душой, но не смог…

Кирялыч сперва призадумался, видать, соображал, какова потребуется степень накачки и какими мензурами, затем догадливо усмехнулся, достал литровую бутылку с малиновой жидкостью и под завязку наполнил граненый стакан.

После двух приемом граненых «спасителей» я посмотрел на часы: время убийственно утекало. Нет, еще не все потеряно! Успею! Еще успею и все смогу!

– Погоди, – ласково остановил меня Кирялыч, – на посошок. Еще по одной…

– Какая крепкая, – коробился я от сивухи. – Чем ты ее заправляешь?

– На чистом муравьином спирту, – утверждал Кирялыч. – Да ты посиди. Сейчас огурчиком закусишь и пойдешь.

…Проснулся я с дикой болью в голове. Никак не мог понять: кто я? где я? зачем я?.. Да я же у Валентина! Ведь к Рите собирался. Господи! Мне хотелось свернуться в кокон, самоуничтожиться, чтобы не знать, чего я натворил по пьяной лавочке. А откуда Кирялыч-то здесь взялся? Зачем я это старое чучело к Рите-то притащил?.. Э-э, оказывается – нет, не у Риты, а у Кирялыча я и отрубился. Продрал глаза, потряс чугунной своей головой, стал припоминать подробности. А Кирялыч, как услужливый денщик, уже стоял надо мной, и с посудиной.

– Давно жду, когда проснешься. Опохмелишься? – заботливо спросил он и поднес к моему носу стакан с прежним пойлом.

– Убирай! Убирай! Видеть не могу! – замахал я руками на своего «избавителя».

Дома, после вопроса: «Ты где так надрался, как извозчик?» – мать доложила мне, что несколько раз звонила жена Валентина. «Ритой ее звать, да?» «Да». «Просила, как появишься, позвонить. И сама еще хотела…» «Ладно, ясно, позвоню».

В скором времени Рита действительно позвонила. Я что-то пробурчал в свое оправдание, она разочарованно хмыкнула и сказала с чувством: «А я тебя так ждала!..»

Лишь спустя неделю, по служебному телефону, дабы не нарываться на Риту, я созвонился с Валентином, но говорить нам оказалось, в общем-то, не о чем. Я соврал, что прихворнул и отлеживался последние дни, он сказал, что увяз в штурмовщине сдачи объекта в Песчаном, и весь наш дежурный диалог окончился вежливым словоблудием. Осталось в душе чувство неловкости и жалости к Валентину. Крутит ему Ритка мозги, и меня чуть было не зацепила. Ну, и что, что я ей нравлюсь? Мало ли кто кому нравится? Ты мужняя жена – лицо и честь семьи! Хотя однажды я где-то вычитал, что есть женщины-жены, которые, пройдя однажды через любовника, всю последующую жизнь законному мужу останутся преданны и будут довольствоваться тем, что когда-то имели амурное приключеньице, – это – как сокровенная остренькая приправа к постноватой замужней судьбе. И тем не менее Рита представлялась теперь мне в неприглядно-мутных тонах. «Все же стервы они!.. – в сердцах возмущался я и наставлял себя на путь истинный. – Повремени-ка ты, парень, о женитьбе думать. Успеешь еще рога примерить».

А кипящая взбалмошная страсть к Рите во мне быстро выкипела: то ли муравьиный суррогат Кирялыча подействовал, то ли любвеобильное свидание с безотказной подругой моей Наденькой, то ли утешение собственной совести: слава Богу, другу не нагадил. Даже неудовлетворенное щепетильное честолюбие соблазнителя не сказалось.

Впоследствии мысли о возможной «любови» с чужой женой меня и вовсе покинули: готовился к предзащите диссертации, встречался с консультантами, рецензентами, ездил в Академию наук – и ни разу не состыковался с Валентином, да и он почему-то не давал о себе знать. Но тогдашняя история с Ритой все же имела продолжение, или, точнее сказать, – развязку.

Как-то, уже по осени, вечером я встретил на улице Валентина. Смеркалось, шел мелкий холодный дождь – промозгло, сыро, и хотелось выпить чего-нибудь для сугреву в теплом уютном углу. Валентин был уже «поддатый», но с явным намерением «еще».

– Сдали сегодня объект. Комиссия подписала, – сказал он, оглядываясь по сторонам: так мужики при встрече исследуют местность, наличие поблизости либо винного магазина, либо питейной забегаловки, где можно притулиться. – Пойдем в ресторан. Деньги у меня есть. Там посидим как люди.

Скоро мы оказались в том самом ресторане, где не так давно отмечали «Валентинов день». Устроились в сторонке, подальше от музыки: нам не танцевать, с женщинами не кадриться.

Выпили, закусили. Еще выпили, еще закусили. Вперемежку с квелым, случайным разговором. Однако в атмосфере встречи постепенно зрело какое-то объяснение, какая-то общая недомолвка требовала разрешения и итога.

Валентин заметно опьянел: хмельная медлительность, осовелый взгляд, наметившийся двойной подбородок кажется увесистее, галстук сполз вниз. «А по темпераменту, – мимоходом подумал я, – Рита, должно быть, на порядок его выше. Он для нее тучноват, может, поэтому…»

К нам подошел официант, убрал опустевший салатник и графин из-под водки.

– Еще двести грамм принеси, – заказал Валентин.

Официант сдержанно кивнул головой.

– Может, не надо? – негромко спросил я Валентина, опасаясь, как бы его не развезло.

– Надо, – твердо проговорил Валентин.

Музыканты гнали знакомый репертуар, танцующую толпу оплескивали радужные лучи прожекторов.

– Танцульки, – произнес Валентин с пьяной нехорошей ухмылкой. – Ты ведь любишь танцульки…

– О чем ты? – резко спросил я, улавливая в его голосе издевательские нотки.

– Ты и сам знаешь. – Он смотрел мне в глаза прямо и жестоко. – Я видел, как вы с Риткой танцевали. Она к тебе жалась, а ты и рад…

Кровь бросилась мне в лицо, я проклял себя за те «липучие» танцы, но и успел порадоваться, что Валентин не знает о намечавшемся свидании с Ритой. В оправдание я хотел объяснить, что нелепый наплыв сентиментальности простителен, что музыка и вино…

– Не выкручивайся. Сволочь ты! – с пожирающей улыбкой опередил меня Валентин. – Я надеялся, ты у меня Ритку уведешь. Чего ты с ней не переспал?

Что натянулось между нами туже струны, что-то зависло над нами тяжелее предательства? Я ждал и молчал. Валентин ткнул вилкой в тарелку, ничего там не подцепил, отложил вилку и громко вздохнул – вроде как для разрядки.

– Мне давно хотелось от нее уйти. Веского повода не было. А тут хоть причина была бы основательная: застукал с кем-то… А без причины разводиться неприлично да и както лень. – Он помолчал, а затем, глядя на меня, как на букашку, которую поймал и уничтожит, но сперва издевательски разглядит, усмехнулся: – Помаду на плече ты плохо затер. Заметно было.

Я машинально взглянул на свое плечо, будто след все еще оставался. Нет, следов, разумеется, не было, но ожог Ритиных губ ощущался…

– Почему она сама от тебя не уйдет? Разве не понимает? – спросил я.

– Она, что, дура? Начальник-папа умер. Поживи-ка сейчас одна с ребенком. С любыми алиментами – тяжко… За таких, как я, держатся. Я в семью деньги приношу, с бабами не путаюсь и выпиваю только по праздникам. – Валентин обернулся к танцующим. – Сладенького ей захотелось! – И засмеялся, громко и пьяно.

Я молчал, и мне все сильнее хотелось стиснуть кулаки.

– Не удивляйся. Я в последнее время ее телефонные разговоры на магнитофон записываю, – наконец объяснил он примирительным тоном. – Она не догадывается. И ты, видишь, не догадался. Э-эх! – усмехнулся Валентин, все больше переходя на компанейский лад. – Не дал ты Ритке чувства проявить. Она возле тебя всегда неровно дышала… Все же, гад ты! Мог бы и услужить товарищу – освободить меня от нее… Ну, давай еще по одной. На дорожку.

Он поднял рюмку, и я автоматически поднял свою.

На улице по-прежнему нудил дождь. Свечение фонарей от дождевой ряби казалось неустойчивым, болезненным, чахлым. Идти было не так далеко, но по такой погоде – противно. Поблизости от ресторана – метро, но мне туда не хотелось. Не хотелось при ярком откровенном свете видеть, слушать и отвечать Валентину, к которому появились какие-то новые смешанные чувства.

– Давай такси остановим, – предложил я.

– На метро доберемся – не баре, – ответил он.

Спорить с ним – себе в убыток: когда он пьян, своротить его почти невозможно. Мы пошли к тоннелю.

В метро было светло и пустынно. На работе Валентин пользовался служебной машиной, но у него всегда имелся и служебный проездной на все виды транспорта. Он прямиком направился к проходу возле дежурной по станции. Я пересек небольшой холл, чтобы купить в кассе жетон.

И откуда они взялись, эти два омоновца в пятнистой униформе с дубинами на поясах! Я стоял у окошечка, в котором кассирша пересчитывала выручку и просила минуточку подождать. Когда я оглянулся на Валентина, они, эти двое охранников, уже придержи-

вали его под руки и направляли в служебку, над которой красными буквами на плафоне было написано: «Милиция». «Сейчас вызовут «вытрезвиловку» и сдадут», – пронеслось у меня в голове.

– Один жетон! Ну, побыстрей, пожалуйста! – нетерпеливо выкрикнул я кассирше.

…В армии (я об этом упоминал) у меня был друг, настоящий кореш, Леха Старцев. Мы с ним в одно время в часть пришли, вместе «зелеными» на своем горбу ротную дедовщину испытали, вместе – по нарядам, караулам, вместе на учения мотались, в самоволку деру давали, порой из одного котелка ели, под одной плащ-палаткой спали, – и на дембель вместе, в один день, пошли. Позади остался контрольно-пропускной пункт части, впереди – гражданка. Вышли мы оба на вольную жизнь начищенные, наглаженные, шинели начесанные, с дембельскими чемоданами, шапки – на затылках. И первым делом в винную лавку: до поезда время позволяло. Даже очень время позволяло, и мы себе очень позволили. Вермут пили, белый, португальский, его тогда по всей стране завезли.

Идем мы с Лехой в обнимку, оба пьяные, армейскую песню горланим: «Дембеля, дембеля, все пропив до рубля…» Словом, море по колено, душа на седьмом небе, к тому же поезд на родину через полчаса. Вон уже вокзал, только дорогу перейти. Мы как раз мимо телеграфа проходили, и неожиданно пришла мне в голову нелепая идея. «Подожди меня, – говорю Лехе, – покури тут, а я телеграмму домой напишу: «Встречайте с оркестром!» Для хохмы…» Я свалил на телеграф, Леху одного оставил. Выхожу с телеграфа – Лехи нет. Я – туда, я – сюда. Нет. Как в воду канул. И тут увидел женщину, торговавшую семечками. Спрашиваю: «Не видела ли, бабуля, солдат здесь стоял, куда он пошел?». «Так его ж, сынок, военные забрали. С повязками. «Патруль» написано». «Эх ма! – выругался я. – Патруль чертов! Значит, «губа» Лехе. Вот тебе и дембель!» А ведь поезд уж под парами!

Начальство в местной комендатуре было шибко принципиальное: дембель не дембель – плевать, заполучи пять суток «губы», чтобы знал и помнил. Дернуло же меня с этой телеграммой! Вдвоем-то с Лехой, в четыре глаза, мы бы вовремя засекли «повязочников», не дались бы. Поезд стоит. Билет в кармане. Ехать надо. И телеграмма уже домой отправлена – ждать будут. Если уеду, Леха вряд ли обидится: я ведь его не подставлял. Но нет. Конечно же, нет! Леха – друг. Понимаете, Друг! Я сам пошел в комендатуру и сдался. За компанию. На «губу». Увидел там Леху, обнялись с ним, даже прослезились…

… – Сейчас, сейчас, молодой человек, – засуетилась кассирша, положила мне жетон и сдачу, но потом забрала сдачу, пересчитала, поменяла надорванную сомнительную купюру.

Наконец я сгреб деньги и жетон и опять стал пересекать светлый пустой холл по направлению к служебке под красными буквами, в которой недавно за пятнистыми спинами омоновцев скрылся Валентин. По пути я концентрировал силы, нагонял на себя трезвый вид, необходимый в таких случаях для объяснения с властями. Но чем ближе я подходил к милицейскому пункту, тем медленнее становились мои шаги. И это был не страх, не боязнь каких-то последствий: штрафов, разборок, возможных и неизбежных неприятностей. Это было что-то другое.

Я остановился и посмотрел в сторону эскалатора. Темные ступени, неисчислимые и беспрестанные, мерно утекали из-под железных зубцов приступка, движущиеся перила черными ручьями сопровождали их. В стойку прохода я опустил жетон, прошел на зеленую вспыхнувшую стрелку. Вскоре эти бесконечные ступени эскалатора уже увозили меня. Они увозили меня туда – вниз. Увозили, не скорбя и не сожалея, и оправдывая все человеческие поступки на этой Земле. ■

Иллюстрация Льва Рябинина

Джон Макдональд

Пуля *для Золушки*

1

Дождь лил не переставая. Днем вести машину было легко, но в сумерках стало трудно видеть дорогу. Дождь оказался настолько сильным, что не пропускал свет фар. Судя по спидометру, Хиллстон был уже недалеко. Когда впереди показалась вывеска мотеля, я подъехал к конторке. Женщина с блестящими холодными глазами и резкими птичьими движениями дала мне номер подальше от шоссе и сказала, что до Хиллстона всего четыре мили.

Комната мне сразу понравилась. Здесь вполне можно жить все время, пока буду заниматься в Хиллстоне делом. Я вытянулся на кровати и пожалел, что записал в журнал регистрации свою настоящую фамилию. Хотя, чего я беспокоюсь? Если удастся найти деньги, никто не догадается, что они у меня. Когда дождь немного стих, я нашел недалеко от дороги ресторанчик. Девушка за стойкой объяснила, где можно достать выпивку. Мне показалось, что она не прочь распить со мной бутылку, но, хотя девчонка и была недурна собой, женское общество сейчас меня не интересовало. Я хотел вернуться к себе, выпить и составить план действий.

Может, вы видели фотографии в газетах, когда в Корее происходил обмен военнопленными? Так вот, я как раз оказался одним из них. К тому времени мой желудок отказался переваривать те помои, которыми нас кормили в лагере, и я похудел до 93 фунтов. Еще бы неделя, и меня бы, как и многих, закопали за рекой. Я настолько ослаб, что начались провалы в памяти. После освобождения пришлось долго валяться в военном госпитале, где меня кормили через трубочку.

Там я вспоминал о Тимми Уордене из Хиллстона. Когда меня допрашивали парни из разведки, я рассказал о его смерти, но промолчал о его последних словах.

Мы вместе попали в плен во время боя около резервуара. До этого я почти не знал Уордена, потому что мы служили в разных взводах. Зато в лагере мы почти все время проводили вместе. О жизни в плену не хочется рассказывать. Об этом уже достаточно написано. Это были страшные дни.

В лагере для военнопленных Тимми Уорден жил одной мыслью – выжить. Конечно, все хотели вырваться из этого ада, но Тимми, казалось, совсем на этом помешался. Он постоянно твердил, что просто обязан вернуться домой.

Ночью, накануне смерти, он мне все рассказал. Он лежал в палатке и лихорадочно шептал.

– Тал, я должен вернуться и провернуть одно дельце. Каждый раз, когда о нем думаю, меня мучает совесть. Я считал себя умным, мне казалось, что я добился всего, чего хотел, но я ошибался. Может, сейчас я просто повзрослел? Мне необходимо закончить это дело.

– Какое дело?

– Я добился того, чего хотел, но сейчас не могу этим воспользоваться. Я увлекся одной женщиной. Ее тоже добился, но и от нее мне сейчас нет никакой пользы.

– Что-то я не очень тебя понимаю, Тимми.

И тогда Уорден мне все рассказал. Он работал у своего старшего брата, который взял Тимми партнером. У них получился неплохой союз – Джордж оказался хорошим бизнесменом, а Тимми – бухгалтером. Дело братьев процветало. Им принадлежали хозяйственный магазин, лесной склад и несколько грузовиков.

Еще у Джорджа была красивая, наглая и недовольная мужем молодая жена по имени Элоиза.

– Я с ней совсем не заигрывал. Честное слово! Все произошло совсем неожиданно. Она была женой моего брата, и я знал, что это плохо, но остановиться не мог. Мы занимались всем этим за его спиной. Наверное, я знал, какая она дрянь, но Джордж считал ее самой лучшей женщиной на свете. Элоиза уговаривала меня бежать, Тал. Она сказала, что для этого нам нужны деньги. Так я начал воровать.

Тимми объяснил, как воровал, но я ничего не понял. Он занимался финансами и вел бухгалтерские книги. Понемногу брал везде и всегда наличными. Еще сказал, что за два года украл почти шестьдесят тысяч долларов, и ни одна ревизия не могла обнаружить воровства.

– Я не мог отнести эти деньги в банк, поэтому складывал их в большие стеклянные банки. Наполнял банки долларами и закапывал. Джорджа беспокоило, что наши доходы падают, и мне приходилось постоянно врать. Элоиза наглела с каждым днем, и я очень боялся, что Джордж обо всем догадается. Она меня, наверное, загипнотизировала. В конце концов, мы назначили день побега, но меня неожиданно призвали в армию.

Я не мог открутиться от призыва и сказал Элоизе, что придется немного подождать. Теперь застрял в этом вонючем лагере. И сейчас мне не нужна Элоиза. Я хочу вернуться, отдать Джорджу деньги и все рассказать. Здесь у меня было много времени обо всем подумать.

– Откуда ты знаешь, что она не уехала с деньгами?

– Я не сказал ей, где они. Они лежат в тайнике, и никто не сумеет найти их.

Исповедь Тимми Уордена заставила меня задуматься. Тимми слабел с каждой минутой. К тому времени мы научились точно определять, сколько протянет тот или иной умирающий. И я знал, что Тимми не выйдет из лагеря живым. Он начал бредить, и, хотя я жадно ловил каждое слово, пытаясь выяснить, где он спрятал деньги, Тимми так и не сказал, где зарыл их. Лишь один раз у него наступило минутное просветление, и он схватил меня за руку.

– Я не выживу, Тал.

– Выживешь.

– Нет. Ты вернешься и найдешь деньги. Отдай их Джорджу и все ему расскажи.

– Конечно. Где они зарыты?

– Синди должна знать!.. – Неожиданно Тимми Уорден захохотал, как сумасшедший. – Синди должна знать...

Больше я от него ничего не добился. У меня хватило сил, чтобы выкопать Тимми могилу и похоронить его.

В госпитале я много думал о шестидесяти тысячах долларов. Часто представлял, как выкопаю банки, очищу от земли, увижу доллары. Эти мечты помогали коротать время.

Наконец, меня выписали. Мысли о деньгах отошли на второй план, и я лишь изредка вспоминал о них. Я вернулся на прежнюю работу, но после всего пережитого она казалась

мне скучной. Мне не сиделось на месте. Вроде бы у меня было все: и работа, и Шарлотта, девушка, на которой до войны собирался жениться, но сейчас мне этого было мало.

Наконец, две недели назад, меня выгнали с работы, но я никого не винил – слишком сильно уж разленился. Когда сообщил Шарлотте, что уеду на некоторое время, она расплакалась, но ее слезы меня абсолютно не тронули. После лагеря и госпиталя она казалась мне далекой, почти чужой. Я сказал, что еще не знаю, куда отправлюсь, хотя твердо собирался ехать в Хиллстон за деньгами, которые поможет найти неведомая Синди.

Я начал свое путешествие, не слишком веря в удачу. Мне казалось, что я ищу больше, чем шестьдесят тысяч долларов, что отправляюсь на поиски смысла жизни. В моем бумажнике лежала тысяча долларов в туристских чеках, а в багажнике – все вещи, поместившиеся в два чемодана.

Следующим утром, в четверг, чистый и омытый ночным дождем Хиллстон сверкал в лучах апрельского солнца. Тимми Уорден часто рассказывал о своем родном городе.

– Это даже не город, Тал, а городок. Очень славный. Все знают друг друга.

Увидев на Делавэр-стрит, главной улице городка, авторемонтную мастерскую, я свернул к ней. Ко мне вышел мужчина в комбинезоне.

– Нужна профилактика. Двигатель что-то время от времени глохнет. Не мешало бы еще смазать и заменить масло.

Он посмотрел на часы.

– Часов до трех подождете?

– Подожду.

– У вас, я смотрю, калифорнийские номера. Проездом?

– У меня отпуск. Я остановился в Хиллстоне, потому что знал одного парня отсюда, Тимми Уордена.

Слесарь, долговязый мужчина с преждевременно поседевшими волосами и плохими зубами, достал из нагрудного кармана комбинезона сигарету.

– Знали Тимми, да? Из ваших слов я понял, что он мертв.

– Да. Я присутствовал при его смерти. Он часто рассказывал о Хиллстоне и брате Джордже. Я подумал, что надо бы заехать и рассказать Джорджу о брате.

Мужчина сплюнул на пол гаража.

– Джордж, наверное, уже знает.

– Откуда?

– К нам приезжал один парень из вашего лагеря. Он, кстати, до сих пор в Хиллстоне, уже, пожалуй, с год. Зовут Эрл Фицмартин. Он работает у Джорджа на лесном складе. Вы, должно быть, знаете его?

Да, я знал его. Однажды холодной ночью шестеро военнопленных торжественно поклялись, что, если нас освободят, мы найдем Фицмартина и убьем. Я думал, что забыл об этой клятве, но сейчас опять вспомнил о ней.

В лагере все понимали, что, лишь держась вместе, мы увеличиваем свои шансы на выживание. Мы выбирали комитеты, распределяли обязанности, чем-то занимались. Фицмартин, намного сильнее всех остальных, отказался участвовать в этих, по его мнению, детских забавах. Он принадлежал к людям-одиночкам, был хитер и не тратил силы напрасно. Он никого не подпускал к себе и с ледяным презрением смотрел на нас. Он жил вместе со мной и Тимми в двенадцатиместной палатке. Мы нуждались в нем, но он каждый день доказывал, что мы ему не нужны. К моменту обмена пленными Фицмартин похудел фунтов на двадцать, но сохранил силы, хотя многие из нас умерли. Да, я знал его.

– Я бы хотел повидаться с ним, – сказал я. – Лесной склад далеко?

Склад находился к северу от города. Я переехал на автобусе через мост и с полмили шел мимо свалок и сдающихся внаем покосившихся домиков. В голове вертелся один вопрос – зачем Фиц приехал в Хиллстон? Он не мог знать о деньгах. Но я хорошо помнил его хитрость, умение все замечать и держать в тайне.

Лесной склад занимал огромную территорию. Рядом с дорогой находилась контора, из длинного сарая доносился вой пилы. Темноволосая девушка оторвалась от арифмометра и сказала, что Фицмартин находится на погрузке.

Я вышел из конторы и первым увидел его. Фиц погрузнел, а в остальном не изменился. Он стоял рядом с каким-то мужчиной и наблюдал, как двое человек загружают грузовик.

Он повернулся, заметил меня, и его лицо изменилось. Дымчатые глаза задумчиво и настороженно изучали меня.

– Тал Ховард, верно?

– Верно.

Естественно, ни один из нас не протянул руки.

Он направился к сараю. После некоторых колебаний я последовал за ним. В дальнем углу стоял старый двухместный «форд». Фицмартин открыл дверь сарая и жестом пригласил меня внутрь. В комнате царили чистота и порядок.

Приглашения садиться не последовало. Мы стояли и пристально смотрели друг на друга.

– Приятно увидеть старого знакомого, – наконец промолвил Фиц.

– Мне сказали, что ты работаешь на складе.

– Ты заехал просто так в Хиллстон и узнал, что я здесь работаю?

– Да.

– Может, проведываешь всех ребят? Или пишешь книгу?

– А это идея!

– «Воспоминания военнопленного».

– Я вставлю тебя в нее. Напишу, что ты обладал слишком большим самомнением, чтобы помогать другим.

– Помогать слабакам. Ну и повеселили же вы меня! Хотели превратить все в детский клуб. Я видел, как вы умирали, потому что в вас не было желания выжить.

В его голосе слышалось такое издевательство и насмешка, что я забыл о его громадной физической силе и ударил его. Фицмартин не успел увернуться, и мой кулак угодил ему прямо в челюсть. Боль обожгла руку и плечо. Он сделал шаг назад, но я хотел увидеть его на полу. Я опять ударил, но на этот раз он подставил свою огромную лапу и схватил меня за руки. Я попытался освободиться, но он был слишком силен. Лицо Эрла Фицмартина оставалось непроницаемым. Он заставил меня медленно опуститься на колени. Мои глаза защипало от слез гнева и унижения.

Внезапно он отпустил меня и слегка ударил ладонью по лицу. Я упал на пол. Попытался схватить стул, но Фиц вырвал его и толкнул меня ногой в грудь. Я опять очутился на полу. Он поставил стул на место, сел на кровать и закурил. Я медленно встал.

– Не в форме? – спокойно поинтересовался он.

– Черт бы тебя побрал!

– Садись. – На его лице появилась скука. – Хватит строить из себя героя, Ховард. Если хочешь, я, конечно, могу сделать из тебя котлету. – Он быстро встал, подошел к двери и выглянул во двор. Закрыв дверь, вернулся к кровати. – А сейчас поговорим о Тимми Уордене, Ховард.

– О Тимми?

– Я знаю, что Уорден украл у брата и закопал шестьдесят тысяч долларов. Слышал, как Тимми рассказывал тебе это. Так что, можешь не тратить время на вранье.

– Я даже не представляю себе, где он их спрятал.

Эрл Фицмартин несколько секунд задумчиво смотрел на меня.

– Пожалуй, я не клюну на такую ерунду. Разве можно поверить, что ты заявился сюда просто так. Ты не – из таких людей.

– Ну, конечно, по-твоему, я могу хоть сейчас выкопать банки с деньгами. И я ждал год,

чтобы приехать в Хиллстон? А перед этим заехал предупредить тебя, что направляюсь на раскопки?

– Зачем же ты тогда вообще приехал?

– Когда меня выгнали с работы, вспомнил об этих деньгах. Ну, и решил приехать и поискать.

– Значит, у тебя есть какая-то зацепка. – Эрл Фицмартин наклонился вперед.

– Я знаю столько же, сколько и ты. Просто я в себе больше уверен.

Фиц расхохотался. Его смех задел меня за живое. Ему показалось смешным, что я могу сделать то, чего не может он.

– Ты потратил на поиски больше года, а я приехал только вчера, – горячо возразил я.

– Как знаешь, – пожал плечами Фиц. – Поезжай познакомься с Джорджем. Передай ему от меня привет.

– И Элоизе?

– С Элоизой у тебя ничего не получится. Она смылась из Хиллстона, пока мы сидели за проволокой. Говорят, уехала с коммивояжером.

– Может, она прихватила с собой деньги?

– Не думаю.

– Но она знала, что Тимми спрятал очень много денег. Судя по его словам, она – не из тех, кто согласился бы уехать с пустыми руками.

– Уехала, – улыбнулся Фиц. – Можешь мне поверить. Элоиза уехала без денег.

2

От хозяйственного магазина я ждал большего, а попал в узкую, плохо освещенную и грязную комнату, в которой пахло пылью. Ко мне вышел продавец в грязной рубашке. Когда я сказал, что хотел бы поговорить с мистером Уорденом, он показал на стеклянную дверь, через которую виднелся маленький кабинет и мужчина, склонившийся над столом.

Мужчина поднял голову, и я сразу заметил сходство между ним и Тимми. Однако в Тимми всегда, даже в лагере, поражала какая-то жизненная сила, оптимизм. Джордж Уорден казался старше Тимми не на шесть лет, а намного больше. Как и младший брат, Джордж был рослым мужчиной, те же высокий лоб, нос с горбинкой и квадратный подбородок, но на этом сходство между братьями заканчивалось. Джордж походил на больного человека – плохой цвет лица, серая щетина на щеках и подбородке, встревоженные глаза. В каморке сильно пахло виски.

– Чем могу служить?

– Меня зовут Тал Ховард, мистер Уорден. Мы дружили с Тимми.

– Вы дружили с Тимми, – произнес вяло и в то же время как-то цинично Уорден.

– Я был с ним, когда он умер.

– Как и Фиц. Садитесь, мистер Ховард. Хотите выпить?

Я согласился. Он направился к раковине мыть стаканы. Затем взял бутылку, стоящую в углу на полу, и налил в стаканы щедрую порцию виски.

– За Тимми, – провозгласил Уорден.

– За Тимми.

– Фиц выбрался оттуда, вы – тоже, а вот Тимми остался.

– Я уцелел чудом.

– От чего он умер? Фицмартин так и не сказал.

– Не знаю, – пожал я плечами. – У нас не было врачей. Тимми сильно похудел, и его организм уже не мог сопротивляться болезням. Потом он здорово простудился. Поднялась высокая температура, отекли ноги, он начал задыхаться. Помочь ему было нельзя.

Джордж вертел в руках грязный стакан.

– Он должен был вернуться. Он бы знал, что делать.
– Что вы имеете в виду?
– Он не рассказывал о наших делах перед войной?
– Сказал, что бизнес процветал.
– Этот магазин находился на Делавэр-стрит. Мы переехали сюда месяцев шесть назад. Мне еще принадлежит лесной склад, а дома и всего остального уже нет.
– Дела, наверное, идут неважно, – посочувствовал я.
– У некоторых все в порядке. Вы чем занимаетесь?
– Сейчас не работаю.
Он невесело улыбнулся.
– И, наверное, планируете задержаться в Хиллстоне?
– Я думал об этом.
– Вас послал Фицмартин? – спросил Джордж Уорден.
– Я вас не понимаю. Я даже не знал, что он в Хиллстоне.
– Но вы говорили с ним. Он позвонил и сказал, что вы, вероятно, заглянете поболтать, что вы старый друг Тимми. Фицмартин работает у меня почти год. Не знаю, какую вам дать работу. У нас совсем нет ни денег, ни мест.
– Мне не нужна работа, мистер Уорден.
Джордж продолжал улыбаться. Его глаза были какими-то странными, и мне стало казаться, что он или пьян, или сильно не в себе.
– Может, что-нибудь возьмете в магазине? Еще остались кое-какие приличные товары. Хотите, я открою ружейный арсенал. Есть отличное ружье с золотой инкрустацией и прикладом из французского ореха. Я вам его подарю.
– Нет, благодарю. Я что-то вас не понимаю, мистер Уорден. Я знал Тимми и подумал, что мне следует зайти к вам.
– Конечно. Но сначала вы отправились на склад.
– Да. Я оставил свою машину в гараже и сказал слесарю, что сидел в одном лагере с Тимми. Слесарь сообщил, что в Хиллстоне находится еще один парень из нашего лагеря, Эрл Фицмартин. Поэтому я отправился на лесной склад, а потом – сюда. Я мог сначала прийти к вам, а затем – к нему. Не понимаю, почему вы считаете себя обязанным дать мне работу, ружье или какой-нибудь другой подарок.
Джордж Уорден пристально посмотрел на меня, затем нагнулся за бутылкой и плеснул еще виски.
– О'кей, пусть будет по-вашему. Не обращайте на меня внимания. Сейчас никто не замечает меня, кроме Фицмартина. Он – хороший работник. Склад еще приносит какой-то доход.
Я ожидал совсем не такого разговора. Джордж Уорден оказался сломленным и издерганным человеком. Хотя мне и не хотелось начинать поиски Синди в такой обстановке, я решил рискнуть.
– Мы с Тимми много беседовали о его жизни в Хиллстоне. Мне сейчас кажется, что я хорошо знаю Хиллстон, даже знаю девушек, с которыми он встречался: Рут Стамм, Джанис Курьер и какая-то Синди.
– Конечно, – мягко согласился Джордж, слегка улыбаясь. – Да, это его знакомые – Рути Стамм и Джуди, а не Джанис, Курьер. Славные девочки. Но года за два до войны он совсем перестал гулять с девушками. Все время уделял бизнесу, работал по ночам. Тимми так работал, что мне даже было стыдно.
– А что, девушки по имени Синди у него не было?
Уорден задумался и покачал головой.
– Не знаю никакой Синди. Рути до сих пор в Хиллстоне и не обзавелась семьей, а Джуди вышла замуж и уехала. Обе эти девочки могли стать лучшими женами, чем моя Элоиза. Тимми рассказывал о ней?

– Да, упомянул несколько раз.

– Она уехала.

– Знаю. Фиц мне сказал.

– Очаровательная маленькая Элоиза, двуличная сука. Заходите в любое время, поболтаем. Я обычно сижу здесь. Черт, раньше было полно дел, а сейчас уйма свободного времени.

В магазине продавец, облокотившись на прилавок, ковырял в зубах спичкой. Я с удовольствием вышел на улицу. От дешевого виски во рту остался неприятный привкус. За машиной идти было еще рано, поэтому я зашел в ближайший бар и заказал эль. За стойкой на специально сделанной подставке стоял низенький бармен.

Я сидел, попивая эль, и думал о Фицмартине, о неожиданной и яростной вспышке в ответ на его слова. После госпиталя казалось, что мне наплевать на Фица – прошло немало времени со времени плена. Но Фиц сам оживил горькие воспоминания. Все же встреча с ним не оказалась бесполезной. Я одержал, кажется, маленькую победу в разговоре, который последовал за дракой. Он так и не выяснил, что мне известно. Однако разговор с Джорджем Уорденом испортил мне настроение. Джордж озадачил меня. В их отношениях с Фицем было что-то странное и непонятное.

Бармены часто являются хорошими источниками информации. Поймав оценивающий взгляд коротышки, я дал знак повторить пиво. Когда он принес бокал, я поинтересовался:

– Где у вас можно повеселиться?

– Приезжий? – спросил он высоким и тонким голосом. – В Хиллстоне тихо. Лишь по субботам можно немножко повеселиться, а в будние дни – страшная скука. Вы коммивояжер?

Требовался быстрый ответ, и я неожиданно вспомнил слова Фица.

– Я пишу книгу.

– Писатель? – В его голосе послышался интерес. – Что у нас в городе интересного? Наверное, пишете что-нибудь историческое?

– Нет. У меня совсем другая книга. Я сидел в лагере для военнопленных и пишу книгу о ребятах, которые погибли там. Ну, знаете, об их жизни, что они делали, кем бы стали, если бы вернулись домой. Один из них – из Хиллстона, Тимми Уорден.

– Черт, вы знали Тимми? Жаль, он был хорошим парнем.

– Я разговаривал с его братом Джорджем.

Коротышка покачал головой.

– Где-то в прошлом году у Джорджа все покатилось к черту. Сначала ушла жена, затем ему сообщили о смерти брата. По-моему, он сломался. Сейчас у него не осталось и десятой доли того, что было раньше. С помощью бутылки он быстро потеряет и это. Девчонка Бака Стамма пыталась наставить его на путь истинный, да только напрасно тратила время. Но эта Рути – упрямая девица. Знаете, что я вам скажу? Если бы Тимми выжил, ему бы пришлось нелегко. Джордж распродавал имущество направо и налево. Сейчас он живет в «Белом отеле» и частенько напивается в стельку. Одно время его подбирали и привозили домой, потому что он был важным человеком в Хиллстоне, а сейчас он трезвеет в тюряге.

– Стамп, ты чертовски много мелешь языком, – заметил один из шашистов за столиком.

– Играй в свои шашки, – ответил Стамп. – Дай умным людям спокойно поговорить, Вилли. – Он повернулся ко мне. – Что вы собираетесь писать о Тимми?

– Ну, о его жизни: где родился, постараюсь увидеться с его учителями, девушками, с которыми он встречался.

Стамп бросил взгляд на шашистов, затем с кривой ухмылкой нагнулся ко мне и тихо заговорил, чтобы старики не могли его услышать.

– Я слышал от верных людей, что перед войной Тимми и Элоиза Уорден были больше,

чем простыми друзьями. Знаете, что я имею в виду? Она – довольно красивая бабенка. Трудно винить в чем-то парня, если все начала Элоиза. Она оказалась дрянью – смылась с каким-то коммивояжером, и с тех пор никто ее не видел. – Он отодвинулся и заговорщически улыбнулся. – Конечно, Джордж ничего не знает. Как в той поговорке, муж узнает последним.

– А, кроме Джорджа, у Тимми в Хиллстоне были родственники?

– Ни одного. Их папаша умер лет шесть-семь назад.

Я поболтал со Стампом еще с полчаса, но ничего нового больше не узнал.

Когда в начале четвертого пришел в гараж, моя машина уже была готова. Я расплатился и вернулся в мотель. Запершись в номере, попытался проанализировать полученную информацию. Хотя я и солгал о книге, вряд ли моя ложь кому-нибудь повредит. Пожалуй, не помешает купить блокнот и записывать в него разные детали, чтобы история с книгой выглядела правдоподобнее. Первая попытка найти Синди не увенчалась успехом, но выдумка с книгой должна помочь ее найти. Из слов Тимми я понял, что Синди знает о тайнике, в котором спрятаны деньги. Если, конечно, Элоиза не забрала их. Меня озадачило утверждение Фицмартина, считавшего, что она уехала без денег.

Отправившись в город ужинать, я купил в аптеке блокнот и заполнил в ресторане три страницы.

В мотеле я еще раз посмотрел на фотографию Рут Стамм, которая лежала в моем бумажнике. Завтра я впервые встречусь с ней. Фотографию я видел уже много раз. В лагере Тимми ее часто показывал. Помню тот день, когда мы грелись на солнышке, и он в первый раз достал ее.

Сейчас, вновь достав снимок, лег на кровать и в который раз принялся изучать его. Меня охватило предвкушение встречи, и впервые я позволил себе задать вопрос – а не предпринята ли поездка в Хиллстон с целью увидеть эту девушку, и не имеет ли эта фотография какого-нибудь отношения к окончанию любви к Шарлотте?

Я отложил фотографию и выключил свет. Долго ворочался, но, в конце концов, заснул крепким сном.

3

В пятницу утром, открыв ящик комода, чтобы достать чистую рубашку, я понял, что кто-то побывал в комнате. В среду вечером чистые рубашки были аккуратно сложены в углу большого среднего ящика, а сейчас их так разбросали, будто кто-то в спешке что-то искал в комоде. Я проверил все вещи и везде нашел множество следов торопливого обыска. Но искать-то нечего – я пока ничего не знал о неуловимой Синди!

Едва ли обыск провела горничная или женщина, сдавшая мне номер. И вряд ли это произошло вчера, когда я находился в Хиллстоне. Значит, кто-то побывал в комнате ночью. К счастью, у меня давно сложилась привычка прятать бумажник под подушку, так что, деньги остались целыми. Вспомнив, как бесшумно может двигаться Фиц по ночам, я задумался. Мне не понравилось, что он смог так легко открыть дверь и проникнуть в номер. Пожалуй, такое под силу только Фицмартину. Интересно, как ему удалось так быстро отыскать мотель? Я ведь никому не давал адреса. Скорее всего, он нашел меня по телефону. Здесь не требуется большого ума, на все вполне хватило бы и часа. Единственное, что требовалось, – терпение, а уж терпением Фиц обладал в избытке – он ждал меня больше года.

Я позавтракал и отправился к девушке с фотографии, которая была дорога и мне, и Тимми Уордену, девушке, которая, не зная того, облегчила мое одиночество, помогла выдержать все невзгоды.

Доктор Бак Стамм оказался ветеринаром. Он жил в красивом старом доме к востоку от

города. Рядом с домом находился госпиталь для животных. Когда я подъехал, собаки подняли лай, в загоне за домом виднелись лошади.

Дверь открыл огромный мужчина с рыжей шевелюрой, уже начавшей седеть. Он заговорил густым баритоном, впечатляюще при этом нахмурившись:

– Мы еще не работаем. Что-нибудь серьезное?

– Нет, ничего страшного. Я хотел бы поговорить с вашей дочерью.

– О чем?

– По личному делу. Я – друг Тимми Уордена.

– Конечно, я не могу помешать вам поговорить с Рут, – проворчал он. – Она бездельничает на кухне, пьет кофе. И не задерживайте Рут надолго. Она мне нужна. Войдите через заднюю дверь.

Я пересек лужайку. Было теплое утро, и задняя дверь оказалась открытой. Ко мне вышла девушка среднего роста с темно-рыжими волосами. Светло-серые глаза, большой рот, кожа приятного золотистого оттенка, на вид девушке можно было дать лет двадцать шесть-двадцать семь.

Рут Стамм улыбнулась. В ее глазах светилось любопытство. Я показал фотографию. Рут посмотрела на снимок, затем быстро взглянула на меня.

– Где вы ее взяли?

– У Тимми Уордена.

– У Тимми! Я и не знала, что у него есть эта фотография. Вы были... там?

– В лагере? Да. Я хотел бы поговорить, когда у вас найдется время. Может, пообедаем вместе?

– О чем вы хотите разговаривать?

На помощь опять пришла идея Фица.

– Я пишу книгу о ребятах, которые не вернулись из лагеря, и подумал, что вы могли бы помочь. Тимми много рассказывал о вас.

– Мы встречались. Да... да, я попробую помочь. Заезжайте за мной в четверть первого.

– С удовольствием. Не возражаете, если я заберу фотографию?

Рут заколебалась, затем вернула пожелтевший снимок.

– Этой девушке – восемнадцать. Господи, как давно это было! – Она нахмурилась. – Вы еще не сказали, как вас зовут.

– Ховард. Тал Ховард.

На несколько секунд наши взгляды встретились, и в ее глазах мелькнуло ожидание чего-то. Мы смущенно попрощались, и Рут скрылась в доме. Я вернулся в город. Долго я хранил в памяти образ девушки с фотографии, но сейчас я знал, что сегодняшняя Рут Стамм – привлекательнее и лучше моей мечты.

В четверть первого я вернулся за ней. Она казалась более сдержанной, словно сомневалась в мудрости своего согласия пообедать со мной. Когда мы сели в машину, я поинтересовался:

– Где будем обедать? Только чтобы там можно было поговорить.

– В гостинице «Хиллстон Инн» очень хороший ресторан.

Припарковаться удалось почти перед самым входом. Рут провела меня через мрачноватый холл, затем мы спустились по ступенькам. В ресторане находились кабины из темного дуба, обшитые красным пластиком. По залу сновали официантки в накрахмаленных фартуках, вкусно пахло отбивными.

Рут согласилась выпить перед обедом, и я заказал два коктейля.

– Вы хорошо знали Тимми? – спросила она.

– Мы подружились в лагере. В таких местах необходимо хорошо знать людей.

– Тимми дружил с моей подругой Джуди Курьер. Как-то они поссорились, а я тоже поругалась со своим парнем. Когда Тимми предложил куда-нибудь пойти, я согласилась.

Мы начали регулярно встречаться. После школы поступили в колледж в Реддинге. Тимми проучился два года и вернулся в Хиллстон помогать Джорджу. Когда он ушел из колледжа, я тоже бросила учебу. После нашего возвращения в Хиллстон все думали, что мы поженимся. – Девушка грустно улыбнулась. – Наверное, я тоже так думала. Но потом все изменилось. Кажется, ему стало неинтересно встречаться со мной. Тимми напряженно работал, и постепенно наша дружба заглохла.

– Вы его любили?

– Тогда мне казалось, что любила. – Она испуганно посмотрела на меня. – Иначе мы бы не стали такими близкими друзьями. Но... не знаю, как объяснить. Понимаете, Тимми в школе был очень популярен. Хороший спортсмен, и всем нравился. Его выбрали президентом выпускного класса. Я тоже пользовалась уважением. Например, стала королевой выпускного бала. Нам самим нравилось, как мы смотримся вместе. Из нас действительно могла бы выйти неплохая пара. Понимаете?

– Конечно.

– Когда, в конце концов, мы перестали встречаться, я боялась, что будет больно, но все обошлось.

– Каким он был в юности, Рут?

– Я же вам говорила. Пользовался большой популярностью, очень хороший и...

– Еще выпьете?

– Нет, спасибо. Давайте обедать. – После того, как мы сделали заказ, она нахмурилась и сказала: – Тимми слишком уж легко все давалось. Он без всяких усилий располагал к себе людей. Но его никогда не испытывали на прочность. У меня сложилось впечатление, что ему казалось, будто вся жизнь у него будет легкая, и он получит все, что захочет. Это меня тревожило, потому что я знала – мир не такой. С ним никогда ничего не происходило, и он мог навсегда остаться всего лишь милым юношей.

– Он стал настоящим мужчиной, Рут.

В ее глазах неожиданно заблестели слезы.

– Очень рада это слышать. Жаль, что он не вернулся.

– После того, как вы перестали встречаться, с кем он гулял?

– Ни с кем. – Рут Стамм старалась не встречаться со мной взглядом.

– Он рассказал мне об Элоизе, – тихо произнес я.

– Значит, это правда. – Рут сильно побледнела. – Конечно, я подозревала, но сомнения все-таки оставались. От одной мысли, что между ними что-то было, меня начинало тошнить. Элоиза – самая настоящая дрянь. Все сочувствовали Джорджу, когда он на ней женился.

– Тимми жалел, что так получилось. Он хотел вернуться и хоть как-то загладить свою вину. Конечно, Тимми понимал, что нельзя возвратить прошлое, но ему хотелось что-то исправить. Что она из себя представляет?

– Довольно красивая, такая пышная блондинка. Сексуальная походка, широкие бедра, узкая талия и прекрасные ноги. Училась на класс старше, но так и не закончила школу. Глупа. Страшная неряха. Душилась так, что невозможно подойти. Но в отношениях с парнями была весьма сообразительна. Умела кокетничать, и парни бегали за ней, как собаки с высунутыми языками. Мы и смеялись над ней, и ненавидели, и как-то по-детски завидовали. Элоиза делала, что хотела, никого не слушалась. Замужество с Джорджем Уорденом оказалось для нее очень выгодным. После свадьбы, мне кажется, она начала скучать. Находясь в одном доме со скучающей Элоизой, у Тимми не было шансов уцелеть... Естественно, они вели себя очень осторожно, но в таком маленьком городке трудно что-нибудь скрыть. Когда Тимми забрали в армию, о них с Элоизой уже ходили слухи.

– Потом Элоиза уехала с коммивояжером.

– Этого коммивояжера звали Фултон. Такой здоровенный краснолицый мужик, приезжал каждые полгода в Хиллстон на сером «студебеккере».

– Джордж пытался ее найти?

– Нет, думаю не захотел. Она сложила свои лучшие вещи, прихватила все деньги в доме и исчезла, даже не оставив записки. Готова поспорить, наступит день, когда она приползет обратно.

– И он примет ее?

– Не знаю. Трудно сказать, как он поступит. Я пыталась помочь ему. – Рут покраснела. – Отец всегда посмеивается надо мной. Я постоянно нянчусь с котятами и бездомными собаками. Он говорит, что на моих пациентов уходит вся наша прибыль. С Джорджем Уорденом у меня произошло то же самое. У него сейчас нет ни одного близкого человека. Он пьет и уже почти все пропил. Я делаю, что могу: иногда готовлю, убираю комнату, слежу за его одеждой, но не могу заставить его выбраться из этого болота. Джордж опускается все ниже и ниже. Очень обидно и жалко его.

– Я видел его в магазине. Он вел себя как-то странно.

– Сейчас у него никто ничего не покупает.

– А лесной склад производит вполне нормальное впечатление. Я ездил туда поговорить с Фицмартином. Он сидел с нами в лагере.

– Он – ваш друг?

– Нет.

– Фицмартин мне очень не нравится, Тал. Не знаю, зачем Джордж взял его на работу. Мне даже кажется, что он обладает какой-то властью над Уорденом и толкает его все ниже и ниже. Не пойму, в чем дело. Фицмартин меня беспокоит. Он уже приходил поговорить о Тимми.

– О чем он говорил? – заинтересовался я.

– О какой-то ерунде. Расспрашивал, куда мы с Тимми ездили на пикники, интересовался, гуляли ли в окрестностях Хиллстона. Причем задавал все эти вопросы так хитро, что во время нашей последней встречи я страшно разозлилась и сказала, что больше не буду с ним разговаривать.

– Он больше не приходил?

– Я с ним тогда разговаривала очень решительно. Фицмартин проявлял нездоровый интерес к Тимми, и я боялась, что вы будете вести себя так же. Но раз вы собираетесь написать о Тимми книгу, тогда ваш интерес к его жизни понятен. – Ее честные глаза разбудили мою совесть. Наступила неловкая пауза. Наконец Рут, не поднимая глаз, сказала: – Тимми рассказал вам об Элоизе. Он, наверное, что-то говорил и обо мне? – Девушка покраснела.

– Он много раз упоминал о вас, но никаких подробностей не рассказывал.

Рут Стамм посмотрела мне прямо в глаза.

– Это, конечно, не для книги, хотя мне нечего стыдиться. Может, вы лучше поймете меня или его, если я вам все же расскажу о нас. Мы регулярно встречались. Но… не были близки. Однажды поехали в Реддинг, очутились вдали от дома, оказались одинокими в новом для нас мире. И это... просто произошло. Несколько месяцев мы думали, что так и надо, но, когда начали понимать, что это несерьезно, остановились. Мы оба сильно гордились своей силой воли. Знаете, иногда мне кажется, что именно наша гордость все и испортила.

Я почувствовал себя неловко, еще никогда не приходилось сталкиваться с такой откровенностью. Рут открывала мне правду о себе, и я посчитал необходимым ответить тем же.

– Знаю, что вы имеете в виду, – быстро проговорил я. – Перед отправкой в Корею мне дали тридцатидневный отпуск. У меня была хорошая работа, девушка. Мы с Шарлоттой подумывали о женитьбе, но решили подождать. Зато я воспользовался моментом. Ну, сами понимаете, мужчина отправляется на войну, разлука, опасности и все такое. Я представил дело так, что Шарлотта считала себя обязанной обслужить уезжающего сол-

дата по полной программе. Мы провели горячие тридцать дней. Я уехал, чувствуя себя уверенно, но потом были лагерь и госпиталь. Шарлотта отодвинулась в далекое прошлое, хотя она – славная девчонка.

– Так вы вернулись и не женились на ней?

– Я вернулся совсем разбитый. У меня теперь никудышный желудок. Раньше мне нравилась моя работа, а после лагеря и госпиталя я с трудом мог досидеть до окончания рабочего дня. Шарлота стала чужой. По крайней мере, у меня хватило совести не спать с ней, хотя она хотела этого, надеясь вернуть прежние отношения. Но разочарование и чувство неудовлетворенности не проходили. Я не мог понять, что со мной происходит. Наконец, администрации надоело возиться с лентяем, и меня выгнали. Я уехал и... начал собирать материал для книги. Я чувствую вину перед Шарлоттой.

– Вы напрасно себя вините.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился я.

– Шарлотта стала казаться вам чужой, Тал. А может, это вы, теперешний, чужой тому, прежнему Талу Ховарду? Вы сказали, что Тимми изменился. Вы ведь тоже могли измениться. Что если Шарлотта подходила для того Тала Ховарда, но не устраивает теперешнего?

– И поэтому я разбил ей сердце!

– Кто знает, что лучше – женитьба или медленное умирание любви. Я могу это хорошо объяснить на примере нас с Тимми.

– Попробуйте.

– Когда Тимми потерял ко мне интерес, удар оказался не таким сильным, как я боялась. Только сейчас, кажется, я поняла причину. Тимми был проще меня, обладал более узкими интересами. Меня беспокоят разные события, у меня сильно развито воображение. Предположим, я бы вышла за него замуж. Какое-то время мы бы жили душа в душу, но постепенно я бы стала задыхаться. Только не думайте, что я чересчур умная, нет, просто мне нравится читать, поговорить о чем-нибудь умном и все такое, чего Тимми не смог бы со мной делить со своей страстью к пиву, боулингу и спортивным страницам газет. Понимаете?

– Что-то не очень. Я сам люблю пиво, боулинг и спортивные страницы.

– Правда, Тал? – серьезно спросила Рут.

Это был неприятный вопрос. Сразу вспомнились первые несколько недель с Шарлоттой, когда я старался вернуться к прежней жизни. Шарлотта со своими постоянными разговорами о строительных участках для дома, о цвете занавесок, о телевизионных сериалах начала действовать на нервы. Моя любимая Шарлотта превратилась в чужого человека.

Я понимал, где все это началось – в лагере. Врагом номер один оказалась скука. Время приходилось проводить с эксцентричными и неуравновешенными людьми, к которым перед войной я даже не подошел бы. У нас были слегка недоразвитые парни, которые казались круглыми дураками.

Вопрос Рут Стамм дал мне ключ к разгадке собственного состояния неудовлетворенности. Я, честно говоря, не хотел возвращаться к старой жизни. Хотел оставаться таким, как сейчас, потому что именно сейчас множество странных и непонятных раньше вещей наполнились большим смыслом.

– Правда, Тал? – повторила Рут Стамм.

– Может, теперь я действительно уже не такой, как раньше.

– Вы что-то ищете, – заметила девушка, и правда ее слов будто встряхнула меня. – Пытаетесь написать книгу. Это говорит о том, что вы никак не можете успокоиться. Ищете того Тала Ховарда, каким должны стать, настоящего Тала Ховарда. – Неожиданно она широко улыбнулась, и я заметил косой зуб, который сразу стал мне симпатичен. – Отец говорит, что я стараюсь быть доброй матерью всему миру. Так что, особенно не обращайте на меня внимания. Я постоянно ставлю диагнозы, прописываю лекарства и курсы

лечения. – Рут посмотрела на часы. – Ого! Он, наверное, уже рвет и мечет! Мне пора.

Я расплатился, и мы направились к машине. По дороге я подвел беседу к интересующей меня теме.

– Я припоминаю, Тимми что-то говорил о Синди. Кто это?

– Синди? – нахмурилась Рут. – Я помню несколько... Но в Хиллстоне нет Синди, с которой бы Тимми встречался. Для него девушка должна быть красавицей, а я что-то не могу вспомнить среди местных красавиц Синди. Вы уверены, что он говорил о Синди?

– Уверен.

– А что он о ней говорил?

– Тимми несколько раз вскользь упоминал Синди. Не помню точных слов, но у меня сложилось впечатление, что они дружили.

– Ничего не понимаю, – растерянно произнесла Рут.

Мы подъехали к госпиталю для животных. Выйдя из машины, вновь почувствовали смущение. Я искал предлог для новой встречи, но ничего не приходило в голову. В душе надеялся, что она хочет того же и втайне рассчитывает на меня.

– Хочу поблагодарить вас, Рут, – сказал я, протягивая руку. Наши взгляды встретились, Рут отвела глаза в сторону и слегка покраснела.

– Рада, что помогла вам, Тал. Приезжайте, если появятся еще вопросы.

Это была лазейка, но все оказалось до обидного легко. Мне захотелось, чтобы она знала о моих чувствах.

– Я хотел бы еще приехать даже без книги.

Рут Стамм мягко освободила руку и внимательно посмотрела на меня.

– Приезжайте. – Рут развернулась и вошла в дом. Она не успела закрыть дверь, как я вспомнил, что хотел кое о чем ее спросить. Когда я окликнул Рут, она остановилась.

– С кем мне еще поговорить о Тимми?

– А... – слегка разочарованно протянула девушка. – Поговорите с мистером Личем. Он преподает математику в школе. Мистер Лич выделял Тимми среди остальных учеников. К тому же он замечательный человек.

От Стаммов я уехал почти в три. С большим трудом удалось заставить себя думать о предстоящем разговоре с мистером Личем, а не о Рут. Кто знает, может, он приведет меня к Синди? Я отъехал от дома Стаммов где-то на полмили, когда заметил двухместную машину, сильно смахивающую на «форд», который я видел вчера на лесном складе. Я сделал пару поворотов, но «форд» упрямо держался футах в ста за мной, даже не пытаясь как-то спрятаться. Я съехал на обочину и выскочил из машины. «Форд» остановился рядом, из него показался Фиц. Я бросился к нему.

– Какого черта ты рылся в моем номере?

– Ты здорово храпишь, – ответил он, облокачиваясь на машину.

– Зачем ты за мной следишь?

– Еще не знаю. Хорошо пообедал с Рут? Ничего малышка, да? Все, что нужно, на месте. Я ей что-то не приглянулся. Наверное, ей нравятся беспомощные цыплята, вроде тебя. Если повезет, ты возьмешь... – Неожиданно Фиц замолчал и уставился куда-то поверх моего плеча.

Оглянувшись, я увидел темно-синюю машину, мчавшуюся на большой скорости. Когда она проскочила мимо нас, я успел заметить коренастого лысого водителя с грубым лицом. Номера были из другого штата, но из какого, не успел разглядеть.

– Зачем всюду ездить за мной? – Я повернулся к Фицу. – Ведь уже сказал, что не знаю ни... – Я остановился, потому что продолжать было бессмысленно.

Фицмартин смотрел на меня, словно на пустое место. Он сел в «форд». Когда Фиц отъехал, я направился к своей машине.

В который раз поведение Эрла Фицмартина меня сильно озадачило. Я выбросил из головы Фица и заставил себя думать о мистере Личе.

4

Я нашел в школе кабинет Лича и постучал в дверь. Усталый голос пригласил меня войти. Мистер Лич оказался невысоким седым мужчиной с суровым лицом и черными бровями. Он сидел за столом и проверял тетради.

– Чем могу служить?

– Меня зовут Тал Ховард. Я хотел бы поговорить о вашем бывшем ученике.

– Бывший ученик, у которого неприятности? – Лич безо всякого энтузиазма пожал мне руку.

– Нет. Дело...

– Слава Богу! Значит, никаких неприятностей? Обычно к нам приезжают полицейские из отдела по борьбе с наркотиками, из тюрьмы, адвокаты. Порой мне кажется, что мы выпускаем только преступников разнообразных рангов и мастей.

– Я не хочу отвлекать вас. Понимаете, я собираю материал о Тимми Уордене, и Рут Стамм посоветовала обратиться к вам.

– Собираете материал о Тимми Уордене? – Он откинулся на спинку стула и устало потер глаза. – Такое впечатление, будто вы пишете книгу. Он вам сам-то много рассказал?

– Тимми погиб в лагере, из которого я чудом выбрался живым.

– Садитесь, – пригласил мистер Лич. – Я очень хочу поговорить о нем. Мистер Ховард, вы, вероятно, слышали о ненормальных людях, которые умеют мгновенно перемножать в уме пятизначные числа?

– Да, но...

– Знаю, знаю. Тимми был вполне нормальным юношей. Но он имел дар настоящего математика. Чувствовал ритм, который скрывается за цифрами. Он придумывал уникальные решения школьных задач. Парень обладал редким талантом, способностью схватывать сложные соотношения и представлять их в простом виде. К сожалению, в нем отсутствовало желание, увлеченность, а без этого, мистер Ховард, такие способности остаются пустой сообразительностью.

– Говорят, он пользовался популярностью у девушек?

– Еще какой! Как и все остальное, это давалось Тимми легко.

– В лагере он говорил о своих девушках: Джуди, Рут, Синди...

– Я не могу их вспомнить. В одном классе у меня оказалось восемь Джуди. Сейчас, слава Богу, это имя уже не такое распространенное. Правда, Синди было не так уж много.

– Я бы хотел поговорить с этими девушками. С Рут я уже встретился, Джуди уехала, а вот фамилию Синди я не могу вспомнить. Можно просмотреть списки учащихся?

– Конечно, но в канцелярии сейчас никого нет. Подождите, подождите. Тимми закончил школу в сорок шестом. Старые классные журналы я храню здесь, вон там на нижней полке. Посмотрите журналы за сорок шестой и два последующих года, если хотите.

Я сел у окна и принялся листать журналы. В журнале за сорок шестой год Синди не оказалось. В следующем нашлась одна, но, увидев ее фотографию, я сразу понял, что это – не она. Такая толстуха с мелкими чертами лица и угрюмыми, вызывающими глазками не могла понравиться Тимми. В журнале за сорок восьмой год тоже встретилась одна Синди. На этот раз с узким лицом, кривыми, торчащими во все стороны зубами, близорукими глазами за толстыми стеклами очков. Тем не менее я выписал их фамилии. В любом случае, стоит проверить, подумал я.

Я вернулся к журналу за сорок шестой год и еще раз внимательно его просмотрел. Мне попалась на глаза девушка по имени Синтия Купер, привлекательная курносая блондинка. Может, Тимми в ту ночь прошептал «Синти». Правда, не очень удачное уменьшительное от Синтии. Несмотря на то, что тогда Тимми говорил шепотом, я не сомневался, что он сказал: «Синди». Он даже повторил ее имя. Тем не менее я записал и эту Синтию.

Когда я подошел к столу, мистер Лич поднял глаза.

– Ну, как?

– Выписал несколько фамилий. Надеюсь что-нибудь выяснить.

Я поблагодарил Лича, который тут же опять уткнулся в тетради, и вышел в коридор.

В «Хиллстон Инн» я попал в начале шестого. Разменял деньги и направился в холл, где у стены стояли четыре телефонные кабины. Толстушку звали Синди Васкович. В телефонном справочнике оказалось двое Васковичей – Джон У. и П. С. Сначала я позвонил Джону. Трубку сняла женщина, говорящая в нос.

– Я ищу Синди Васкович, которая закончила школу в сорок седьмом. Я туда попал?

– Подождите. – Я слышал, как она с кем-то говорит, но не разобрал слов. Наконец, женщина сказала в трубку: – Вы ищете Синди?

– Да. Помогите мне, пожалуйста.

– Она здесь не живет, но я могу вам рассказать о ней. Я – ее тетя. Рассказать?

– Пожалуйста.

– Это все железы внутренней секреции. Я никак не могла вспомнить слово, и поэтому пришлось обратиться к дочери. Когда Синди закончила школу, она весила двести фунтов. Затем девочка начала раздуваться, как воздушный шар. В момент смерти она весила четыреста фунтов. Да, вот что смогут сделать эти железы.

– Ваша дочь и Синди ровесницы?

– Нет, моя дочь на год старше. Она замужем, и у нее уже трое детей, – тепло рассмеялась женщина.

– Могу я с ней поговорить?

– Конечно. Сейчас передам ей трубку.

– В чем дело? – раздался холодный и подозрительный женский голос. – Почему вы интересуетесь Синди?

– Просто мне нужно знать, не дружила ли она в школе с Тимми Уорденом?

– Тимми погиб. Об этом писали в газетах.

– Знаю. Так они дружили? – повторил я.

– Тимми и Синди? Господи, вот это была бы парочка. По-моему, он даже ни разу не разговаривал с ней. С какой стати? Ему на шею готова была броситься любая девчонка. Почему вы все это спрашиваете?

– Я сидел в лагере с Тимми. Перед смертью он попросил кое-что передать какой-то Синди. Вот я и подумал, что, может, это ваша Синди.

– Господь с вами! Извините, но вы ошиблись.

– В школе были еще Синди?

– Я помню только одну из младшего класса. Очень смешная девочка. Сплошные зубы, очки, короче, красавица. Забыла только ее фамилию.

– Синди Киршнер?

– Точно. Господи, где вы узнали ее фамилию? Кажется, я видела ее год назад. Может, ее телефон есть в справочнике, но не думаю, что она подходит на эту роль лучше нашей Синди. Я хочу сказать, что Тимми вращался в своем кругу, среди детей «шишек». Эта Киршнер, как и моя кузина, в этот круг не входили. Я, кстати, тоже. – В голосе девушки послышалась обида.

Я поблагодарил ее и положил трубку.

В справочнике оказался один Киршнер – Ральф А.

– Я ищу Синди Киршнер, которая закончила школу в сорок восьмом году.

– Это – моя дочь, – ответил женский голос. – С кем я говорю?

– Не подскажете, как мне ее найти?

– Она вышла замуж, но у нее нет телефона. Если хотите с ней встретиться, поезжайте к ней домой. Блэкмен-стрит, 1610, маленький голубой дом. Сейчас она – миссис Рорик, миссис Патрик Рорик.

Выйдя из кабины, я увидел, как из соседней мне почти по-дружески улыбается Эрл Фицмартин.

– Значит, все дело в какой-то Синди.

– О чем ты?

– «Я сидел в лагере с Тимми. Перед смертью он попросил кое-что передать какой-то Синди».Ты уже проверил двух. Ты знаешь, когда они закончили школу. Ховард, ты развернул здесь кипучую деятельность.

– Иди к черту, Фиц!

Он раскачивался на носках, уперев в бока свои огромные кулаки, и примирительно улыбался.

– Столько дел за один день. Сначала – прекрасный обед с Рут, затем – поездка в школу и поиски Синди. Она знает, где бабки?

Фицмартин надел отлично сшитый, дорогой черный костюм, сияющие туфли и накрахмаленную рубашку. Как же глупо и беспечно я вел себя! Ведь из телефонной будки нетрудно услышать, о чем говорят по-соседству. Теперь Фиц знал почти столько же, сколько и я.

– Ну, как у тебя дела с Джорджем, Ховард?

– Отлично.

– Эта Стамм часто приходит подержать его за руку, – сообщил Фиц. – Наверное, от этого он чувствует себя лучше. Бедняжка. Знаешь, ему даже пришлось продать дачу. Тимми тебе рассказывал о даче?

Тимми говорил пару раз о даче, но я совершенно забыл. Сейчас я сразу вспомнил, что она находится на маленьком озере, простой деревенский домик, построенный еще его отцом. Тимми с Джорджем ездили туда на рыбалку.

– Да, как-то говорил, – наконец ответил я.

– А я узнал о ней после приезда в Хиллстон. Она показалась мне вполне подходящим местечком для тайника, так что, я захватил лопату и отправился на озеро. Без дураков, Тал, я вскопал почти весь берег, накопал штук сто ям. Видишь, я от тебя ничего не скрываю. На даче денег тоже нет. Прежде чем продать ее, Джордж разрешил мне немного пожить там. На озере здорово. Тебе понравится, но денег там нет.

– Спасибо за информацию.

– Я не спущу с тебя глаз, Тал. Меня очень интересует, как продвигаются твои дела. Блэкмен-стрит находится к востоку от Делавэр-стрит. Она начинается в трех кварталах отсюда. Дом 1610 находится где-то в четырнадцатом квартале. Легко найдешь.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Я вышел на улицу. Уже стемнело. Действительно, жилище миссис Рорик удалось найти без труда. Я остановился перед небольшим голубым домом. Когда поднялся на крыльцо, в окне загорелся свет. Я нажал кнопку звонка, и дверь открыла молодая женщина с ребенком на руках.

– Миссис Рорик?

– Да, – ответила она мягким приятным голосом.

– Вы были раньше Синди Киршнер и учились вместе с Тимми Уорденом, а мы с ним сидели вместе в лагере для военнопленных.

Она заколебалась, затем пригласила войти. Когда я вошел внутрь, и миссис Рорик повернулась к свету, я сумел лучше разглядеть ее. Зубы больше не торчали, лицо округлилось.

– Вы хорошо знали Тимми, миссис Рорик?

– По-моему, он даже не знал о моем существовании.

– В лагере перед смертью он упомянул некую Синди. Может, он говорил о вас?

– Сильно в этом сомневаюсь.

Это меня озадачило, и я удивленно проговорил:

– Когда я назвал его имя, вы пригласили меня в дом. Я думал...

– Пожалуй, мне следует все вам объяснить, – улыбнулась миссис Рорик. – Долгие годы я была в него влюблена. Я ужасно мучилась…

– Вы переросли эту любовь, – в ответ улыбнулся я.

– О да, слава Богу. Потом я встретила Пата. Мне жаль Тимми. Какой кошмар! Нет, если он говорил о какой-то Синди, то уж точно не обо мне.

– Может, вы вспомните кого-нибудь?

– Нет, не могу, – нахмурившись, покачала головой миссис Рорик. – Хотя что-то крутится в голове. Не могу, все так смутно.

– Если вспомните, сообщите?

– Вы не сказали, как вас зовут.

– Извините, Тал Ховард. Я остановился в «Сансет Мотеле». Позвоните туда, и мне передадут.

– Почему вы так хотите найти ее?

– Я пишу книгу, и мне необходима вся информация о Тимми, какую можно найти.

– Если я вспомню другую Синди, я позвоню вам, мистер Ховард.

Я поблагодарил ее и ушел. Вернувшись в центр города, опять начал думать о Фицмартине. Рут права, когда назвала его «странным». Но он был не просто странным. Его не сдерживали никакие правила, которым подчинялись нормальные люди. Фиц не раз доказывал это в лагере. Он являлся таким же примитивным орудием, как топор. Ко всему прочему, он еще и обладал гигантской физической силой.

В лагере я не раз видел проявления этой силы, но лишь однажды смог оценить ее по-настоящему. Все, кто присутствовали при том эпизоде, еще долго обсуждали его. Один из грузовиков с продовольствием застрял в болоте по крылья. Охранники порвали трос, пытаясь его вытащить. Затем они заставили нас разгружать грузовики. Ящики, конечно, грузили лебедкой. Мы сняли все, за исключением одного огромного деревянного ящика. Пытались подсунуть под него катки, но ничего не получилось. Охранники начали ругаться. По-моему, Фиц потерял терпение. Он уперся спиной в ящик, присел на корточки и сунул под него пальцы. Затем встал. Лицо исказилось от напряжения, на шее вздулись вены. Он поднял ящик так высоко, что мы подложили катки. Затем бледный Фицмартин опустил ящик и, тяжело дыша, спрыгнул с грузовика.

Когда ящик, наконец, спустили на землю, подошел самый здоровый кореец и попытался поднять его, но ему не удалось даже сдвинуть его с места. Охранники страшно разозлились и выместили зло на нас, не тронув Фица.

Я решил поужинать и выпить в «Инне» и подумать над планом дальнейших действий. Меня взяли у самого ресторана в десяти шагах от моей машины.

5

Их было двое: худощавый, невзрачный полицейский в форме и коренастый мужчина средних лет в сером костюме с одутловатым красным лицом.

– Ховард?

– Да.

– Полиция. Пошли с нами.

– Зачем?

– С тобой хочет побеседовать лейтенант.

Они усадили меня в полицейскую машину и провезли кварталов восемь. Мы въехали через каменную арку в закрытый дворик, в котором стояли полицейские машины, поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж. В здании воняло пылью, карболкой и мочой. На площадку выходили несколько дверей.

Меня ввели в маленький кабинет, в котором сидел худощавый лысый мужчина. На

столе стояла небольшая деревянная табличка со словами: «Лейтенант Стивен Д. Прайн». За лейтенантом Прайном у единственного в комнате окна на радиаторе, выкрашенном золотой краской, сидел седой мужчина небольшого роста.

Мой конвоир зачем-то толкнул меня в спину. Я ударился коленом о стол и чуть не упал. Прайн не сводил с меня холодного взгляда.

– Это – Ховард, – сообщил один из задержавших меня полицейских.

– О'кей, – сказал лейтенант. За моей спиной хлопнула дверь. Полицейский в форме вышел, а второй, в сером костюме, прислонился к двери. – Выкладывайте все из карманов, – велел Прайн.

Я выложил на стол все свои вещи: бумажник, мелочь, ручку с карандашом, блокнот, зажигалку, пачку сигарет, перочинный ножик, зажим с туристскими чеками. Прайн протянул руку и разделил все предметы на две кучки. Ту, в которой находились блокнот, бумажник и чеки, придвинул к себе.

– Остальное можете забрать.

– Могу я спросить, почему?..

– Заткнитесь!

Я молчал, пока Прайн изучал содержимое моего бумажника. Он долго разглядывал фотографию Шарлотты. Затем пролистал блокнот и посчитал чеки.

– Сейчас ответите на несколько вопросов. – Лейтенант открыл ящик, нажал кнопку диктофона и продолжил: – Двадцатое апреля, 19.10. Лейтенант Прайн допрашивает подозреваемого, задержанного Хиллсом и Брубейкером рядом с «Хиллстон Инн»… Ваше полное имя?

– Талберт Оуэн Ховард.

– Говорите громче. Возраст и место рождения?

– Двадцать девять лет. Бейкерсфилд, Калифорния.

– Домашний адрес?

– В данный момент у меня нет постоянного места жительства.

– Последнее место работы? Чем занимались?

– Две с половиной недели назад меня уволили из «Федеральной страховой компании». Я занимался страхованием жизни.

– Причина увольнения?

– Плохая работа.

– Сколько вы там проработали?

– Всего четыре года, из них три с половиной – до корейской войны, а остальные полгода – после.

– Имели неприятности с полицией?

– Не знаю, можно ли назвать это неприятностью. Я тогда еще учился в школе, и меня задержали за участие в беспорядках и сопротивление полиции.

– Вас сфотографировали, взяли отпечатки пальцев и признали виновным?

– Да. Я заплатил штраф и просидел три дня в тюрьме.

– У вас чуть больше тысячи долларов. Где вы их взяли?

– Когда работал, много экономил. Мне все это уже начинает надоедать.

– Зачем приехали в Хиллстон?

– А что, для этого должна существовать причина?

– Да, должна.

– Я знал Тимми Уордена по лагерю для военнопленных. Я помню много ребят, которые не вернулись оттуда. Хочу написать о них книгу. Там, в блокноте, мои записи.

– Если кто-то приедет в город с выдуманной историей о книге, у него будет отличная возможность все вынюхивать.

– Пожалуй.

– Знакомы с законами нашего штата о частных расследованиях?

– Нет, – растерялся я.

– У вас есть лицензия частного детектива?

– Нет. Не знаю, что...

– Если у вас имеется лицензия, вы должны знать, что в нашем штате есть двусторонние соглашения о частных расследованиях. Вы были обязаны хотя бы из вежливости сообщить о своем приезде и назвать имя вашего клиента.

– Я вас не понимаю.

– Вы знаете Розу Фултон?

– Впервые слышу.

– Вас прислала сюда Роза Фултон?

– Нет! Я же сказал, что не знаю никакую Розу Фултон.

– Месяц назад нам сообщили, что Роза Фултон наняла частного детектива, уже третьего по счету. С тех пор мы его ищем. Первые двое ничего не добились, потому что добиваться нечего. Но Роза Фултон – упрямая и глупая женщина. Мы тщательно расследовали все обстоятельства того дела. Ясно? – поинтересовался лейтенант Стивен Прайн.

– Я никак не пойму, о чем вы говорите.

Он долго и пристально смотрел на меня.

– Допрос закончен, – наконец, сказал Прайн. – Свидетели – Брубейкер и Спаркмэн. Копии – в архив. Лейтенант Прайн. – Затем лейтенант выключил магнитофон и закрыл стол. Он откинулся на спинку стула, зевнул и подтолкнул ко мне бумажник, чеки и блокнот. – Вот так-то, Ховард. Нам чертовски надоели ищейки, которые что-то вынюхивают в нашем городе. Их присутствие в Хиллстоне означает, что мы плохо работаем. Роза Фултон – жена парня, который смылся с Элоизой Уорден.

– Мне фамилия Фултон сразу показалась знакомой, но я так и не вспомнил.

– Это произошло чуть больше двух лет назад. Первый запрос пришел из компании, в которой работал Фултон. Мы провели тщательное расследование. Он, как всегда, остановился в «Хиллстон Инне». В тот вечер, в пятницу, одиннадцатого апреля, он поужинал в ресторане гостиницы с Элоизой Уорден. Затем они сели в его машину и поехали к дому Джорджа Уордена. Элоиза вошла в дом, а Фултон остался в машине. Сосед видел Фултона, сидящего за рулем, и заметил, как Элоиза вышла из дома с большим чемоданом. Они уехали. Джордж Уорден к нам не обращался. Он все понял, когда вернулся домой и увидел, что ее вещи исчезли. Такое происходит сплошь и рядом, но Роза Фултон никак не может поверить, что ее дорогой муженек смылся с другой бабой. Поэтому она все время натравливает на нас частных детективов. Вы можете быть третьим частным детективом, нанятым ею. Она считает, что здесь с ним что-то случилось, а мы уверены, что с Фултоном ничего не произошло. Можете идти. Если эта безумная дамочка действительно наняла вас, вам лучше побыстрее сматывать отсюда удочки, приятель. Нас здесь немного, но мы знаем свое дело.

Коренастый полицейский в штатском отошел от двери и дал мне выйти. Никто, естественно, не предложил отвезти меня к «Хиллстон Инну», поэтому пришлось тащиться пешком.

В полуосвещенном баре «Хиллстон Инна» посетителей было мало. Я сидел за стойкой, вертел в руках стакан и удивлялся, как полиции легко удалось меня найти. Наверное, из регистрационного журнала мотеля.

Когда я заказывал коктейль, то увидел крупного мужчину, сидящего в другом конце стойки. Он был похож на водителя голубой машины, промчавшейся мимо нас с Фицем. Я моментально вспомнил, какой эффект произвело его появление на Фицмартина. Незнакомец заметил мой взгляд и отвернулся. У меня внезапно возникло ощущение опасности. Фиц тоже представлял угрозу, но его я знал. А в этом незнакомце присутствовал элемент таинственности. Он быстро допил виски и вышел из бара. Я уставился в стакан и увидел свой холодный труп. Такие видения часто преследовали меня и в лагере, и после него.

6

Утро субботы оказалось серым и мрачным, влажный ветер гнал по небу свинцовые тучи, в домах и магазинах горел свет.

Я покатался по городу и, в конце концов, решил попытаться найти хороший предлог для поездки к Рут. Так ничего и не придумав, поехал в Стаммам без всякого предлога. Рут работала в приемной госпиталя. Увидев меня, она тепло улыбнулась.

– Еще вопросы? – тихо спросила девушка.

– Нет. Просто плохое настроение.

– Подождите до двенадцати, – предложила Рут, посмотрев на часы. – По субботам мы работаем до обеда. Я вас накормлю, и мы придумаем, что делать.

В двенадцать Рут отвела меня в дом, и мы втроем пообедали в просторной столовой. Вскоре доктор отправился обзванивать фермеров, а я остался помогать Рут мыть посуду.

– Может, съездим за город? – предложила она. – У нас здесь очень красивые места.

– А вечером поужинаем вместе и сходим в кино?

– Решено. Сегодня ведь суббота.

Рут надела брюки, желтый свитер и твидовую куртку, и мы поехали за город. Рут показывала на фермы, мимо которых мы проезжали, рассказывала об их владельцах, их истории.

Она предложила заехать на Хайлэндское озеро и сказала, где нужно сворачивать. Примерно через милю стоял знак: «Владения Бака Стамма». Я осторожно и медленно ехал по скользкой дороге через лес, пока не выехал на берег маленького озера. У воды стоял домик с большим крыльцом. Между деревьями виднелись другие дачи.

Мы вошли в дом. В чистой и уютной комнате мебели почти не было. На стеллаже у стены стояли удочки, в углу виднелся большой каменный камин.

– Здорово! – вырвалось у меня.

– Мне всегда здесь нравилось. Если отец попытается продать дом, я закачу страшный скандал. Здесь я научилась плавать, здесь же сломала ключицу, упав с верхней кровати.

Рут улыбнулась. Мы стояли очень близко друг от друга. В ее задумчивой улыбке чувствовалась теплота и нежность.

С улицы доносились чириканье птиц и тихий шум моторной лодки. Наши взгляды встретились. С ее лица сошла улыбка, линии рта смягчились. Мы сделали шаг друг к другу, и я осторожно обнял ее. Сначала поцелуй был робким, затем стал яростным и голодным. Девушка крепко прижалась ко мне. Затем мы неловко разошлись, смущенные, как дети.

– Тал! Тал!.. – забормотала Рут. – Я знаю, знаю.

Она резко отвернулась и медленно отошла к окну. Я подошел к ней и обнял за плечи. Мне стало стыдно, стыдно своей лжи и страшно, что она все узнает.

Неожиданно Рут напряглась, прижалась к стеклу и внимательно вгляделась в озеро.

– Что случилось?

– Там какой-то зверь. Раньше тот участок принадлежал Уорденам. Видишь дом с зеленой крышей? А теперь смотри чуть правее крыльца. – За кустами я увидел что-то громоздкое. Мне даже показалось, что это – медведь. Рут отошла и вернулась с биноклем. Она навела его на противоположный берег озера и сказала: – Это – человек. Взгляни.

Я взял бинокль. Рослый мужчина в коричневом костюме без шляпы как раз поднимался на ноги. Этот парень проехал мимо нас с Фицем на голубом автомобиле, и его же я видел в баре «Хиллстон Инна». Он отряхнул колени, затем нагнулся и поднял какой-то длинный предмет.

– Дай-ка мне. – Рут забрала бинокль. – Я знаю теперешнего владельца дачи. Это – не он.

– Может, какой-нибудь рабочий?

– Не думаю. Он поднимается на крыльцо, пытается открыть дверь. Эй! Он выбил окно рядом с дверью, забрался на подоконник... – Рут посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. – Послушай, Тал. Да это же вор! Поехали туда!

– Не лучше ли обратиться в полицию?

– Подожди минуту. – Она бросилась в спальню и вернулась с длинноствольным автоматическим пистолетом и коробкой патронов. Рут умело вытащила обойму, зарядила пистолет и протянула мне. – Ты с ним выглядишь более внушительно. Пошли.

Дороги вокруг озера не было, и нам пришлось вернуться назад мили на четыре, чтобы попасть на проселок, ведущий на противоположный берег озера. Около подъезда к дому, загородив дорогу, стоял голубой автомобиль. Поэтому мы пошли пешком. Я жестом велел Рут остаться, но, когда двинулся дальше, услышал за спиной ее шаги. Из-за угла дома вышел мрачный незнакомец. Увидев меня, он резко остановился. Его глаза метнулись к пистолету, затем он посмотрел на Рут.

– Зачем вы залезли на чужую дачу? – сердито поинтересовалась Рут.

– Полегче, леди. А вы, приятель, уберите пистолет.

– Отвечайте на вопрос. – Я продолжал держать его под прицелом.

Однако он вел себя так раскованно, словно пистолета не существовало. Я почувствовал себя дураком.

– У меня есть лицензия частного детектива, приятель. Смотрите, не сделайте во мне дырку, пока я буду доставать бумажник.

Из бумажника он извлек карточку в целлофановой корочке с фотографией, отпечатком большого пальца и двумя внушительного вида подписями должностных лиц штата Иллинойс. Мильтон Д. Грассман, сорок один год, рост шесть футов один дюйм, вес двести пять фунтов.

– Но что вы тут расследуете? – удивилась Рут.

– Да так, просто, – улыбнулся частный детектив и с презрением добавил: – А вы кто такая, леди? Может, это вы нарушаете чужие границы?

– Вы работаете на Розу Фултон? – спросил я.

Улыбка мгновенно исчезла. Он словно окаменел, даже, кажется, перестал дышать. У меня сложилось впечатление, что за пустым грубоватым лицом скрывается быстрый и сообразительный ум.

– Боюсь, я не знаю никакой Фултон, – после несколько затянувшейся паузы ответил он. – Кто вы, приятель?

– Мы сообщим в полицию, – храбро заявила Рут.

– Пожалуйста, леди. Будьте примерной гражданкой, позвоните в полицию.

– Пошли, Тал, – позвала она меня.

Когда мы садились в машину, я оглянулся. Грассман стоял около своего автомобиля и закуривал.

Пока мы возвращались на дачу Стаммов, Рут подозрительно молчала.

– В чем дело? – наконец, не выдержал я.

– Не знаю. Сначала я подумала, что ты солгал мне, потом поверила, а сейчас опять засомневалась.

– Как это?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я думаю. Ты страшно напугал его этой Розой Фултон. Это даже слепой бы заметил. Элоиза Уорден убежала с мистером Фултоном. – Она повернулась ко мне. – Что ты делаешь в Хиллстоне, Тал? Если это твое настоящее имя.

– Я уже тебе говорил, что я делаю в Хиллстоне.

– Почему ты тогда спросил его о Розе Фултон?

– Вчера вечером меня задержала полиция. У них появились сведения, что миссис Фултон наняла уже третьего по счету частного детектива, и они подумали, что это – я. Перед

тем, как отпустить, допросили. Вот у меня и мелькнула мысль, что этим частным детективом вполне может быть Грассман.

Мы вылезли из машины. Рут продолжала подозрительно смотреть на меня.

– Тал, в чем дело? Неужели ты не можешь мне все рассказать?

– Послушай, Рут... Я... Действительно приехал по другому делу. Но тебе лучше об этом не знать.

– Но это связано с Тимми?

– Да.

Она заперла дом, и мы поехали в город. Всю дорогу Рут молчала. Когда приехали, она быстро открыла дверцу.

– По твоей милости я выглядела настоящей дурой. Столько тебе рассказала. Я хотела тебе помочь, а ты даже не собирался писать о Тимми.

– Извини, Рут.

– Толку-то от твоих извинений. Но я готова дать тебе последний шанс, Тал. Посмотри на меня и скажи, что тебе нечего стыдиться, что ты не задумал ничего плохого.

Я заглянул в серые глаза и не знал, что сказать. Рут вскочила с сиденья, хлопнула дверцей и, не оглядываясь, побежала к дому. Судя по всему, я потерял больше, чем ужин и поход в кино. Рут не относится к женщинам, которым можно лгать. Теперь моя выдумка с книгой казалась весьма сомнительной. Я поехал в город и заехал выпить в «Хиллстон Инн».

Перед тем, как уйти, разменял два туристских чека. Потом посетил немало баров. Помню, как распевал во все горло. На улице мне стало плохо, и я долго искал свою машину. Я осторожно поехал в мотель, стараясь держать один глаз закрытым. Когда смотрел обоими глазами, разделительная полоса шоссе начинала двоиться.

Воскресенье оказалось точной копией прошлого вечера. Опять – бары, опять – виски, опять – пьяный туман.

В понедельник я встал только в одиннадцать. С полдюжины стаканов воды утолили жажду. В голове ритмично пульсировала ноющая боль. После душа стало чуть легче, и я решил, что пора уезжать. Но не знал, куда.

Я собрал вещи, оставил чемоданы в номере и отправился на улицу открывать багажник. Около машины стояла большая собака и, опираясь передними лапами на дверцу, заглядывала в окно. Увидев меня, она отбежала и почему-то завыла. Что могло привлечь собаку в моей машине?

Я рассеянно заглянул в окно и надолго замер. На полу возле заднего сиденья лежало большое тело с согнутыми ногами и повернутой набок головой. Череп был проломлен. От такого зрелища меня затошнило.

Я поспешно вернулся в свою комнату. Сунул один чемодан в шкаф, открыл второй и отнес туалетные принадлежности в ванну. Затем выскочил на улицу.

Собака опять скулила у машины. Я сел в машину и поехал в сторону, противоположную городу. Не хотелось рисковать, чтобы кто-нибудь, пока я буду стоять перед светофором, увидел труп. Вспомнив о брезенте, я съехал на обочину, дождался, пока дорога не опустеет, и накрыл Грассмана.

Бесцельно поехал дальше, затем остановился, чтобы все обдумать. За спиной почти физически ощущалось присутствие трупа. Какой смысл выяснять, когда тело положили в машину? Я даже не мог вспомнить всех мест, где останавливался за последние два дня.

Почему его спрятали в мою машину? Понятно, кто-то хотел избавиться от трупа, отвести от себя подозрения. По характеру раны я понял, что убийство оказалось незапланированным – один очень сильный удар, проломивший череп.

Естественно, мои мысли сразу же обратились к Фицу. Из всех моих знакомых в Хиллстоне он больше всех подходил на роль убийцы и обладал достаточной силой и жесто-

костью, чтобы убить такого человека, как Грассман. На меня Грассман произвел впечатление крепкого и ловкого парня, которого непросто лишить жизни.

Но зачем Фицу навлекать на меня подозрения? От простого ответа у меня кровь застыла в жилах. Он нашел Синди, которая знает, где находится тайник. Может, деньги уже у него.

В первую очередь, необходимо избавиться от трупа. Его нужно спрятать где-нибудь в пустынном месте. В полицию обращаться, конечно, нельзя. Естественно, в холодных глазах лейтенанта Стивена Прайна не появится понимание.

Шло время, а я не мог ничего придумать.

Должна же существовать причина для убийства Мильтона Грассмана. Если спрятать труп, появится время для передышки. Рано или поздно полиция выйдет на меня, но к тому времени я буду знать, почему убили детектива и кто убийца. Хотя я уже сейчас не сомневался, что убийца – Фицмартин. Но почему он убил Грассмана?

Я тронулся с места. Милях в девяти от города увидел подходящую дорогу и свернул налево. Когда я выехал из леса, слева показалась одинокая каменная печь, стоящая на месте сгоревшего дома. Неподалеку находился полуразрушенный амбар, похожий на громадное серое чудовище со сломанным позвоночником. На дороге, кроме меня, никого не было. Я свернул на заросшую травой узкую грунтовку, объехал фундамент и остановился за амбаром.

Я открыл заднюю дверцу и заставил себя схватить толстые лодыжки Грассмана. Окоченение уже началось, и я с трудом вытащил труп. На полу машины что-то лежало. Предмет наполовину выкатился из-под сиденья, и я увидел, что это – короткий кусок трубы с темно-коричневым пятном на конце. Я отправился искать место для трупа. В задней стене амбара зияла большая дыра, через которую я залез внутрь. Через многочисленные дыры в крыше светило солнце.

Вернулся к телу. Подтащил к амбару, кое-как втянул его в дыру и отволок в темный угол. На полу валялось немного полусгнившего сена, которым я и накрыл труп Грассмана. Затем вернулся за трубой, обернул ее сухими листьями, отнес в амбар и бросил в кучу сена. Наконец, выбрался наружу.

Что за человек был этот Грассман, думал я? Что заставило его выбрать такую профессию, грязную, скучную и нередко опасную? Грассман производил впечатление крутого парня, но тело, лежащее под соломой, как небо от земли, отличалось от тех ловких и умных сыщиков, о которых пишут в книгах и которых показывают в кино. История его жизни подошла к концу.

Я проверил машину. Половик в четырех местах оказался испачкан кровью, но сиденья и дверцы, похоже, остались чистыми. Свернул половик и положил на переднее сиденье рядом с собой.

Я поехал в другую сторону, потому что машина, проехавшая по проселочной дороге туда и обратно, легко запоминается. Мили через три выехал к перекрестку и повернул на север. Как и надеялся, скоро показалась свалка. Я швырнул свернутый коврик и забросал его каким-то мусором. Проезжая мимо своего мотеля, с удивлением обнаружил, что только четверть второго. После обеда в ресторанчике на Делавэр-стрит я увидел на улице миссис Пат Рорик со множеством свертков.

– Здравствуйте, мистер Ховард, улыбнулась она.

– Ничего не вспомнили, миссис Рорик?

– Не знаю, поможет это вам или нет, но я вспомнила одну мелочь. Восьмой класс поставил спектакль по «Золушке», и Тимми Уорден принимал в нем участие. Я забыла, кто играл главную женскую роль, но мне тогда показалось смешным, что Тимми называл ее Синди. Скорее всего это – ерунда.

– Кто знает. Спасибо.

– Я рада, что встретила вас. Даже не знала, стоит ли звонить по такому пустяку. Ну, мне пора бежать. Это – мой автобус.

– Я отвезу вас.

– Нет, не беспокойтесь.

Мне удалось убедить ее, что мне все равно нечего делать. Мы сели в машину, и она сложила свертки на коленях. Я подумал, что бы сказала миссис Пат Рорик, если бы знала, что находилось в этой самой машине всего какой-то час назад.

– Как мне узнать, кто была эта девочка?

– Не знаю. Прошло столько времени, что едва ли кто-нибудь это помнит. У них тогда была классным руководителем мисс Мэйджер. Потом я тоже училась у нее. Умная женщина. Она и написала тот сценарий. Даже не знаю, что она делает сейчас. Кажется, вышла замуж и уехала. В школе, наверное, знают. Зайдите в школу имени Джона Дэвиса. Она находится на Холли-стрит, рядом с мостом.

7

Поднявшись на школьное крыльцо, я услышал детские голоса, повторяющие что-то хором. Они навевали сон.

В приемной сидела девушка нервного вида и стучала на машинке, покусывая нижнюю губу.

– Я ищу мисс Мэйджер, которая здесь работала. Кажется, она преподавала в восьмых классах.

– Миссис Стернс проработала здесь двадцать два года и должна ее помнить. Шестнадцатая комната на этом же этаже, сразу за углом.

– Мне бы не хотелось прерывать занятия.

– Чуть-чуть подождите, – посоветовала она. – Последний урок скоро закончится.

Я нашел шестнадцатую комнату и принялся ждать. В школе царила тишина, затем кто-то включил магнитофон, и раздалась громкая музыка. Из всех кабинетов повалили дети, одетые в школьную форму.

– Миссис Стернс!

– Да, я миссис Стернс, – ответила полноватая женщина с волосами, похожими на серую вату, и с блестящими темными глазами.

– Меня зовут Талберт Ховард. Вы знали мисс Мэйджер? Она работала здесь.

– Конечно, я отлично знаю Катерину. Хорошо, что вы напомнили. Нужно будет как-нибудь забежать к ней.

– Она живет в городе?

– Да, бедняжка.

– Она больна?

– Я думала, вы знаете, – ответила миссис Стернс. – Около десяти лет назад Катерина неожиданно ослепла. Для всех нас это оказалось сильным ударом. Я чувствую себя виноватой, что редко ее навещаю.

– Вы не могли бы мне сказать, где она живет?

– На память не помню, но ее адрес есть в телефонном справочнике. Это – где-то на Финч-авеню.

Катерина Мэйджер жила в маленькой квартире на первом этаже старого дома. Из ее квартиры громко раздавалась классическая музыка, но я так и не сумел вспомнить название симфонии. После моего стука в дверь музыка стихла.

Дверь открыла женщина в голубом платье. Ее седые подстриженные волосы окаймляли умное, волевое лицо. Когда-то в молодости мисс Мэйджер была потрясающей женщиной, она и сейчас оставалась красавицей. Когда я заговорил, мисс Мэйджер посмотрела мне прямо в глаза. Трудно было поверить, что она – слепая.

Я представился и объяснил, что хотел бы поговорить об одном из ее учеников.

– Входите, пожалуйста, мистер Ховард. Садитесь в красное кресло. Я как раз пила чай. Не хотите присоединиться ко мне?

– Нет, благодарю вас.

– Ну, тогда хотя бы попробуйте печенье, – предложила хозяйка. – Моя подруга печет очень вкусное печенье.

Мисс Мэйджер поставила тарелку именно в то место, куда надо. Я взял одно печенье и поблагодарил ее. Она нашла чашку и поднесла к губам.

– О ком вы хотите поговорить?

– Вы помните Тимми Уордена?

– Конечно, помню. Такой красавец! Мне рассказали о его смерти. Просто ужас. Я очень расстроилась. Месяцев шесть-семь назад ко мне приходил человек, который сказал, что сидел с Тимми в одном лагере. Я так и не поняла, зачем он приходил. Его фамилия Фицмартин, и он задавал весьма странные вопросы. Мне было с ним как-то не по себе. В нем что-то... нехорошее. Понимаете, когда теряешь одно чувство, обостряются другие.

– Я тоже сидел в том лагере, мисс Мэйджер.

– О, извините. Наверное, мистер Фицмартин – ваш друг?

– Нет.

– Это хорошо. Надеюсь, вы не будете задавать странные вопросы, мистер Ховард?

– Мисс Мэйджер, простите меня, но я хочу задать один тоже довольно странный вопрос. В лагере Тимми рассказывал о девушке по имени Синди. Я пытаюсь найти ее... по личным причинам. Одна из ваших учениц, Синди Киршнер, сказала, что вы написали сценарий для восьмого класса, когда в нем учился Тимми Уорден. Сценарий по «Золушке». Тимми рассказал о Синди перед самой смертью, и я подумал, может, он имел в виду девушку, которая играла роль Синдереллы. Вы не помните, кто играл роль Синдереллы в том спектакле?

– Конечно, помню. Ее звали Антуанетта Рази. Подождите-ка. Сейчас я вам кое-что покажу. – Она вышла из комнаты и вернулась минут через пять с фотоальбомом. – После того, как я выучила систему Брайля, мы с подругой разложили все фотографии. Я их пометила и теперь знаю, где что лежит. В этом альбоме – выпускные снимки. Я храню фотографии всех своих выпускных классов, хотя они мне сейчас ни к чему, – грустно заметила мисс Мэйджер. – Кажется, Антуанетта стоит во втором ряду слева. – Она протянула фотографию. – Видите девушку с длинными и густыми черными волосами и угрюмым лицом? Я даже представить ее не могу улыбающейся.

– Вроде бы я ее нашел.

– Антуанетта доставляла нам немало хлопот. Она была чуть старше остальных, наполовину – француженка, наполовину – итальянка. Терпеть не могла дисциплину и всегда была источником неприятностей. Но она мне нравилась, мне казалось, я понимаю ее. Антуанетта родилась в очень бедной семье, и, наверное, дома ей не хватало тепла. Рази жили на северной окраине, там, где расширяется река. По-моему, мистер Рази имел лодку и летом перевозил пассажиров, а зимой подрабатывал чем придется. Я дала Антуанетте роль Синдереллы, чтобы вовлечь ее в общественную жизнь класса.

– Тимми дружил с ней?

– Да, дружил. Иногда я спрашивала себя, хорошо ли это. Она казалась довольно... ну, не по годам развитой в некоторых вопросах, а Тимми был таким славным мальчиком.

– Он мог называть ее Синди после спектакля?

– Думаю, да. Подростки обожают прозвища.

– Хочу поблагодарить вас за помощь, мисс Мэйджер.

Она проводила меня до двери.

Я подумал, что, кажется, нашел Синди. Вспомнил, как говорил о ней Тимми. Несмотря на слабость, в его голосе слышалась почти любовь. «Синди должна знать». Странная

фраза. Не «Синди знает», а «Синди должна знать». Наверное, она знает, где находится тайник, но не знает, что в нем спрятаны деньги.

Развалюха Рази стояла на самом берегу реки. Крыльцо сильно покосилось, на грязном дворе валялись какие-то автодетали, на веревке сушилось белье, с дерева уныло свисала автомобильная шина и новая блестящая телевизионная антенна.

Когда я выходил из машины, сбежались дети. В дверях показалась крупная беременная женщина. Она враждебно уставилась на меня.

– Вы – Рази? – поинтересовался я.

– Раньше была Рази, а сейчас – Дойль. Что вам нужно?

– Я ищу Антуанетту Рази, – объяснил я.

– Зачем вам понадобилась Антуанетта?

– Я должен ей кое-что передать от одного ее друга.

– У нее уйма друзей, – фыркнула миссис Дойль. – Антуанетта сейчас живет в Реддинге. Она не приезжает в Хиллстон, а я не езжу в Реддинг. Старик помер, а Дойль не может выносить даже ее вида, так что, она здесь больше не бывает. А ведь я – ее единственная сестра. Правда, Антуанетта присылает детишкам деньги, но не пишет и не звонит.

– Чем она занимается?

– Гуляет, по-моему, напропалую. – Миссис Дойль хитро улыбнулась.

– Где я могу ее найти?

– Поездите по барам. Загляните в «Ацтеку», «Каб Рум» или «Дублон».Она что-то говорила об этих забегаловках. Может, вы ее там и сыщете.

До Реддинга оказалось шестьдесят миль, и, когда я туда добрался, уже стемнело. Город был раза в два больше Хиллстона, и весь сверкал зазывающими неоновыми вывесками. На вечерних улицах попадалось много полицейских, женщин. Повсюду слышался звон колокольчиков на дверях баров. «Ацтека», «Каб Рум» и «Дублон» располагались в западной части города, на широкой улице. Из «Ацтеки» я направился в «Каб Рум», а оттуда – в «Дублон». Везде интересовался Антуанеттой Рази, но каждый раз встречал непонимающие взгляды, удивленные пожатия плечами и один и тот же ответ бармена: «Никогда не слышал о такой».

Слова миссис Дойль натолкнули на мысль, что я мог бы найти помощь в полиции. Полицейский участок располагался в новом здании. За длинной изогнутой стойкой из нержавеющей стали сидел дежурный сержант.

– У нас должно быть что-то о ней. Надо проверить. Подождите минутку. – Он куда-то позвонил, но ждать пришлось довольно долго. Наконец, сержант поблагодарил собеседника по телефону и положил трубку. – Ее задерживали пару раз. Она называлась Антуанеттой Рази, но здесь все ее знают под именем Тони Разель. Представляется эстрадной актрисой. Мне сейчас сказали, что она пела какое-то время в одном баре, а вообще – проститутка, хотя и довольно необычная. Последний ее адрес – «Глендон Армс», дорогой многоквартирный дом в западной части города. Оба раза ее задерживали по обвинению в шантаже, но таком хитром, что на нее так и не удалось ничего повесить. Будьте с ней осторожны, она водится с крутыми ребятами. Здесь таких полно.

Я поблагодарил сержанта и вышел на улицу. Сначала зашел в «Ацтеку».

– Ну, что, так и не нашли ту девчонку? – поинтересовался бармен.

– Я узнал, что сейчас она называет себя Тони Разель.

– Черт, я же ее знаю! Время от времени она к нам заходит. Может, и сегодня заглянет.

Я зашел в два других бара. Там ее тоже знали, но сегодня не видели.

Затем вернулся в «Ацтеку». Бармен, с которым я уже познакомился, сообщил, что Тони Разель сидит в казино с генералом. Она – в белой блузке, темно-красной юбке и вечернем шарфе темно-красного цвета.

Я дал ему пару долларов и поднялся в казино. У входа купил фишек. В огромной, ярко

освещенной комнате толпился народ. Я увидел широкоплечего мужчину в военной форме, который держался очень уверенно. Антуанетта Рази стояла рядом и смеялась. Ее лицо не сильно изменилось по сравнению со школьной фотографией. Взлохмаченные волосы напоминали черный шелк с синеватым отливом, обнаженные смуглые плечи сверкали при искусственном свете. Антуанетта обладала такой жизненной энергией, что рядом с ней остальные женщины казались сонными мухами.

Генерал играл в рулетку. Я подошел к столу и встал напротив. Генерал торжественно ставил на черное. Когда проигрывал, Тони смеялась. Ему это не особенно нравилось, но он терпел. Я поставил на 29, но следил не за колесом, а за Рази. С четвертой попытки я выиграл тридцать шесть долларов, затем начал ставить на красное и продолжал выигрывать. Тони заметила мой взгляд. Генерал тоже обратил на меня внимание и мысленно приказал мне совершить самоубийство.

В конце концов, генералу пришлось отправиться за новыми фишками. Как только он отошел, я тихо позвал:

– Антуанетта?

– Мы знакомы? – Она настороженно посмотрела на меня.

– Нет. Я хочу поговорить с вами.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Антуанетта Рази. Мне рассказал о вас Тимми Уорден. Помните такого?

– Еще бы. Сейчас я не могу разговаривать. Позвоните завтра в полдень. Восемь, три, восемь, девять, один. Запомнили?

– 83891. Запомнил.

Вернулся генерал и подозрительно уставился на меня. Я отошел от стола.

В мотель я вернулся в первом часу ночи. У входа, как всегда, горела вывеска «Мест нет». В моем номере было темно, и я мгновенно уснул.

8

Я позвонил Антуанетте Рази в полдень. После десятого звонка, когда я уже собирался вешать трубку, она подошла к телефону.

– Кто? – сонным голосом спросила Тони.

– Тал Ховард. Мы с вами разговаривали вчера вечером в «Ацтеке» о Тимми Уордене. Вы просили позвонить.

– Ах, да. – Она громко зевнула. – Выпейте кофе и приходите ко мне минут через сорок. Я живу в «Глендон Армс».

Я просидел полчаса в кафе, читая газету, потом легко нашел «Глендон Армс». Здание оказалось напыщенным – полосатые навесы, мощные стеклянные двери, мозаичные полы в холле и нагло улыбающийся портье. Он позвонил Рази и сказал, что мисс Равель живет на третьем этаже в квартире 3А, и что я могу подниматься.

Антуанетта Рази открыла дверь с улыбкой. Я ожидал увидеть на ее лице усталость после бессонной ночи, но она выглядела свежей, сияющей и полной сил. Большая копна черных волос была зачесана назад и закреплена заколкой.

– Привет, Тал Ховард. Хотите еще кофе? Пошли.

Мы вышли на маленькую террасу. В небе ярко светило солнце. На столике со стеклянной крышкой стоял кофейник с чашками, лежали булочки и масло.

– Как вы меня нашли, Тал Ховард?

– Через вашу сестру.

– О, Господи! Анита превратилась в страшную неряху. Все из-за муженька, который считает себя пупом земли. Ну, как там Тимми? Он был моей первой любовью. Как поживает этот красавчик?

– Он умер.

Антуанетта побледнела.

– Да, с вами не соскучишься. Как это произошло?

– Мы с ним попали в плен в Корее. Спали в одной палатке. Он заболел и умер. Там мы его и похоронили.

– Какой кошмар! Такой славный парень. Целый год мы с ним поддерживали отличные отношения, но потом он начал думать о своем социальном положении и перестал со мной встречаться. Я его не виню. Что взять с мальчишки? У меня тогда была подмоченная репутация. Впрочем, как и сейчас, – усмехнулась Тони.

– Он упоминал о вас в лагере.

– Правда?

– Только называл вас Синди.

Несколько секунд девушка озадаченно смотрела на меня.

– Ах, да, совсем забыла! Знаете, это – всего лишь шутка. В восьмом классе у нас была учительница, которая помешалась на общественной жизни. А я больше всего на свете любила свободу. Она взяла и сунула меня в этот спектакль на роль Синдереллы. Тимми играл принца. После спектакля он называл меня Синди. Черт, жаль Тимми, очень жаль!

– Я вернулся и попытался найти Синди. Я не знал вашего теперешнего имени. Я встретился с мисс Мэйджер. Несколько лет назад она ослепла...

– О, Господи, Тал. Какой кошмар!

– Извините. Во всяком случае, она помнила, кто играл роль Синдереллы. Я отправился к вашей сестре. Она сказала, где вы. Когда я не сумел найти вас сам, я обратился в полицию. Мне дали там ваше теперешнее имя. Так что, поиски оказались нелегкими.

– Полиция? – Тони холодно и подозрительно посмотрела на меня. – Они сообщили вам все пикантные подробности?

– Кое-что рассказали, хотя и немного.

– Я живу так, как мне нравится. Да, меня расстроило известие о смерти Тимми Уордена. Ах, эти воспоминания юности. – Она задумалась. –Тал Ховард, а сами-то вы кто?

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– Ну, чем занимаетесь? Женаты?

– Сейчас ничем не занимаюсь, не женат. В Хиллстон приехал с западного побережья. Постоянного места жительства нет.

– А теперь давайте о секрете.

– Я ищу одну вещь, которую Тимми спрятал перед отъездом в Корею. Я знаю, что это, но не знаю, где лежит. Перед самой смертью Тимми сказал: «Синди должна знать». Поэтому я и приехал к вам.

– Вы приперлись с самого западного побережья в поисках какой-то Синди. Значит, он спрятал что-то ценное. Например, кучу денег.

– Если вы мне поможете, я вам дам денег.

– Сколько?

– Все будет зависеть от того, сколько он спрятал.

– Ладно. Итак, он что-то спрятал. А сейчас приготовьтесь к большому разочарованию. Я не имею ни малейшего представления, где он мог спрятать что-то ценное.

– Вы уверены?

– Не смотрите на меня так. Понятия не имею, о чем говорил Тимми.

Я поверил ей.

– Здесь становится слишком жарко. Пошли в квартиру, – предложила Антуанетта Рази.

Мы вошли в гостиную. В ней было чисто и уютно, несмотря на то, что торшеры и лампы поражали безвкусицей.

Она уютно устроилась на диване с ногами и обхватила колени.

– Хотите, я расскажу о нас с Тимми? Не бойтесь, это – не такая уж и печальная история.

– Расскажите, если хотите.

– Вы – первый, кто ее услышит. Пожалуй, пришло время. Когда я закончила восьмой класс, мне исполнилось пятнадцать. До спектакля между нами ничего не было, но после пары репетиций мы подружились. Наша дружба больше напоминала отношения между мальчишками, чем парня с девушкой. Летом на каникулах Тимми много работал: подстригал лужайки, ковырялся в саду, зарабатывал деньги. Он приезжал на велосипеде. Затем нашел мне сломанный велосипед, починил его, и с тех пор мы ездили вместе. Тимми прикрепил на переднее колесо корзину, и однажды мы отправились на пикник. Отъехали от города миль на пятнадцать, пока не нашли лужайку с деревьями, как в парке. Поблизости не было ни одной живой души. Пекло солнце, и мы лежали в тени. Тимми уснул, а я смотрела на его лицо. Он спал, как ребенок. Я обняла его и поцеловала. Он проснулся. Тимми смешно испугался и в то же время сильно возбудился.

Всю дорогу домой мы молчали. С того дня мы как-то изменились по отношению друг к другу. Мы занимались любовью при первой возможности, и с каждым разом нам это нравилось все сильнее и сильнее. Все длилось года, наверное, полтора, но ни разу мы даже не заговорили о женитьбе. Жили сегодняшним днем. У нас появилось любимое место, которое принадлежало только нам двоим. Мы брали лодку и...

Антуанетта внезапно замолчала, и наши взгляды встретились.

– Теперь вы поняли, что он имел в виду? – тихо поинтересовался я.

– Кажется, да.

– Где это?

– По-моему, нам лучше отправиться за деньгами вместе.

– А что вам мешает отправиться туда одной?

– Так будет честно. Поверьте мне, Тал, я ничего не знала о деньгах. Сколько там?

Несколько секунд я пристально смотрел на Антуанетту Рази и оценивал ситуацию. Без нее мне денег не найти.

– Около шестидесяти тысяч, – наконец ответил я.

Девушка тихо охнула.

– Откуда у Тимми такие деньги?

– Он вел бухгалтерские книги всех четырех компаний, которые принадлежали Джорджу. За два года Тимми надоил с них шестьдесят тысяч.

– Почему Тимми так поступил с Джорджем? Это на него совсем не похоже.

– Он собирался бежать с Элоизой.

– С той дрянью, на которой женился Джордж? Я ее знала. Где она сейчас?

– Два года назад уехала с другим мужчиной.

– Может, она прихватила с собой деньги?

– Тимми сказал, что она не знала, где они лежат.

– Да, едва ли она смогла бы найти их. Это уж я гарантирую. Итак, деньги принадлежат Джорджу Уордену?

– Да, – ответил я после секундной паузы.

– Но они уже украдены?

– Да.

– И Джордж ничего не подозревает? Кроме нас с вами, Тал, о них никто не знает?

– Знает еще один человек. Его зовут Эрл Фицмартин. Он сидел с нами в лагере. Фиц сообразительный парень и может найти вас.

– Что он за человек?

– Хитер и страшно жесток.

– Мы можем... мы можем доверять друг другу, Тал?

– Да.

Мы обменялись торжественным рукопожатием. Она посмотрела на часы.

– У меня еще несколько дел. Можете подождать здесь или приехать позже. Я вернусь часа через три-четыре.

Тони сказала, что ей нужно переодеться, и я ушел. На улице подумал, что, может, вел себя, как последний дурак. Зашел в ресторан, но аппетита не было, потом отправился в кино.

В полшестого Тони не вернулась. Я весь вспотел, дожидаясь ее в холле. Она пришла без четверти шесть, бледная и расстроенная. Мы поднялись на лифте, и она, кусая губы, протянула ключ холодными пальцами. Как только вошли в квартиру, Антуанетта принялась мерить гостиную шагами.

– Что случилось?

– Заткнитесь и не мешайте мне думать. Лучше сделайте пока коктейли. Бар – там. Мне – скотч со льдом.

Выпив виски, Тони немного успокоилась.

– Извините за резкость, Тал, но я страшно злая. Не получается так, как я планировала. У меня есть кое-какие сбережения. Все деньги в банк клала я, хотя мне и принадлежит лишь небольшая доля. Но у моих друзей нашлись сильные возражения. Они прицепили ко мне хвост. Как вам это нравится? Ну, и пусть катятся ко всем чертям собачьим! Кто знает, может, они даже подумывают, чтобы схватить меня. Теперь я не сомневаюсь, что мне необходимо убираться из Реддинга. Кажется, я придумала, как это сделать. Поможете?

– Попробую.

– Я хочу уехать отсюда навсегда. Завтра, правда, не получится. Хочу попытаться забрать свою долю из общих денег. Приезжайте в четверг в десять утра. Машину поставьте на соседней улице. Я выберусь через подвал, и мы смоемся. Черт побери, как не хочется оставлять вещи.

– Если за вами следят, они не знают, что я сейчас нахожусь у вас. Вы выйдете из дома раньше меня. Они пойдут за вами, а я вынесу чемоданы.

– Отличная идея, – обрадовалась Антуанетта Рази.

Тони долго собирала вещи и закончила, когда уже стемнело. Она битком набила два больших чемодана.

– Оставьте их у себя.

– В мотеле?

– И, пожалуйста, закажите мне номер. Очень хочется надеяться, что все получится. – Она, кажется, успокоилась. – Если бы вы знали, как кстати ваша помощь. Я... не останусь в долгу.

Антуанетта Рази хотела, чтобы ее поцеловали, и я поцеловал ее. Поцелуй был таким долгим, что мы покачнулись, чуть не упав, и застенчиво улыбнулись друг другу.

– Пока хватит, – заявила девушка.

Я вынес чемоданы в коридор, а она направилась вниз. Я спустился через пятнадцать минут. Сунул чемоданы на заднее сиденье машины и поехал в Хиллстон. На окраине поужинал в ресторане для автомобилистов. Приехав в мотель, занес чемоданы в номер и спрятал в стенной шкаф.

9

Среда оказалась серым и угрюмым днем. Труп Грассмана я спрятал в понедельник, но казалось, что времени прошло значительно больше. События того страшного дня по-пре-

жнему стояли перед глазами, но сейчас они как-то отдалились. Когда полез в шкаф за одеждой, увидел чемоданы, и мне стало интересно, что же она решила взять.

Я положил большой чемодан на кровать. Он оказался не заперт и сразу открылся. Сверху лежали блестящие и дорогие меховые вещи. Тони очень аккуратно упаковала чемодан. Из-под мехов выглядывали костюмы, платья, юбки и блузки. Второй чемодан мало чем отличался от первого. От чистой одежды пахло духами. На дне чемодана в глаза бросился черный футляр. Я открыл его. На черном бархате сверкали и переливались всеми цветами радуги драгоценности: браслеты, кольца, клипсы. Трудно сказать, настоящие или искусственные были эти белые, зеленые и красные камни, но выглядели они потрясающе. Футляр разделяла перегородка, за которой лежала толстая пачка купюр. Я насчитал шесть тысяч сорок долларов.

После завтрака я отправился в хозяйственный магазин Джорджа Уордена. Я хотел еще раз поговорить с ним, как-нибудь подвести его к разговору об Элоизе и Фултоне. Может, он прольет свет на смерть Грассмана? Вне всяких сомнений, Фицмартин еще не нашел Синди. Версия о том, что смерть частного детектива из Чикаго связана с шестьюдесятью тысячами долларов, стала терять логику. Но почему же тогда Грассмана убили? Может, он поссорился с Фицем? Фиц мог случайно убить Грассмана. Но, пряча труп в мою машину, он мог потерять зарытые деньги.

С другой стороны, Фиц узнал о Синди, и ему могло показаться, что я уже не нужен. Он всегда отличался самоуверенностью, и с каждым часом у меня возникало все больше сомнений в его нормальности. Если Фиц встречался с Грассманом, то Джордж Уорден мог, сам того не зная, прояснить причины убийства частного детектива.

Но на двери хозяйственного магазина меня встретила вывеска: «Закрыто». Никакой дополнительной информации я не нашел.

Несколько минут я вспоминал, где живет Уорден. Кто-то сказал, что в «Белом отеле», который находится в трех кварталах от магазина. Отель произвел на меня удручающее впечатление. В холле в кожаных креслах курили и читали газеты старики. Двое угреватых мальчишек стояли у стойки, а портье со скучающим видом наблюдал за ними, гоняя во рту сигарету.

– Я хочу поговорить с Джорджем Уорденом.

– Второй этаж. Комната 203. Лестница справа. Несколько минут назад к нему поднялась девушка. Она присматривает за Уорденом, когда у него запой. Ничего страшного. Последние пару дней Джордж пил. Она пыталась дозвониться до него, но он не отвечал, поэтому она решила его проведать.

Я подумал, что это – Рут Стамм, и мне сильно захотелось ее увидеть, но я не знал, захочет ли она со мной разговаривать. В любом случае, беседовать с Джорджем при ней нельзя. Я начал медленно подниматься по лестнице.

Когда я почти поднялся на второй этаж, то увидел бегущую мне навстречу по темному коридору Рут. В широко раскрытых глазах девушки застыл ужас, лицо было белее бумаги.

Она удивленно посмотрела на меня и бросилась мне на грудь. Рут вся дрожала. Она прижалась лбом к моему подбородку, и, поворачивая голову из стороны в сторону, застонала. Через минуту кое-как взяла себя в руки и сказала:

– Джордж лежит у себя в номере на кровати.

– Подожди здесь.

– Н... нет, я побегу звонить в полицию.

Ее высокие каблучки застучали по деревянной лестнице. Дверь в 203 номер была распахнута настежь. На кровати лежал голый Джордж Уорден, рядом на полу валялось ружье, обмотанное полотенцем. Там, где пуля прошла через полотенце, ткань почернела. Я робко подошел к кровати и остановился в том месте, откуда была видна его простреленная голова. Я попятился к двери, медленно вышел в коридор и вытер лоб. Господи, как же все

это вынесла Рут? Теперь можно и на эту дверь вешать табличку «Закрыто. Закрыто навсегда».

В коридоре я услышал вой полицейских сирен. Портье выскочил из-за стойки, за ним бросились сидевшие внизу старики. Они оттолкнули меня и столпились в дверях номера Уордена, заглядывая внутрь.

– Господи! О, Господи... – прошептал один из них.

Кое-кого – Хиллиса, Брубейкера и Прайна – я уже знал. На этот раз командовал не лейтенант Стивен Прайн. Он выполнял распоряжения капитана Мариона. Капитан Марион, пухлый мужчина средних лет, хотел, чтобы все проходило тихо и мирно. У него было широкое улыбчивое лицо, негромкий жужжащий голос и голубые глазки, выглядывающие из-за густых светлых бровей.

Капитан решил провести не допрос, а скорее семинар. По поведению Прайна я видел, что он не одобряет действия начальника.

Нас отвезли в полицию, пригласили стенографиста. Марион извинился перед всеми за неудобства, причем извинился несколько раз. Он долго перекладывал бумаги с места на место, прежде чем откашляться.

– После того, как мы закончим, я скажу, сможете вы уезжать из города или нет. Полиция Хиллстона расследует обстоятельства смерти Джорджа Уордена. Я надеялся, что Джордж выкарабкается, но у него ничего не получилось. Очень жаль. Все оказалось напрасно. Джордж Уорден был умным парнем. – Я видел, как лейтенант Прайн нетерпеливо переминается с ноги на ногу. – У меня здесь записано, что тело обнаружено в 10.20 утра Рут Стамм. Рути, что ты делала в «Белом отеле»?

– Капитан Марион, у Джорджа не осталось ни одного друга, и время от времени я помогала ему.

– Ты встречалась с Тимми, не так ли?

– Да, но это было очень давно. Я старалась помочь Джорджу.

– Бак одобрял это?

– Не думаю. Вернее, точно знаю, что не одобрял.

– Ясно. Рути, почему ты оказалась там сегодня утром?

– Вчера после обеда я заглянула в магазин, но он был закрыт. Я встревожилась. Вернувшись домой, позвонила в «Белый отель». Дежурил Герман Уоткинс. Он сказал, что у Джорджа – опять запой. Утром я позвонила в магазин, но никто не ответил. Потом начала звонить в гостиницу, но Джордж не снимал трубку. С ним такое бывает. Я приехала и поднялась к нему. Дверь оказалась незапертой. Я открыла ее и... увидела Джорджа.

– Что ты собиралась делать у него? – поинтересовался капитан.

– Сварить кофе, прибраться. Ну, наверное, отругать, как раньше.

– Рут, ты можешь остаться или уйти, если хочешь. Так, переходим к следующему свидетелю, Талберту Ховарду. Вы пришли вслед за Рути. Что вы там делали?

Я увидел, что Рут Стамм начала вставать, но передумала и опять села.

– Хотел поговорить с Джорджем Уорденом. Увидев, что магазин закрыт, я поехал в отель.

– О чем вы хотели с ним говорить?

– Капитан, мы на прошлой неделе беседовали с этим человеком, – вмешался в разговор лейтенант Прайн. – Мы думали, что это его прислала Роза Фултон, но он утверждал, что пишет книгу о погибших военнопленных в корейском лагере. Раньше никогда не писал, сейчас нигде не работает, не имеет постоянного места жительства.

– Стив, ты слишком серьезно относишься к разным мелочам, – заметил капитан. – Может, этот парень на самом деле хочет написать книгу.

– Очень сомневаюсь, капитан, – возразил Прайн.

– О чем вы хотели поговорить с Джорджем, сынок?

– Я хотел побольше разузнать о Тимми. – Я взглянул на Рут, которая с презрением смотрела на меня. Она быстро отвернулась.

– Если вы не возражаете, капитан, я бы хотел, чтобы он остался, – попросил Прайн.

– Хорошо, Стив, – вздохнул Марион. – Останьтесь, мистер Ховард. Так, Герман, теперь твоя очередь, – обратился капитан к одному из стариков. – Доктор сказал, что Джорджа Уордена убили около полуночи. Немного расплывчато, но точнее он время назвать не может, боится ошибиться. Ты вернулся вместе с Джорджем?

– Нет, сэр. Вчера выдалась шумная ночка. Очень много постояльцев. Я слышал, что Джордж пил у Стампа до тех пор, пока тот не перестал его обслуживать. Он ушел из бара около десяти. Если честно, капитан, я играл в покер в подсобке. Оттуда стойка не видна, но, когда раздавался дверной звонок, я выходил. Я захватил с собой мистера Касвелла.

– Я – Касвелл, – взволнованно представился низенький старичок высоким голосом. – Вчера я шел за Джорджем Уорденом примерно метрах в пятидесяти. Как раз посмотрел на часы. Было 11.27. Мои часы никогда не опаздывают.

– Вы уверены, что это был Джордж Уорден? – спросил капитан Марион.

– Конечно, уверен. Господи, как же он нализался. Размахивал руками, еле на ногах стоял. Если бы не друг, он бы никогда не добрался до отеля.

– Какой друг?

– Не знаю, я его не разглядел. Только заметил, что он хромает. Этот парень отволок Джорджа прямо в отель. Когда я зашел, они уже поднялись наверх. На втором этаже страшно шумели, и я пошел туда. Гуляли у Лестера. У него было два галлона красного вина, по крайней мере, попойка началась с двух галлонов. Мне тоже налили, но вино сильно ударило мне в голову, и я прилег. К себе добрался только в три. Когда закрывал дверь, услышал шум, будто кто-то уронил книгу или упал со стула и ударился головой. Я прислушался, но шум не повторился, и я завалился спать. Теперь ясно, что это Джордж застрелился.

– Примерно сходится со временем смерти, которое предполагает доктор. – Капитан принялся изучать лежащие перед ним бумаги, шевеля губами. Наконец поднял голову. – Выводы делаю не я, а следователь. Но у меня есть кое-какие соображения по поводу этого дела. Джордж Уорден находился в состоянии ужасной депрессии. Он потерял жену, брата, почти все имущество, сильно пил. По-моему, у него имелись веские причины совершить самоубийство. Стив, ты не согласен? Что у тебя на уме?

– Капитан, не думаю, что все так просто. Я видел много самоубийств. Полотенце использовали вместо глушителя. Ни разу не слышал, чтобы самоубийцы обматывали ствол ружья или пистолета. Им плевать на шум. Кстати, завернутое в полотенце ружье находилось во рту Джорджа Уордена. Иногда самоубийцы кончают жизнь голыми. Здесь – все в порядке. Но у Джорджа на рубашке нет пуговиц. Возможно, он торопился, а может, кто-то, в спешке раздевая его, оторвал их. Под кроватью валялась наполовину пустая бутылка из-под виски с отличными отпечатками Уордена. Меня очень заинтересовал хромой.

– Что ты хочешь этим сказать, Стив?

– Похоже, после бара Джордж с кем-то встретился. Я разговаривал со Стампом. Джордж едва стоял на ногах и вряд ли сам бы дошел до отеля. Наверное, этот человек пошел с ним в магазин и взял ружье. Скорее всего засунул его в штанину, поэтому и хромал. Он оттащил Уордена в номер и налил еще виски. Когда Джордж окончательно отключился, этот человек раздел его, посадил на край кровати, обернул дуло полотенцем, сунул его в рот Уордену и нажал курок. Затем поставил отпечаток Джорджа на ружье и бутылку и вытер дверную ручку.

– Черт побери, Стив, ты всегда сгущаешь краски, – проговорил капитан Марион.

– Странные вещи у нас происходят. Сегодня принесли донесение из конторы шерифа. Какой-то парень по имени Грассман не появляется в мотеле с воскресенья. Он живет там уже пару недель. Мильтон Грассман из Чикаго. Среди личных вещей нашли кое-какие

документы, из которых следует, что он работает в чикагском частном сыскном агентстве и к нам приехал искать Фултона. Он жил милях в двадцати к северу от Хиллстона, рядом с дорогой на Реддинг. Вчера пригнали его машину, синий седан, последняя модель с иллинойсовскими номерами. Смотрите, что происходит. Грассман исчезает, оставив вещи и машину. Джордж Уорден неожиданно умирает. Грассман занимался в Хиллстоне поисками мистера Фултона, который уехал с женой Уордена. Как-то все это должно быть связано, и я хочу найти эту связь. Если найдем, то выясним, убили Джорджа Уордена, или он покончил жизнь самоубийством. Лично мне кажется, что убили, причем убили смело и дерзко. Убийца сильно рисковал. Кто убийца? Грассман? А может, этот человек, который утверждает, что пишет книгу? Кто убил Джорджа Уордена и почему?

– Что говорят чикагцы? Ты с ними уже связался?

– Нет.

– Позвони им, Стив, или пошли запрос по телетайпу. Пусть займутся этим агентством. Вдруг они захотят послать к нам кого-нибудь еще.

– Зачем? – не понял Прайн.

– Искать Грассмана, – мягко ответил Марион. – Ведь он тоже пропал.

Мне удалось выйти вслед за Рут. Она вела себя холодно, словно мы не были знакомы.

– Рут, когда-нибудь я тебе все объясню.

– Можешь не беспокоиться.

Мы стояли, раздраженно глядя друг на друга. Неожиданно в глазах девушки мелькнул смех, и я понял, что она изо всех сил старается не расхохотаться. В этот момент к нам подошел молодой человек с худощавым лицом и толстыми очками в роговой оправе.

– Привет, Алан! – поздоровалась Рут Стамм. – Алан, это – Тал Ховард, Алан Пиэри.

После того, как мы пожали друг другу руки, он сказал:

– Рути, я только что узнал, что мне поручили заниматься наследством Джорджа Уордена, вернее, тем, что от него осталось. Не знаешь, у него что-нибудь есть?

– Он все продал, Алан.

– Куда же тогда подевались деньги? – изумленно покачал головой Пиэри. – Я звонил в банк. У него – три счета: лесного склада, магазина и его личный. И на всех трех счетах чертовски мало денег. Ты – единственный человек, с которым он в последнее время довольно часто разговаривал. Куда делись деньги? За прошлый год Джордж столько всего продал. Что он с ними сделал, черт возьми? Играл на бирже? Карты, рулетка? Женщины? Наркотики?

– Он их, наверное, пропивал.

– Конечно, я знаю, сколько заплатил за дом Стайлер. Я знаю, сколько Джордж получил за аренду магазина на Делавэр-стрит, знаю, сколько выручил за грузовики. Даже если он не пил ничего, кроме «Наполеона» по двадцать пять баксов за бутылку, ему бы пришлось пропивать в день тысячу долларов.

– Может, деньги лежат на другом счету, Алан?

– Сомневаюсь. – Адвокат смущенно посмотрел на меня и добавил: – Он много задолжал Стампу и в отеле. Еще я слышал, что на прошлой неделе Сид Форрестер получил эксклюзивные права на лесной склад, единственное, что приносило Джорджу хоть какие-то деньги.

– А из его бумаг в банке, Алан, нельзя узнать, для кого он выписывал чеки? – спросила Рут.

– Нет, через банки мы ничего не узнаем. Он сам ходил в банк и снимал от пяти сотен до двух тысяч.

– Джордж не производил впечатление человека, который беспокоился о деньгах, – нахмурилась девушка.

– Я несколько раз пытался с ним поговорить. По-моему, его ничего не беспокоило. Ему было на все наплевать. Казалось, он от всей души веселился... над самим собой.

В этот миг меня словно осенило, и я удивился, почему не понял этого раньше. Вот так всегда – стоит сделать хотя бы одно правильное предположение, и все становится на свои места.

10

Рут и Пиэри продолжали разговаривать, но я их не слышал. Затем до меня дошло, что Рут обращается ко мне.

– Извини, я не расслышал.

– Я сказала, что мне пора бежать.

– Подожди минутку, пожалуйста, – попросил я. – Давай немного поговорим. И вы оставайтесь, мистер Пиэри. – Я заметил, что Рут замерзла. Солнце опять скрылось за тучами, и подул влажный апрельский ветер. – Можем посидеть в моей машине. Я хочу поговорить о том, что Джордж мог сделать со своими деньгами.

Они странно посмотрели на меня.

– Конечно, мистер Ховард, – согласился Пиэри.

Мы перешли через дорогу и сели в мою машину.

– Это – всего лишь мои предположения. Вы знаете, что Роз Фултон никогда не верила результатам расследования обстоятельств исчезновения ее мужа, проведенного лейтенантом Прайном. Когда Элоиза уехала с мистером Фултоном, Джорджа Уордена не было в городе. Сосед видел, как Элоиза вынесла из дома чемодан и положила его в машину Фултона. Предположим, что Элоиза не собиралась уезжать навсегда. Допустим, она хотела провести с Фултоном всего одну ночь. Дома, естественно, оставаться нельзя, может вернуться Джордж. Да и о соседях не следует забывать. Она не хотела ехать в гостиницу или какой-нибудь мотель – ее слишком хорошо знали в Хиллстоне. Поэтому Элоиза решила отправиться с мистером Фултоном на озеро и захватила с собой вещи, которые ей понадобятся на одну ночь. Тогда на озере кто-нибудь отдыхал?

– Это произошло тоже в апреле, – ответила Рут.

– Предположим, Джордж Уорден приезжает домой и не находит жену. Он начинает ее искать и, в конце концов, едет на озеро. Или, допустим, возвращаясь из деловой поездки, он зачем-то решил заехать на дачу, где и застал любовников. Что бы он, по-вашему, сделал?

– Я понимаю, к чему ты клонишь, – медленно проговорила Рут. – Знаешь, у меня странное чувство. Джордж любил Элоизу и верил ей. Кажется, он – единственный человек в городе, который не понимал, что она из себя представляет. Если бы Джордж застукал их вместе, он мог и убить.

– Итак, он убил любовников. Теперь необходимо избавиться от трупов. Он мог привязать к ним камни и сбросить в озеро, но, я думаю, он закопал тела. Скорее всего на своем участке. Долгое время Джордж чувствовал себя в безопасности, старался вести себя так, чтобы все думали, что Элоиза бежала, играл роль брошенного мужа. Затем кто-то нашел трупы, но этот человек пошел не в полицию, а к Джорджу.

– И начал его шантажировать, – подхватил Пиэри. – Он все требовал и требовал деньги, и Уордену пришлось продавать имущество, а когда он почти всего лишился, то застрелился. Значит, нужно искать человека, который внезапно разбогател.

– А если этот тип хитер и на время спрятал деньги, чтобы не привлекать внимания? – возразил я.

– Чем больше я об этом думаю, тем логичнее мне кажется ваша версия, мистер Ховард, – согласился Алан Пиэри. – Теперь остается все доказать, а это значит – найти тела. Я хотел бы услышать, что скажет миссис Фултон. Она два года изводит Прайна, посылая в Хиллстон частных детективов. Интересно, почему она так уверена, что с ее мужем что-то случилось? Миссис Фултон уже потратила на расследование кучу денег.

– Можно ей позвонить, – предложил я. – Если вы найдете ее адрес.

– Найду, – уверенно сказал он, выходя из машины. – Я мигом.

Позвонили из конторы Пиэри. Адвокат говорил из кабинета, а мы слушали по параллельному телефону в приемной.

– Как вы обо всем догадались? – послышался грубый женский голос.

– Вчера ночью мистер Джордж Уорден совершил самоубийство. Его смерть дала нам ключ к возможной разгадке исчезновения вашего мужа.

– Его убили в этом вашем Хиллстоне. А сейчас мне еще сообщили, что исчез Грассман. Когда вы там проснетесь? Что у вас за город такой, где все пропадают?

– Почему вы думаете, что вашего мужа нет в живых?

– Генри не относился к примерным мужьям, он гонялся за каждой юбкой. Я знала это и мирилась, потому что он всегда возвращался на задних лапках. Ему даже нравилось, по-моему, просить прощения. Роман с этой Уорден ничем не отличался от всех остальных. У нас – двое детей-школьников. Он их сильно любил и не смог бы прожить два года, не видя их. Нет, Генри обязательно бы дал о себе знать, если бы был жив. Лично я, поверьте, убеждена, что больше никогда его не увижу. Я настояла, чтобы он застраховал жизнь, чтобы осталось что-то детям. Но страховые компании, естественно, отказываются платить. Они обязаны заплатить через шесть лет после его смерти, которую еще необходимо доказать. Нам надо как-то протянуть четыре года. А как быть с колледжем для детей? Говорю вам, проснитесь и выясните, что случилось с Генри.

Миссис Фултон говорила еще долго, но не сказала ничего нового. Я положил трубку и посмотрел на Рут, которая слабо улыбнулась.

– По-моему, довольно убедительно, Тал, – тихо произнесла девушка.

– Очень убедительно, – согласился я.

Из кабинета вышел задумчивый Алан Пиэри.

– Допустим, я – шантажист. Случайно нашел трупы, а может, я сообразительный парень и нашел их далеко не случайно. О'кей, что я делаю? Необходимо все провернуть, чтобы никто не испортил мне игру. Значит, надо перепрятать тела так, чтобы их никто не обнаружил. С другой стороны, они должны быть под рукой. Я хочу, чтобы их присутствие было постоянной угрозой для убийцы, и чтобы они находились там, где, в случае необходимости, я бы смог их быстро достать.

– Мы с Талом видели Грассмана на озере, – сообщила Рут. – Сейчас он исчез. Он вполне мог найти там трупы.

– И шантажиста, – добавил Пиэри.

Я вспомнил странную беседу с Джорджем, когда он сказал, что не может дать мне работу, и предложил ружье. Он знал, что я приехал от Фица, и считал меня его другом. Наверное, Уорден подумал, что я потребую свою долю. Несомненно, шантажист – Фиц. Я вспомнил дорогой костюм. Он приехал в Хиллстон за деньгами, которые спрятал Тимми, и какое-то время жил в домике на озере. Фиц сказал, что денег там нет. Он все обыскал и нашел что-то ужасное и прибыльное – трупы.

Но больше всего меня убедила уверенность его в том, что Элоиза уехала без денег. Да, у него и чувство юмора не такое, как у нормальных людей. Элоиза и не собиралась уезжать. Неужели она такая дура, чтобы уехать, не дождавшись Тимми? Она ведь знала о деньгах. Правда, у Тимми хватило ума не сказать ей, где тайник.

– Что будем делать? – поинтересовалась Рут Стамм. – Наверное, нужно все рассказать капитану Мариону.

Мы стояли на берегу озера, такого же серого, как и сам день. Я, Рут Стамм, Алан Пиэри, сержант Брубейкер, лейтенант Прайн. Ветер стих, и озеро напоминало стальную тарелку. В тишине раздавалось эхо голосов. Из домика вышел капитан Марион с молодым крепким парнем в плавках. На спине висели баллоны с воздухом, а маску он поднял на лоб. Парень торопливо направился по тропинке к воде с серьезным и важным видом.

– Попытайся не отклоняться от линии, – посоветовал капитан. – Вода очень мутная. Как свет?

Полицейский щелкнул водонепроницаемым фонариком.

– Сойдет.

– Ну, и ерунда все это, – негромко, чтобы не услышал капитан Марион, произнес лейтенант Прайн.

Ему никто не ответил. Брубейкер отошел в сторону. Я взглянул на Рут, которая, сжав губы, наблюдала за аквалангистом, входящим в воду. Зайдя по пояс, он надел маску и сунул в рот трубку. Затем посмотрел на нас, сделал шаг вперед и исчез, оставив после себя на поверхности озера небольшие круги, которые постепенно разошлись.

Потянулись долгие и томительные минуты. Мы тихо болтали. На далеких холмах чернели сосны.

Неожиданно футах в сорока от берега из воды показалась голова в маске. Парень подплыл к берегу и дрожа вылез из воды.

– Ну? – нетерпеливо обратился к нему Марион.

– Вот, сэр. – Парень протянул что-то капитану. На ладони Мариона темнела ржавая автомобильная зажигалка приборного щитка. – Я вынырнул прямо над машиной. Она стоит футах в пятидесяти от берега, завалившись набок. Серый «студебеккер» с иллинойсовскими номерами – CT 5851, пустой. Стоит на крутом склоне, но, по-моему, его нетрудно будет вытащить.

– Номер сходится, – неохотно признал Прайн. – Черт, как вы догадались?

– Стив, похоже, мы сели в лужу, – заметил капитан. – Судя по всему, Роза Фултон была права.

Из Хиллстона прибыл тягач, от которого в воду протянули трос. Когда стемнело, включили прожектор тягача и фары. Капитан Марион велел всем отойти в сторону, чтобы не мешались. Из города подъехали еще полицейские. Они обыскивали территорию дачи, проверяя землю длинными стальными щупами.

Усталый аквалангист вновь показался на поверхности озера и поплыл к берегу.

– Сейчас должно получиться, – сказал он. – Я зацепил крюк за переднюю ось.

– Ну-ка, попробуйте еще раз! – крикнул капитан Марион.

Зажужжала лебедка, и трос заметно натянулся. Я следил за барабаном, на который рывками по нескольку футов начал наматываться трос. Наконец, словно какое-то морское чудовище, из воды показалась серая машина. Там, где она цеплялась за скалы, блестели царапины. Тягач вытащил «студебеккер» на берег. С машины ручьями стекала вода. От нее пахло сыростью и водорослями.

Аквалангист скрылся в доме, а коренастый полицейский в форме ловко открыл багажник поднятого «студебеккера». Люди из конторы шерифа, приехавшие позже, подошли ближе. Послышались взволнованные возгласы. Фары ярко освещали полусгнившие чемоданы и одежду.

В багажнике я заметил красную пластмассовую женскую сумочку. Капитан вытащил сумочку и открыл ее. На землю выпала ржавая губная помада, и Марион нагнулся за ней, кряхтя. В сумочке еще оказался бумажник. Капитан Марион вытряхнул из него воду.

– Миссис Уорден, все верно, – сказал он, изучая намокшие удостоверения и карточки. – Можете тащить машину в город.

Через десять минут тягач и «студебеккер» скрылись в темноте. Я слышал, как надсадно урчит мотор тягача на подъеме.

– Капитан, ребятам продолжать поиски? – спросил лейтенант Прайн. – Уже темно и ничего не видно.

– Ладно, можно подождать до утра.

Большинство зрителей разошлись. Рут вернулась в город с Пиэри. К нам приблизился жилистый пожилой мужчина небольшого роста.

– Я же велел никому не подходить, – раздраженно бросил Прайн старику.

– Нечего на меня лаять, парень. Я хочу с вами поговорить.

– Убирайся!..

– Подожди, Стив, – мягко остановил лейтенанта капитан Марион. – Как вас зовут?

– Финистер, Берт Финистер. Говорят, что вы ищете исчезнувшие трупы. Выслушайте меня. Я живу по ту сторону дороги, а здесь работаю на дачах. Столярничаю, делаю каменные работы, чищу канализацию, ставлю причалы весной и снимаю осенью. Меня здесь все знают, а я знаю эти места.

– Итак, вы хорошо знаете озеро, – заметил капитан. – Если бы вы искали тела погибших, Финистер, где бы стали искать?

– Об этом я и хотел сказать. Я знаю все дачи и людей, которые здесь отдыхают. Знал Джорджа и Тимми, знал их отца. Знал и Элоизу. В прошлом году здесь появился этот Фицмартин. Наверное, он снял дачу у Джорджа. Впервые Джордж пустил на дачу чужого человека, а потом и вообще продал ее. Знаете, у меня сейчас немного работы. Все стараются почему-то сделать все сами, но у них ничего не выходит. Прямо зла не хватает! Фицмартин, например, вскопал весь участок. Не знаю, зачем он это сделал. Мог меня, по крайней мере, нанять. Потом он привез цемент, замешал его и зачем-то зацементировал пол в гараже. Неплохая работа для любителя. Я запомнил этот случай, потому что так у меня отнимают мой хлеб. Это было в прошлом мае. Если бы я искал трупы, я бы посмотрел там, под полом, потому что этот Фицмартин – противный мужик. Я пришел тогда помочь, но он прогнал меня. Шел со мной до самой дороги, вывернув мне руку, и еще заявил, что я нарушил чужие владения. Никто мне еще такого не говорил. Я рад, хоть дачу купил не он, а одна семья из Реддинга. Отличные ребята.

Капитан Марион посмотрел на Прайна.

– Фицмартин.

– Работает у Джорджа на лесном складе. Задержать?

– Сначала посмотрим, что в гараже.

– Этот цементный пол меня одурачил, – пожаловался лейтенант. – Я его тщательно осмотрел, но не нашел ни одной заплаты. Мне даже в голову не могло прийти, что можно весь пол...

– Я заметил в сарае кирку, – прервал его капитан. – Может, тебе немного помахать ею, Стив? По-моему, легкая разминка тебе не помешает.

– Да, сэр, – ответил присмиревший Прайн.

Машины с зажженными фарами поставили перед гаражом, и в нем стало светло, как днем. Прайн колотил киркой до тех пор, пока капитан Марион не сжалился. Из темноты показался Финистер с киркой и тяжелым ломом, и работа пошла быстро. Наконец, удалось поднять большую глыбу цемента. Работали молча. Долго не могли ничего найти. Когда я вышел покурить, из гаража донеслись слова:

– Ну-ка, подожди!

Я бросился назад, но, вспомнив, что они ищут, остановился. На улицу, согнувшись, вывалился Бен. Его вырвало. Наконец, он выпрямился и откашлялся.

– Ну что, нашли? – спросил я.

– Нашли. Прайн сказал, что это Элоиза – он помнит цвет ее волос.

В город я вернулся с капитаном Марионом, который был расположен поболтать со мной. Лейтенант Прайн выехал раньше, чтобы найти Эрла Фицмартина.

– Да, с этим Фицмартином придется повозиться. Что мы можем доказать? Шантаж? Но для этого необходимо найти деньги и иметь показания Джорджа Уордена. Сокрытие преступления? Он может сказать, что Джордж велел ему зацементировать пол в гараже, и он понятия не имел, что там внизу. Да, Стив ошибается, этот Фицмартин – крепкий орешек.

– Вы думаете, что здесь точно замешан Фицмартин?

– Да, это, наверняка, его рук дело, Фицмартина. Он выдоил Джорджа досуха. Похоже,

у Уордена не было выбора – или платить, или Фицмартин идет в полицию. На суде всплыли бы пикантные подробности об Элоизе. Джордж, наверное, подумал, что, когда у него закончатся деньги, Фицмартин, может, уедет, не сказав никому ни слова. Я одного только не могу понять – почему Фицмартин вообще начал искать тела? Его же не было в городе в момент убийства. Насколько я понял, он сидел в лагере вместе с Тимми. Но как мог Тимми узнать об убийствах? В этом деле есть несколько вопросов, которые без помощи Фицмартина нам не прояснить.

Я видел, в каком направлении работает его мозг. Пару раз капитан пристально поглядывал на меня.

– Вы оказали нам немалую помощь, Ховард. Спасибо. Но мне не нравится ваша причастность к этому делу.

– Какая, капитан?

– Что-то вы уж слишком часто оказываетесь под рукой, когда возникает необходимость. Вы появляетесь в Хиллстоне, и здесь начинают происходить странные события.

– Совпадение, наверное.

– Вы знали Тимми и знаете Фицмартина. Может, еще до приезда в Хиллстон вы знали, что Фицмартин шантажирует Уордена. Не поэтому ли вы приехали к нам, Ховард?

– Не знал я ни о каком шантаже.

В машине раздался звонок радиотелефона, и Марион снял трубку. Я едва мог разобрать слова Прайна.

– Фицмартин исчез. Я разослал описание и его, и машины. Он жил на складе. Вещи тоже исчезли. Обогреватель был слегка теплый, так что, Фицмартин уехал не так уж давно. Может, перекрыть дороги?

– Черт, я же тебе объяснял, Стив, что у нас не хватит ни машин, ни людей, чтобы перекрыть все дороги.

– Что вы предлагаете, сэр? – робко спросил лейтенант.

– Подождем, может, кто-нибудь его заметит. – Марион положил трубку. – О'кей, Ховард. Вы, кажется, неплохо знаете Фицмартина. Откуда он родом?

– По-моему, из Техаса.

– Он что-нибудь рассказывал о родственниках?

– Фицмартин никогда не отличался особой разговорчивостью.

– Да, так мы ничего не узнаем. Где вас высадить?

– Я оставил машину напротив конторы Пиэри.

– Хочу поблагодарить вас, Ховард, за отличную догадку. Только не могу до конца понять, догадка это была, или вы знали. Еще мне интересно узнать цель вашего приезда.

Я думал, что Марион – дружелюбный, деликатный пожилой полицейский, но с каждым часом мое мнение о нем все больше и больше менялось. Опасным я считал Прайна, который оказался дураком. Капитан Марион, в отличие от лейтенанта, был очень умен.

– Я ничего не скрываю, капитан.

– Джордж мертв, Грассман пропал, мы нашли два трупа, а сейчас еще и Фицмартин ударился в бега. Я не успокоюсь, пока не найду связи между всеми этими событиями.

– Извините, но я не могу вам ничем помочь.

– Жаль, сынок. Спокойной ночи.

Они поехали дальше. Шел одиннадцатый час, и я здорово проголодался. Через двенадцать часов предстоит забирать Антуанетту Рази, а если повезет, еще через двадцать четыре часа меня здесь уже не будет.

Я нашел какую-то забегаловку. Когда допивал кофе, зашел сержант Брубейкер. Он сел рядом со мной и угрюмо открыл меню.

– Чертовски долгий день, – проворчал сержант.

– Это точно.

– И он еще не закончился. Едва ли кому-нибудь этой ночью удастся поспать.

– Мне показалось, что капитан Марион решил дождаться, пока Фицмартина кто-нибудь заметит.

– Нет, я говорю о девушке.

– О какой девушке? – Мне внезапно стало холодно.

– О Стамм. Я думал, вы уже знаете. Пиэри привез ее в город и высадил около машины. Машину нашли на Делавэр-стрит, а сама она пропала.

Горло у меня перехватило. Интересно, когда полиция обо всем догадается? Рут выглядела задумчивой и тихой, когда уезжала с озера. Она, конечно, вспомнила, что Фицмартин вел себя очень странно и наверняка отправилась к нему. Откуда ей знать, что он убийца? К тому же она явно недооценивает его ум. Фицмартин быстро догадается, что машину нашли, и полиция обыскала дачу. Пора сматываться, решит он. Сейчас я мог представить, что произошло с Грассманом. Он пришел к тем же выводам, что и я, и нанес визит Фицу. Может, Грассман хотел подоить его. В отсутствие хозяина он, наверное, обыскал жилище и нашел огромную сумму денег. В этот момент вернулся Фиц, убил частного детектива, отвез труп в город и спрятал ко мне в машину.

По характеру удара, проломившего Грассману череп, можно было предположить, что убийство оказалось непредумышленным. Убив Грассмана, Фиц увяз еще глубже. Он принялся ждать, когда меня упрячут за решетку по обвинению в убийстве частного детектива из Чикаго. Увидев меня на свободе, он понял, что мне удалось избавиться от трупа и никто его не видел в моей машине. Следовательно, когда тело найдут, улики, возможно, приведут полицию как ко мне, так и к нему.

Фиц, наверное, предположил, что его могут допросить в связи с убийством Грассмана, и понял, что Джордж Уорден становится слишком опасен. Джордж мог раскрыть мотив убийства частного детектива. Следовательно, Уордена нужно было убрать. И Фиц убивает его, сильно при этом, правда, рискуя. Прайн здорово объяснил про полотенце, использованное при выстреле как глушитель.

И вот теперь, когда Фиц думает, что он обо всем позаботился, появляется Рут Стамм. Если он уедет, она немедленно поднимет шум. Ему необходимо время, чтобы тихо убраться из Хиллстона. И он может убить ее. В конце концов, какая ему разница – трупом больше или меньше.

– Что-то вы сильно вспотели, – заметил Брубейкер. – Здесь, вроде, не так уж и жарко.

Я выдавил слабую улыбку и попрощался. Расплатившись, вышел на улицу. Перед глазами возникла мертвая Рут Стамм с рыжими волосами, разметавшимися по сырой земле. Больше всего поразила внезапная боль потери. Наверное, я недооценил ее значение для меня. Как она могла занять такое большое место в моей жизни за столь короткое время? Шарлотта уже совсем стерлась из памяти.

11

Я поехал в полицию и потребовал приема у капитана Мариона. Через пятнадцать минут меня пропустили к нему.

Я заявил, что исчезновение Рут Стамм как-то связано с Фицем. Усталый и постаревший за последние сутки капитан кивнул, словно знал об этом раньше.

– Она довольно хорошо знала Джорджа, – заметил он. – Наверное, Рут вспомнила какие-нибудь странные слова Уордена о Фицмартине и попыталась сама все прояснить. Мне пришла в голову эта мысль, и она мне явно не понравилась. Я послал на лесной склад своих людей, чтобы они там все тщательно обыскали. Еще я подумал, что Грассман, наверное, тоже догадался. Поэтому, скорее всего, с ним что-то и произошло. Спасибо, что пришли, Ховард.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– У вас ужасный вид. Лучше немного поспите.

Я поехал в мотель. Предстоящая утренняя встреча с Антуанеттой сейчас потеряла всякую важность. Я приехал в Хиллстон за сокровищем и думал, что найду его в земле, но отыскал совершенно в другом месте. Самое обидное, что я не понял это сразу и вел себя, как последний дурак. Я попытался сыграть роль вора, но у меня ничего не получилось. Деньги – ерунда, пыль, лишь Рут имеет значение. У меня появился такой шанс, и я упустил его, а два шанса судьба никогда не дает.

Я открыл дверь ключом, вошел в номер и потянулся к выключателю. Из темноты возникла какая-то фигура и нанесла мне страшный удар в челюсть. Вспыхнула боль, и я рухнул в бездну.

Очнулся я в освещенном месте, но не увидел ничего, кроме яркого света, который резал глаза, и я тут же их закрыл. Кто-то связал за спиной мои руки, и я лежал в неудобном положении. Даже не мог закрыть рот, заткнутый чем-то мягким.

Я опять открыл глаза и, скосив их в сторону, увидел, что нахожусь в маленькой ванной мотеля. Дверь была закрыта. Я лежал на полу. На краю ванны сидел Эрл Фицмартин в брюках цвета хаки и смотрел на меня. Его бесцветные волосы были взъерошены. Я сразу почувствовал, что он уже переступил черту, отделяющую нормальных людей от сумасшедших, и понял, что попал в клетку с хищным зверем.

Он встал, опустил крышку унитаза, легко поднял меня и посадил на нее.

– Мы будем говорить шепотом, Тал. Шуметь не будем. Если ты начнешь кричать, я сломаю тебе шею голыми руками. Это для меня, ты знаешь, раз плюнуть! Кивни, если обещаешь вести себя тихо.

Я кивнул. Он вытащил из кармана складной нож, открыл и несколько секунд держал холодное лезвие около моего горла. Затем, странно улыбаясь, разрезал кусок простыни, державший тряпку во рту. Я вытолкнул ее языком, и она упала к моим ногам.

– Где Рут?

– Не так громко. Говори тише. Рут – в надежном месте. С ней все в порядке.

– Слава Богу!

– Не Богу, а мне. Это у меня появилась идея сохранить ей жизнь. Я уже собирался перерезать ей горло, когда спросил себя, а может, она еще пригодится? Поэтому я решил не трогать девчонку.

– Где она?

– Недалеко, где-то с полмили отсюда, но ты не знаешь, в каком направлении. Рути приехала ко мне на склад немного поболтать. Полиция нашла трупы?

– Да, они сорвали пол в гараже.

– Теперь им надо бы допросить Джорджа, но Джордж не скажет ни слова. Я выманил у Уордена сорок семь тысяч семьсот долларов, а могло бы быть и больше. И чего он сразу сдался? Ведь мог же опять взяться за дела, все поправить.

– Ты ужасно рисковал, убивая его.

– Ты мне, конечно, не поверишь, но я не убивал его, – улыбнулся Фицмартин. – Он начал приходить в себя, когда я его раздевал, и мне пришлось влить в него еще виски. Затем посадил его на край кровати, обмотал дуло полотенцем и сунул ему в рот. Он не падал, только благодаря этой подпорке – ружью. Я ждал момента, когда у соседей будет особенно шумно. Хотел застрелить его, Тал. Знаешь, когда разрабатываешь план, хочется претворить его в жизнь. Но Джордж открыл глаза, посмотрел на меня и, прежде чем я успел его остановить, нажал большим пальцем ноги на курок. Даже не знаю, случайно это произошло или нет. Как ты думаешь?

– По-моему, он сделал это специально.

– У меня возникло чувство, что он застрелился, чтобы пошутить. Шутка удалась. Ему никогда ничего не удавалось. Он плохо женился и не смог как следует закопать трупы в землю. Мне казалось, что я нашел под соснами на берегу озера шестьдесят тысяч баксов,

но это оказались трупы. Я сначала расстроился, Тал, но потом понял, нашел почти то же самое.

– Полиция сейчас тебя ищет.

– Думаешь, меня это беспокоит? Плевать я хотел на полицию! Скорее это ты должен беспокоиться. Где труп Грассмана? Не думал, что тебе удастся выкрутиться. Ты меня даже немного удивил, Тал. Я думал, что со страху наложишь в штаны. Что ты сделал с его трупом?

– Спрятал в заброшенном амбаре.

– Готов побиться об заклад, ты славно попотел. Грассман оказался сообразительным мужиком. Он все скумекал и явился за бабками. Я поймал его, когда он рылся в моих вещах. Сначала мы беседовали вполне мирно, но потом он начал грубить. Я рассердился и слишком сильно его ударил. Да, ему не повезло. Затем сунул труп в багажник. Я не знал, где его выбросить. Хотел где-нибудь на улице, чтобы подумали, что это – ограбление, но потом случайно наткнулся на твою машину и сэкономил кучу времени. После убийства Грассмана я понял, что и Джорджа необходимо убрать. Он – единственный, кто мог раскрыть мои отношения с Грассманом. Я неплохо все спланировал, и мне повезло. Но времени на Синди совсем не осталось. Как у тебя с ней дела?

В этот миг меня осенило. Только благодаря жадности Фица я могу теперь выиграть время, а может, и свою жизнь.

– Я нашел ее.

– Сто семь тысяч мне нравятся больше, чем сорок семь, – объявил он после секундной паузы.

– Они тебя поймают.

– Сомневаюсь. Они могли бы поймать меня, если бы я перерезал Рут горло, как хотел, но я сдержался. Тогда бы они слишком усердно стали меня искать. Сейчас же у меня есть, чем торговаться, Тал. Эта девчонка. Если она для тебя ничего не значит, жаль. Я убью тебя здесь, потом убью ее и уеду. Не могу допустить, чтобы ты рассказал полиции о Джордже и Грассмане, а потом еще и прихватил мои шестьдесят тысяч баксов. Пусть уж лучше они не достанутся никому.

– Все равно их найдет Синди. Она знает, где они.

– Где они?

– Она не сказала. Пришлось все ей открыть, я не видел иного способа. Она... скорее из твоей породы. Завтра в десять утра я должен забрать ее из Реддинга, и мы отправимся за деньгами.

– Ты вешаешь мне лапшу на уши, приятель. – Он злобно улыбнулся. – Перепугался и начал рассказывать байки. Ты – умный парень и поэтому придумал эту историю.

– Это правда.

– Что-то сильно сомневаюсь. По-моему, ты завтра никуда не поедешь. Мне наверняка понравится треск твоей шеи, когда я буду ее ломать.

– Загляни в шкаф в спальне. Там лежат ее чемоданы.

Фицмартин в первый раз заколебался. Он выключил свет в ванной и вышел. Через несколько секунд вернулся с чемоданом, закрыл дверь и вновь включил свет. Фиц открыл чемоданы и удивленно уставился на одежду.

– Шикарные тряпки. Ее? Зачем они здесь?

– Мы собирались забрать деньги и уехать вместе.

Я видел, что он почти поверил.

– Но мне что-то не очень нравится идея отпускать тебя одного за деньгами. Я не смогу следить за тобой.

– Фиц, послушай. Мне плевать на деньги! Можешь забирать их все вплоть до последнего цента. Я отдам их в обмен на Рут Стамм. Смотри, у тебя будет сто семь тысяч. Полиция считает, что Джордж совершил самоубийство. Может, они никогда не найдут труп

Грассмана. Я накрыл его сеном, а амбар наполовину развалился, и сейчас там никто не бывает. Если отпустишь Рут, полиция будет искать тебя спустя рукава, и ты будешь в безопасности.

– Лжешь! Ты все это придумал только сейчас.

– Нет. Хочешь, я докажу, что мы собирались уехать после того, как найдем деньги? Найди на дне чемодана, что поменьше, маленький черный футляр. Он лежит под одеждой… Да, это он. Загляни под перегородку.

Фицмартин достал деньги, согнул пачку и сунул в карман рубашки, затем долго и пристально смотрел на меня.

Следующие полчаса я до сих пор не могу вспоминать без содрогания. Он опять затолкал мне в рот кляп. У Фица были сильные руки, маленький острый нож, и он знал, где находятся нервы и болевые точки. Время от времени он прерывал пытку и ждал, когда я приду в себя, вытаскивал кляп и задавал вопросы. От боли и унижения я плакал, как ребенок. Один раз даже потерял сознание. Наконец, Фиц поверил, что Рут для меня дороже денег. Он выяснил, что мы с Рази отправимся за деньгами на лодке, и скорее всего наше путешествие начнется от ее дома. Фицмартин убедился, что больше я ничего не знаю.

После этого он разрезал веревку на моих руках. Фиц абсолютно не рисковал, развязывая меня. Я так ослаб от боли, что не мог представлять для него даже малейшей угрозы.

– Заберешь деньги и принесешь их сюда! – велел он.

– Нет.

Он быстро шагнул ко мне. Я не выдержал и вздрогнул, потому что прекрасно помнил, как он только что издевался надо мной.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я не верю, что ты сдержишь слово. Тебе не видать денег, если я не буду твердо знать, что с Рут все в порядке, что она – в безопасности.

– Может, ты и прав. – После долгой паузы он презрительно пожал плечами. – Чего ты хочешь?

– Перед тем, как передам тебе деньги, я хочу удостовериться своими глазами, что Рут Стамм жива. Баксы можно передать у реки. Если ты попытаешься обмануть меня, клянусь, я выброшу деньги в реку.

– Выбросишь? Ты заставляешь меня идти на большой риск. Я не могу показываться на людях.

– Я сделаю так, чтобы мы сели в лодку в час дня. Не знаю, далеко ли нам придется плыть и сколько на все уйдет времени. Привези Рут к дому Рази в два часа.

– Это очень рискованно, – продолжал упорствовать Фиц.

– Не бойся. Дом стоит в уединенном месте. У них нет телефона. По крайней мере, я так думаю. Я передам тебе деньги и подожду, сколько нужно. Больше я ничего не могу для тебя сделать. Да и с какой стати мне вообще помогать тебе?

– Но ты обещаешь оставаться там столько времени, сколько я скажу?

– Обещаю.

Он выключил свет и исчез. Когда хлопнула входная дверь, я, пошатываясь, вышел из номера. Луна спряталась, тихо шелестел ветер, стояла тишина. Фицмартина и след простыл. Ведь ночью он чувствовал себя, как рыба в воде.

У меня в машине лежала аптечка. Небольшие порезы слабо кровоточили. Надо было их промыть и забинтовать. Все тело ныло, я чувствовал слабость и тошноту, словно после долгой и тяжелой болезни.

Я лег в постель. Сейчас я не сомневался, что Рут жива, и верил, что его жадность окажется сильнее страсти убивать.

Интересно, где он держит Рут? Сказал, примерно в полумиле от мотеля. Может, она находится в его машине, припаркованной на какой-нибудь проселочной дороге, а может, он нашел заброшенный сарай.

Я лежал, не в силах заснуть, и пытался найти удобное положение. Начался дождь. Тихий шорох капель сменил ливень.

12

Проснулся я на рассвете. Дождь усилился. Я удивился, что вообще смог заснуть. Отправился принимать душ. От горячей воды заныли царапины и порезы. Из зеркала на меня смотрело незнакомое лицо с запавшими глазами.

Я молил Бога, чтобы Рут была еще жива, молил Бога, чтобы она пережила эту страшную ночь. Я был уверен, что этим утром меня обнаружили бы мертвым на кафельном полу ванной, не найди я Синди.

Я побрился, оделся и вышел из номера. Не успел пробежать десять футов, отделяющих дверь моей комнаты от машины, как промок до нитки. Я медленно направился в город с включенными фарами, вглядываясь в тяжелую завесу дождя. Зашел в закусочную. Из пластмассового приемника, стоявшего на стойке, звучали семичасовые новости из Реддинга: «...исчезновение Рут Стамм, единственной дочери Бакстона Стамма, доктора из Хиллстона. Полиция полагает, что молодую женщину похитил человек по имени Эрл Фицмартин, бывший морской пехотинец. Прошлый год Фицмартин отработал у Джорджа Уордена, бизнесмена из Хиллстона, который на этой неделе покончил жизнь самоубийством. Правда, кое-какие факты в этом трагическом происшествии дают основания считать, что это может быть убийство. Вчера полиция графства Гордс обыскала дачу, ранее принадлежавшую мистеру Уордену, нашла под цементным полом гаража тела Элоизы Уорден, жены Джорджа, и мистера Фултона, коммивояжера из Чикаго. Все думали, что они уехали из графства два года назад. Находка мертвых тел и машины мистера Фултона в озере дают полиции основания предполагать, что их обоих убил Джордж Уорден, застав вместе на даче. Начались интенсивные поиски Фицмартина и мисс Стамм. Полиция еще не сообщила подробности, но, несомненно, существует какая-то связь между телами, найденными на даче, и Фицмартином. Сегодня в Хиллстон прибудут детективы из столицы штата. Сообщаем приметы. Мисс Рут Стамм, двадцать шесть лет, рост – пять футов восемь дюймов, вес – около ста двадцати восьми фунтов, рыжие волосы, серые глаза. В последний раз видели в темно-зеленой юбке и белом свитере. Фицмартин, около тридцати лет, рост – шесть футов, вес около ста восьмидесяти фунтов, почти белые волосы, светло-серые глаза. Фицмартин может находиться за рулем черного двухместного «форда», модели 46 или 47 года, с номерами ББ 67063. Просьба ко всем, кто увидит похожих на это описание людей, немедленно позвонить в полицию. Дальнейшие подробности – в восьмичасовых новостях».

Я отправился в Реддинг. Навстречу попадались медленно двигающиеся машины с включенными фарами. Уже наступил день, но было так же сумрачно, как и на рассвете. В Реддинг я добрался почти в девять. Остановился около аптеки и позвонил Антуанетте Рази.

– Алло? – раздался хрипловатый голос Тони.

– Это Тал.

– Извините. Боюсь, вы ошиблись номером.

– Я буду на месте в десять, как договорились.

– Ничего, все в порядке. – Она положила трубку. Ее последние слова намекнули, что она не одна. Антуанетта попрощалась так, будто я извинился. У меня возникли опасения, успеет ли она подготовиться к десяти.

В полдесятого я позвонил опять. Тони сняла трубку после второго звонка.

– Алло?

– Это опять Тал.

– Да?

– Договор остается в силе или нет? Что происходит? Мне ждать вас в десять или не ждать?

– В эту субботу? Нет, извините, ради Бога, но я буду занята.
– Я – в аптеке. Номер 46040. Буду ждать вашего звонка.
– Нет, мне очень жаль. Может, как-нибудь в другой раз? Позвоните мне завтра.
– Позвоните, как только освободитесь.
– Спасибо. До свидания, – попрощалась Антуанетта Рази.

Я сел рядом с телефонной будкой и принялся ждать, прихватив газету и заказав еще кофе. За полчаса телефоном пользовались двое. Наконец, без пяти десять раздался звонок.

– Алло?

– Это вы, Тал? – раздался радостный голос Тони. – Извините, но раньше я не могла говорить. Остановитесь в квартале от моего дома и ровно в десять пятнадцать поезжайте в мою сторону. Когда увидите меня, откройте дверцу, но не останавливайтесь и не выходите. Я сяду сама.

Я начал нервничать. Откуда мне знать, во что она впуталась. Я знал, что она дружит с крутыми парнями, которые способны на все.

Ровно в десять пятнадцать я медленно поехал к ее отелю. Напротив дома, прислонившись к столбу, стоял мужчина в сером плаще.

Когда я приблизился к отелю, то еще больше сбавил скорость. Из подъезда выскочила Антуанетта Рази. Не останавливаясь, я распахнул дверцу, и девушка запрыгнула в машину. Она была в черном платье, надела черную шляпку с вуалью и держала в руках коричневый чемоданчик.

– Быстрее! – испуганно приказала Тони.

Я резко нажал на газ. Послышался гневный крик. Она оглянулась.

– Не останавливайтесь! Он бежит к машине, но она повернута в другую сторону. Они и на соседней улице на всякий случай поставили человека. Я узнала об этом только вчера после обеда.

Когда я проскочил перекресток на красный свет, раздался визг шин, гневно зашумели автомобильные сигналы. Тони постоянно оглядывалась. Минут через пятнадцать мы, наконец, выбрались на дорогу в Хиллстон.

Тони немного расслабилась и повернулась ко мне. Под левым глазом синел большой синяк, на щеке алел кровоподтек.

– Что случилось с лицом?
– Немного поколотили. Ребята здорово разозлились.
– Во что вы еще впутались, черт возьми?
– Не беспокойтесь, – успокоила она меня.
– Я хочу знать, чем рискую.
– Вы не рискуете ничем. Рискую я. Ребята ни в коем случае не хотят меня отпускать. Когда кто-нибудь уезжает, они начинают бояться, что получат повестки в суд. Они работали неаккуратно, и я многое знаю. У них есть два варианта: следить за мной и не трогать, или убрать. Они решили пока меня не трогать. Конечно, я вела себя глупо. Я веселилась и думала, что в любой момент могу выйти из игры, но кто знал, что они играют в такие серьезные игры.
– Значит, вы не собираетесь возвращаться?
– Я никогда не смогу вернуться в Реддинг. Не острите, лучше поезжайте быстрее.

За то короткое время с момента нашей последней встречи Антуанетта Рази сильно изменилась. Тогда в ней чувствовались высокомерие и уверенность, которые сейчас исчезли.

Я молча крутил баранку. Дождь, наконец, прекратился, и небо приняло какой-то желтоватый оттенок. Шины с неприятным мокрым звуком катились по дороге. Канавы вдоль трассы были наполнены водой.

Конечно, мне не нравилась сделка с Фицмартином. Антуанетта мне поверила, она не знала, что обстоятельства изменились, и я собираюсь предать ее. Я понимал, что нельзя

рисковать и везти ее в мотель. Она может заглянуть в чемоданы и обнаружить пропажу денег. Тони, естественно, потребует объяснений, а что я смогу ей ответить?

Я вынужден предать ее, потому что на одной чаше весов лежат деньги, а на другой – человеческая жизнь. Сейчас мне казалось нереальным, что я всерьез подумывал уехать с этой женщиной, которая молча сидит рядом со мной, нервно теребя пальцами темную ткань юбки. Теперь мне казалось, что я вообще зря ввязался в это дело. Моя Шарлотта осталась в далеком прошлом, чуть ли не в другом веке. Из лагеря я вернулся живым только наполовину, и вот сейчас я ожил полностью. Я знал, чего хочу и почему, и знал, что сделаю все, чтобы добиться этого.

Я задумался над тем, как бы протянуть время до часа, когда мы должны быть у домика Рази. Тони помогла сама, неожиданно спросив:

– Что происходит в Хиллстоне? Элоиза с дружком – под цементным полом в гараже, исчезновение Стамм, самоубийство Джорджа Уордена. Такое впечатление, что у вас жизнь бьет ключом.

– Как раз хотел поговорить об этом.

Антуанетта насторожилась.

– Я – чужой в Хиллстоне. Приезжий. За последние несколько лет там произошло много событий. Я, естественно, ни при чем. Вернее, я принимал участие в них как зритель, и больше ничего. Сейчас полиция вплотную принялась за дело. По-моему, лучше будет сначала забрать деньги, а потом поехать в мотель.

– Боитесь, что вас могут взять?

– Да, – кивнул я.

– Но за что? Мне все это не нравится. Если вас арестуют, то и мне несдобровать. Тогда обо мне узнают в Реддинге…

– Извините, но так получилось. Сначала мы должны отправиться за деньгами. Потом объедем город и незаметно подъедем к мотелю, заберем вещи и отправимся дальше, куда глаза глядят.

– Почему бы не сделать тот же круг и не забрать сначала вещи? – заметила Тони. – Найдем деньги и сразу поедем, куда захотим.

– Полиция знает, где я остановился. Вдруг они будут ждать меня в мотеле?

– Черт, как вам удалось все испортить, Тал Ховард?

– Ничего я не портил. Хиллстон – маленький городок, и в нем каждый приезжий – на виду. К тому же полиция сейчас ищет Фицмартина.

– Это человек, который знает о деньгах? – спросила девушка.

– Но он не знает, где они. Вы единственная знаете, где они спрятаны.

– Почему они его ищут? Из-за той девчонки? Полиция думает, что он похитил ее?

– И еще они думают, что Фицмартин нашел трупы Элоизы и Фултона и шантажировал Джорджа Уордена. Полиция считает, что Джордж не покончил жизнь самоубийством, а его убил Фицмартин. Еще его подозревают в убийстве одного частного детектива из Чикаго.

– Ты смотри, какой энергичный!

– Я оказался вовлеченным во все это, потому что мы втроем – я, Тимми и Фицмартин – сидели в одном лагере, – объяснил я.

– Так я и знала, что все покатится к чертям собачьим.

– Не будьте такой пессимисткой.

– Я не могу ехать в этой одежде. Надо где-нибудь купить джинсы. Я надеялась купить их в Хиллстоне, а теперь выясняется, что вам там лучше не показываться. Куда поедем?

– Вы знаете эти места лучше меня.

– Дайте-ка мне подумать.

Она сказала, где свернуть налево, и миль двадцать мы ехали по узкой дороге на восток от Хиллстона. Я медленно вел машину по узкой главной улице маленького, грязного

городка под названием Уэстонвилль, пока не показались магазины. Тони вышла из машины. Я зашел в аптеку за сигаретами. Минут через десять Антуанетта Рази вернулась с коричневым пакетом.

– Все в порядке. Я купила, что нужно, – сообщила она. – Поехали.

Мы поехали по дороге, ведущей в Реддинг.

– Найдите место, где можно съехать с дороги, я переоденусь, – попросила девушка. – Смотрите, вон там слева – проселок.

Я свернул налево. Проехав мимо двух старых ферм, мы въехали в лес. Асфальт закончился, и под колесами заскрипела глина. После очередного поворота я остановился.

Тони вылезла из машины, нагнулась над сиденьем и развязала сверток. В нем лежали темно-желтые брюки, дешевые спортивные туфли и шерстяная желтая рубашка. Она переодевалась, совсем меня не стесняясь. Ей было наплевать, отвернулся я или нет.

Мы въехали во двор дома Дойлей, бывшего дома Рази. Тони направилась к крыльцу, вокруг которого копошились цыплята. На крыльце лежала собака, заколотившая хвостом при виде Антуанетты. В дверях показалась Анита Дойль с грязным полотенцем в руке.

– Привет, Анита, – спокойно поздоровалась Тони.

– Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, Дойль не любит, когда ты приезжаешь.

– Ноги моей не будет в этом хлеву, Анита. Весла в сарае? Я возьму лодку. Мне нужно кое-что показать моему другу.

– Я не разрешаю тебе брать лодку.

– Можешь попробовать меня остановить, – насмешливо проговорила Тони. – Мне нужна лодка, и я беру ее.

– Ты что, не видела, какая сегодня река? Жить надоело?

Мы посмотрели на реку. Серая пенистая вода с бешеной скоростью мчалась мимо нас, производя устрашающее впечатление.

– Я плавала на лодке и не при такой погоде. Пошли, Тал.

Антуанетта выбрала два весла и проверила, одинаковой ли они длины. Мы подошли к тяжелой лодке и с трудом перевернули ее. Тони вставила весла в уключины, и мы поволокли лодку по грязи к воде. Когда спустили лодку в реку, ее подхватило течение, и нам пришлось изо всех сил удерживать ее.

– Да, течение действительно сильное, – заметила Тони. – Мы легко попадем на остров.

– Остров?

– Вон тот, видите? Нам нужно на него переправиться.

Остров находился ярдах в трехстах ниже по течению. Это был скалистый, заросший деревьями островок футов триста в длину и вдвое уже. Он делил реку на два бурных потока, с ревом обтекающих его берега.

– Я сяду на весла! – крикнул я, стараясь перекричать рев воды.

– Нет, я умею грести. Подождите, пока я устроюсь. Затем по моей команде запрыгивайте.

Она забралась в лодку и подняла весла над водой. Затем кивнула, и я прыгнул. Течение подхватило нас и начало поворачивать, но Рази с помощью весел удерживала лодку в нужном положении. Грести не пришлось совсем. Время от времени Тони оглядывалась через плечо и поправляла курс. Перед островком река разделялась. Рази сделала один сильный гребок, и мы помчались прямо на остров.

Лодка врезалась в размытый берег. Мы быстро выпрыгнули и затащили лодку на берег. В широко раскрытых глазах Тони неожиданно мелькнула печаль.

– Мы часто плавали сюда с Тимми. Пошли.

Я пошел за ней. Продираясь через кусты, мы поднимались по крутой тропинке.

Тони поднялась быстрее. Она остановилась наверху и подождала меня. Сейчас мы сто-

яли на самой верхней скалистой точке острова, метрах в шестидесяти над поверхностью реки. Я видел дом Дойлей, Аниту, медленно идущую по захламленному двору, видел, как блестит сквозь листья моя машина.

– Смотрите! – крикнула Тони.

К островку приближалась плоскодонка, которую крутило течением. Грязно-красная лодка на серой реке под желтым небом и человек с бесцветными волосами. Когда лодка приблизилась к острову, он поднял голову, и я увидел его лицо. Он тоже заметил нас на фоне желтого неба. Затем лодку закрыли карликовые деревья.

– Он – на острове, – сообщила Антуанетта Рази.

Значит, он следил за нами. Наверно, Фиц где-то достал лодку и ждал нас на противоположном берегу. Он, естественно, мне не поверил, а это может означать, что Рут Стамм мертва.

– Это – Фицмартин, – объяснил я.

– Что ему известно? Почему он преследует нас?

– Наверное, Фиц догадался, что мы приплыли за деньгами.

Она спокойно скрестила руки на груди.

– Ладно, Тал, это – конец! Можете сами искать деньги со своим дружком. Желаю удачных поисков! Черта с два я скажу, где они.

Я схватил ее за плечи и начал яростно трясти.

– Не будьте дурой. Он же ненормальный. Фицмартин уже убил двоих, а может, даже троих человек. Думаете, он будет вежливо вас расспрашивать? Через полчаса вы ему все расскажете, как миленькая. Выход один – надо бежать...

Антуанетта стряхнула мои руки со своих плеч. В ее глазах мелькнула неуверенность. Она посмотрела вниз на тропинку, закусила губу и, наконец, сдалась.

– Ладно, пошли.

– Мы можем сделать круг и выйти к лодке?

– Есть выход получше.

И я пошел за Антуанеттой Рази.

13

Мне показалось, что я услышал крик Фица, затерявшийся в реве реки. Я спускался вслед за Тони по извилистой тропинке к южному концу островка. Тропа вышла на ровную площадку, окруженную скалистыми стенами. Здесь отдыхающие разводили костры.

– Очень сильно заросло, – неуверенно пробормотала девушка.

– Что вы ищете?

Она подошла к одной скале, пристально посмотрела наверх и кивнула. Затем проворно, как кошка, начала карабкаться наверх, хватаясь за толстые стебли плюща. Добравшись до карниза, раздвинула стебли, повернулась ко мне и махнула рукой. Мои туфли скользили, но я кое-как поднялся к Тони. Девушка опять раздвинула траву и плющ, и я увидел черную дыру. Антуанетта, извиваясь, начала спускаться вперед ногами в темноту.

Я с трудом начал протискиваться в узкий проход. Тони помогала, дергая меня за ноги до тех пор, пока я не залез внутрь. После этого она прикрыла вход травой и стеблями плюща. Сначала я не мог ничего разглядеть, но постепенно мои глаза привыкли к полумраку. Через дыру с трудом пробивался слабый свет.

– Эту пещеру нашел Тимми, – прошептала Антуанетта Рази. – Он как-то лазал по скалам и случайно наткнулся на нее. Здесь всегда сухо и чисто. Видите, какой сухой песок и какой мягкий. Потрогайте. Эта пещера стала нашим домом, моим самым любимым местом на свете. Я сюда приходила и одна, когда становилось совсем... невмоготу. У нас здесь

была коробка со свечами, сигареты и всякая ерунда. Еще мы принесли одеяла и подушки. Никто не знал эту пещеру и не мог нас найти. Мы называли ее своим домом. Никогда не думала, что вернусь сюда.

– Значит, вы говорили об этом месте?

– Давайте посмотрим.

Копать в песке оказалось легко. Первую банку нашла Антуанетта и тихо вскрикнула от радости. Мы поднесли банку поближе к входу и при слабом свете легко открыли проволочный зажим. Я снял крышку. Банка была туго набита банкнотами.

Мы продолжали копать в том месте, где нашли первую банку, и нашли еще три. Поставили к стене и долго любовались ими. Через стеклянные стенки зеленели доллары. Я вспомнил, как раньше представлял этот момент. Я считал тогда деньги ответом на все вопросы, но сейчас они могли только помочь спасти человеческую жизнь.

– Он идет сюда, – прошептала Тони.

– Тал! Тал Ховард! – звал Фицмартин.

Мы лежали на локтях, приблизив головы к отверстию и почти касаясь щеками.

– Тал Ховард! – совсем близко раздался его крик. Фиц прошел под нами. Его голова находилась футах в шести-семи под карнизом.

Следующий крик донесся издалека, и, кроме шума реки, мы больше ничего не услышали.

– Что будем делать? – спросила она.

– Остается только ждать его ухода. С ним невозможно договориться. Он не идет ни на какие компромиссы, он уже переступил через эту черту. Придется ждать ночи. Не думаю, что он покинет остров. В темноте попробуем спуститься к реке. Вы умеете плавать?

– Конечно, – ответила Тони.

– Будем переправляться вплавь с деньгами.

Я не видел никакого смысла рассказывать ей о сделке, которую заключил с Фицем. Все и так пошло прахом. Я не сомневался, что, если он найдет нас, то убьет обоих. Ему нравится убивать. Он понимал, что мы – на острове, что найдет нас, и чувствовал к нам даже расположение, потому что мы доставим ему удовольствие.

Я лежал на боку, а Антуанетта устроилась рядом. В полумраке блестели ее глаза, сверкали зубы, слышалось легкое дыхание.

– Ну, что же, подождем, – сказала она. – Все получится. Доберемся до машины. Сейчас у нас столько денег, что нет смысла возвращаться за моими вещами. Будем ехать всю ночь, Тал. Вести будем по очереди. Отправимся в Новый Орлеан. Купим все новое и полетим сначала в Мехико. Потом в Гавану. Я раз была в Гаване. С... другом. Нет, не в Гавану. Куда мы полетим из Мехико?

– В Рио, Буэнос-Айрес, потом в Париж.

– Конечно, в Париж. Я всегда страшно хотела побывать в Париже.

Мы надолго замолчали. Потом она опять повернулась ко мне. Я положил руку на ее талию и услышал учащенное дыхание.

Я не стараюсь найти себе оправдание. До этой минуты Антуанетта особенно меня не привлекала как женщина. Просто в моменты опасности у людей появляются желания, спрятанные где-то глубоко. Хочется пожить всласть хоть напоследок. А может, все гораздо сложнее.

Когда это желание проснулось во мне, я знал, что безнадежно влюблен в Рут Стамм, знал, что женщина, лежащая в пещере рядом со мной, тверда, как камень. Но она находилась рядом, ее тело соблазнительно светилось в полумраке, а Рут была далеко.

Мне вполне хватило того, что Антуанетта – женщина. Однако первые же ее слова после прекрасных минут разрушили все иллюзии.

Надевая рубашку, Тони ударилась головой о потолок. И откомментировала то, что произошло, на блатном жаргоне. Я отвернулся, чтобы ее не видеть, и стал смотреть в отверстие. Между стеблями плюща футах в тридцати виднелась скальная стена. В этот

момент я заметил над стеной голову Фицмартина. Тони за моей спиной начала о чем-то говорить, но я быстро схватил ее за руку и сжал, предупреждая об опасности. Она немедленно замолчала и, облокотившись на мое плечо, тоже выглянула в отверстие. Хотя я и знал, что он не может нас увидеть, непреодолимо захотелось спрятаться поглубже.

Он стоял на скале, широко расставив ноги, и держал в руке пистолет. Желтое небо высветило дуло каким-то неестественным серым цветом. Фиц внимательно, фут за футом, изучал стену, в которой находилась наша пещера. Я непроизвольно вздрогнул, когда его взгляд скользнул по входу. Наконец Фиц отвернулся, спрыгнул вниз и исчез из поля зрения.

– Он страшно напугал меня, – прошептала Тони. – Его необходимо пристрелить при первой возможности, как бешеную собаку. Почему он смотрел сюда?

– По-моему, Фиц ищет нас методом отбора.

– Оттуда ничего не видно. Так, обычная тень. Даже если убрать траву и плющ, дыру трудно заметить. Она очень маленькая.

– Будем надеяться, что ты права.

Я продолжал дежурство у отверстия. И снова увидел Фица, спускающегося с дальней стены. Рука Антуанетты сжала мое плечо, она жарко задышала мне в ухо.

– Что он там собирается делать?

– Наверное, ищет наши следы. Если увидит, что они заканчиваются во впадине, то...

– Жаль, земля мягкая. Хоть бы не заметил, – прошептала Тони.

Фицмартин скрылся. Мы услышали громкий стук камня о камень и со страху забились в самый дальний угол пещеры. Долго царила тишина. Постепенно мы расслабились и придвинулись к месту, откуда было можно наблюдать.

Прошло не меньше получаса, прежде чем я заметил его на дальней стене, карабкающимся наверх. Он сел на вершине, тщательно прицелился куда-то правее нас и спустил курок. Звук выстрела, отнесенный ветром, оказался негромким. Фицмартин прицелился, на этот раз ближе к нам, и выстрелил.

Я понял, что происходит, слишком поздно и бросился в угол. Он выстрелил опять, и Антуанетта вскрикнула. Я видел, что пуля угодила ей в шею, прямо над левой ключицей. Она впилась ногтями в песок, выгнулась и затихла. Я вжался в стену. Он вогнал в девушку еще две пули, после чего наступила тишина.

В следующий раз Фиц выстрелил под другим углом. Пуля отлетела от стены и заметалась по пещере, ударив в стены так быстро, что звуки слились в один, затем упала на песок. Очередная пуля тоже срикошетила. Я почувствовал боль и подумал, что он попал в меня. Но оказалось, что это острые каменные осколки угодили в правую щеку. Дальше отодвигаться было некуда. Если Фиц найдет правильную позицию, он легко попадет в меня. Если не найдет – меня убьет шальная пуля. Я прикрылся телом Антуанетты. Фицмартин выстрелил еще несколько раз. Одна из шальных пуль с такой силой сорвала подошву с моего башмака, что нога онемела.

От боли я громко застонал, и стрельба прекратилась. Через несколько минут раздался спокойный голос Эрла Фицмартина:

– Ховард! Ховард, выходи!

Единственный мой шанс заключался в том, что он подумает, будто убил нас обоих. Я выполз из-под трупа Рази. В пещере не было ни одного камня, который можно было бы использовать как оружие. Только банки с деньгами.

Я схватил одну банку и притаился слева от входа. Послышался звук падающих камешков. Я понял, что он поднимается. Через несколько секунд задрожали стебли плюща, закрывающие отверстие. Я приготовился швырнуть банку ему в лицо, но в пещеру медленно вползла жилистая рука, как бы приглашая меня схватить ее. Фиц, как всегда, выбрал лучший вариант. Я знал, он ждет, что я схвачу его, и приготовил в другой руке пистолет. Фицмартин просунул руку дальше. В отверстии показалось его плечо, но голову я так и не увидел.

Коричневая рука начала шарить по песку. Дотронулась до темных волос Антуанетты. Затем он коснулся согнутого колена девушки и пощупал материал джинсов. В этот момент до меня дошло, что он думает, будто это мое колено. Подплывая к острову, он видел Тони только до пояса.

Фиц удовлетворенно фыркнул, и я приготовился. Он просунул обе руки в пещеру и начал протискивать голову. Я знал, что полумрак не позволит ему сразу увидеть меня. В одной руке Фицмартин держал пистолет. Как только в отверстии показалась его голова, я изо всех сил ударил банкой по лицу.

Банка разбилась, и осколки порезали мою руку. Я попытался схватить пистолет, но Фиц оказался проворнее и моментально исчез. Послышался глухой шум падения. Я понял, что нельзя давать ему время опомниться. В спешке выбираясь из пещеры, в нескольких местах содрал кожу. Он стоял под карнизом на коленях, упираясь руками в землю, и медленно качал головой. Нас разделяло футов двенадцать, может, чуть больше. Я спрыгнул вниз, на спину Фица, и своей тяжестью вдавил его в землю. От удара и сам не устоял на ногах. Я начал подниматься, ожидая неминуемого выстрела, но Фиц лежал неподвижно, касаясь кончиками пальцев пистолета. Я поднял люгер и попятился, не сводя взгляда с Фицмартина.

В конце концов, я набрался смелости, подошел и перекатил его на спину. Он был мертв. Фиц погиб необычной смертью – сорвавшись с узкого карниза вместе с толстыми кусками разбитой стеклянной банки, оглушенный, он встал на колени и попытался прийти в себя, когда я спрыгнул ему на спину. А когда он вновь рухнул на землю, то большой кусок стекла воткнулся ему в горло.

Я спустился вниз, едва держась на ногах от усталости. Отыскал лодку. Река, кажется, немного успокоилась.

Едва начал грести, как с желтого неба опять полил дождь. Он смыл кровь с моих рук, оставляя на лице капли воды, похожие на слезы.

Берега оказались высокими, и мне удалось найти подходящее для высадки место гораздо ниже дома Рази. Я пробрался через мокрую траву на дорогу и побрел назад.

Из дома вышла Анита. Я спросил, есть ли у них телефон.

– Телефона нет. Где лодка? Что вы сделали с лодкой? Где Антуанетта? Что случилось?

Она продолжала выкрикивать вопросы, но я молча сел в машину и отправился в город.

Я въехал через арку во двор полицейского участка и остановился рядом с патрульными машинами. Кто-то закричал, что здесь нельзя останавливаться, но я не обратил на него ни малейшего внимания. Капитан Марион отправился домой спать, и я нашел лейтенанта Прайна.

Лейтенант весело посмотрел на меня, взял за руку и подвел к стулу.

– Вы пьяны?

– Нет, не пьян.

– Тогда что с вами?

– Я знаю, где искать Рут Стамм, – объяснил я. – К северу от города, рядом с рекой. Если она еще жива. Она не может находиться далеко от места, где Фиц нашел лодку.

– Какую лодку?

– Пошлите своих людей на поиски. Немедленно. Все расскажу потом. Я тоже поеду с вами.

Прайн послал на поиски патрульные машины. Вызвали капитана Мариона и шефа полиции. Я поехал в машине с Прайном.

Рут нашли бойскауты. Они обнаружили черный двухместный автомобиль с приоткрытым багажником. Услышав новости по рации, мы помчались на место, но «Скорая помощь» нас опередила. Когда мы приехали, они как раз погрузили носилки с Рут в машину, закрыли дверцы и уехали, прежде чем я успел даже взглянуть на нее. «Форд» стоял

перед дорожным указателем. Рядом находились двое полицейских в черных резиновых плащах.

– В каком она состоянии? – спросил Прайн.

– Вряд ли выживет, – промолвил один из полицейских, махнув безнадежно рукой. – Скорее всего умрет. Очень слабое дыхание, пульс едва прощупывается, серая кожа и больше никаких признаков жизни. Вся связана.

– Ладно. – Лейтенант повернулся ко мне. – Рут Стамм мы нашли. Где Фицмартин? Отвечайте.

– Он мертв.

– Откуда вы знаете?

– Я сам его убил. Остальное расскажу потом. Я хочу поехать в больницу.

14

Я находился в приемном покое, и с меня капала вода. Рядом сидел капитан Марион, Прайн стоял, прислонившись к стене. С другой стороны от меня сидел незнакомый мужчина. Я смотрел на узорчатый кафельный пол и рассказывал. Время от времени мне негромко задавали вопросы.

Я солгал только раз – будто Фицмартин признался, что спрятал труп Грассмана в заброшенном амбаре милях в восьми-десяти к югу от города рядом со сгоревшим домом. Марион кивнул Прайну. Тот вышел и послал людей на место. Я объяснил, как найти пещеру, и рассказал, что в ней.

Поведал я и о цели своего приезда в Хиллстон, о своих догадках, о том, что рассказал Эрл Фицмартин. Не забыл упомянуть и о последних словах Тимми Уордена. Короче, рассказал все, о всей мерзости, с которой столкнулся за последнюю неделю.

– Ну-ка, давайте проясним все до конца, Ховард, – как-то слишком серьезно произнес капитан Марион. – Итак, вы собирались найти с Антуанеттой Рази деньги и отдать их Фицмартину в обмен на Рут Стамм. Вы сами придумали это и считали, что лучше нас справитесь с делом. Так?

– Мне казалось, что это – единственный выход, но Фицмартин обманул меня. Он следил за нами.

– Мы могли бы схватить его, когда он спускался к реке. Тогда мы бы раньше нашли Рут. Если она умрет, в ее смерти будет доля и вашей вины.

В первый раз за последний час я поднял голову и посмотрел на него.

– Я так не думаю.

– Фицмартин рассказывал, как убил Грассмана? Вы объяснили причину убийства, но не то, как он это сделал.

– Фиц ударил его по голове куском трубы.

– Что, по-вашему, сделала бы Рази, когда увидела, что вы передаете деньги Фицмартину? Если бы все шло, как вы запланировали.

– Ей бы это понравилось.

– Почему она сама не отправилась за деньгами? – продолжал задавать вопросы капитан.

– Не имею ни малейшего представления. Мне показалось, что ей необходима помощь. По-моему, она думала, что я смогу пригодиться, а потом надеялась как-нибудь завладеть деньгами, например, когда бы я спал. Кажется, она считала, что сумеет легко со мной справиться.

– Сколько раз Фицмартин выстрелил в пещеру?

– Я не считал. Наверное, раз двадцать.

В приемный покой вышел усталый доктор.

– Ну, как, док?

Доктор неодобрительно посмотрел на нас, словно мы были виноваты в том, что произошло с Рут.

– Физически с ней все будет в порядке. Рут молода, у нее крепкий организм, и она может поправиться довольно быстро. Меня беспокоит ее психическое состояние. Я еще не видел такой жестокости, и если бы она умерла, это произошло бы не от пыток, а от шока и холода. Сейчас Рут ничего не понимает, даже не знает, где находится. Мы дали ей снотворное, и она заснула.

– Где она? – спросил я, вставая.

– Я не могу пустить вас к ней. К тому же в этом нет смысла.

– Я хочу ее увидеть, – упрямо произнес я, подходя к доктору.

Он пристально посмотрел на меня, взял за запястье и принялся считать пульс. Затем вытащил из кармана карандаш-фонарик, включил его и направил мне прямо в лицо.

– Этот человек должен лежать в постели, – заявил доктор капитану.

– У вас есть свободная койка? – вздохнул Марион.

– Есть.

– О'кей. Я поставлю у палаты охранника. Этот человек арестован. Но дайте ему хотя бы взглянуть на Рути. Кто знает, может, он заслужил это.

Меня впустили в одноместную палату. Около койки сидел доктор Бак Стамм. Когда мы вошли, он оторвал взгляд от лица дочери. Я с трудом узнал девушку. Лицо все распухло и потеряло нормальный цвет. Сквозь полуоткрытые губы вырывалось хриплое дыхание.

Через несколько минут меня увели.

Формальности заняли немало времени. Меня вызвали на дознание и допросили. Я рассказал все, что знал о смерти Антуанетты Рази и Эрла Фицмартина, подписал шесть экземпляров допроса. Потом вынесли приговор – убийство в целях самозащиты.

И деньги, найденные в машине Фица, и деньги из пещеры стали имуществом Джорджа Уордена. Из Хьюстона за наследством или тем, что от него осталось, вылетел троюродный брат Джорджа с женой. Они прилетели в воскресенье.

Джорджа и Элоизу Уорденов похоронили на фамильном участке на городском кладбище. Труп Фултона, опознанного по коронкам, был выслан в Чикаго. У Эрла Дэвида Фицмартина не нашлось ни одного родственника, и его похоронило графство. За телом Мильтона Грассмана из Чикаго прилетел брат и увез его на поезде.

Я рассказал об одежде и драгоценностях Антуанетты Рази, назвал точную сумму денег, которые забрал Фиц. Суд назначил опекуна над наследством Тони, постановил продать одежду и драгоценности, а вырученные деньги потратить на воспитание детей Аниты Дойль.

Со мной закончили разбираться во вторник. Мы спустились с капитаном Марионом по ступенькам и остановились на тротуаре. В небе ярко светило солнце.

– Вы свободны, Ховард. Мы, конечно, могли кое-что на вас повесить, но не стали этого делать. Так что, радуйтесь. Мы только хотим, чтобы вы уехали из Хиллстона.

– Я не уеду.

Капитан пристально и холодно посмотрел на меня.

– Не думаю, что это будет умный поступок.

– Все равно останусь, – упорствовал я.

– Я знаю, кажется, что у вас на уме, но у вас ничего не выйдет.

– Я хочу остаться и попробовать. Я уже помирился с ее отцом. Он меня понял. Не могу сказать, что он одобрил мои поступки, но не прогоняет меня из города.

– Вы бьетесь головой о стенку.

– Возможно.

– Прайн хочет вышвырнуть вас из Хиллстона.

– А вы? – поинтересовался я. – Только честно.

– Оставайтесь, черт с вами! – сдался полицейский, слегка краснея. – Только ничего у вас не получится.

Я отправился в больницу. Рут Стамм лежала в отдельной палате. Я подождал, пока в палату заглянет сестра. Каждый раз, приходя в больницу, я боялся, что медсестра запретит мне навещать девушку.

– Через пять минут можете зайти, мистер Ховард, – сообщила она.

– Спасибо.

Через пять минут я вошел. И сел на стул около кровати. Опухоль уже почти спала, но цвет лица оставался какого-то нездорового желтоватого цвета. Как и раньше, при моем появлении Рут отвернулась к стене. Девушка за все это время так ни разу и не заговорила со мной, беседовать приходилось мне. Я часами не закрывал рот. Все ей рассказал, описал, что она для меня значит, но ответа так и не дождался. Словно я разговаривал со стеной. Радовало лишь то, что она меня не прогоняет. Доктор сказал, что Рут поправляется очень быстро, но сейчас у нее – сильная депрессия, и он не знает, сколько она продлится.

В этот день опять говорил только я. И не мог понять, слушает она меня или нет. Я уже рассказал Рут все, что мог. Так что, теперь не было смысла повторяться, просить прощения или умолять хотя бы понять меня.

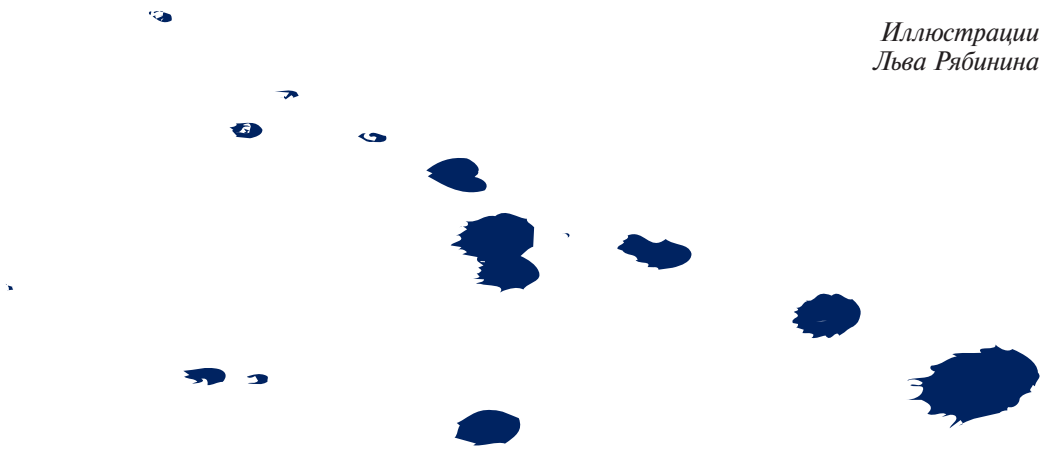
Поэтому сегодня я говорил о другом – о городах и странах, в которых побывал, о военном госпитале, о старой работе. Размышлял вслух, чем бы я мог заняться в Хиллстоне. У меня еще оставалось семьсот долларов из той тысячи, с которой я приехал сюда.

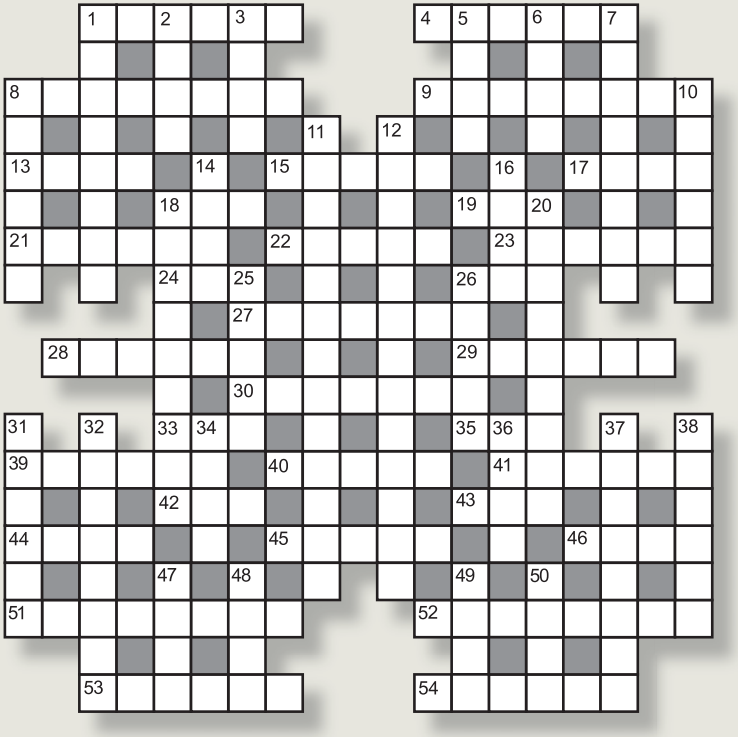
Рут тихо лежала, отвернувшись к стене. Может, она заснула. И вдруг на больничном одеяле робко показалась ее рука. Она потянулась ко мне, и я схватил ее обеими руками. Рут сильно сжала мою руку и затихла.

Этого знака мне было достаточно. Остальное придет позже. Наступит день, когда она вновь рассмеется, когда опять будет ходить своей гордой походкой. Тяжкие воспоминания начнут потихоньку стираться, и у нас все наладится. Нам обоим многое необходимо забыть, и вдвоем это будет сделать легче. Наконец, я нашел свое сокровище, и никому не удастся вышвырнуть меня из Хиллстона.

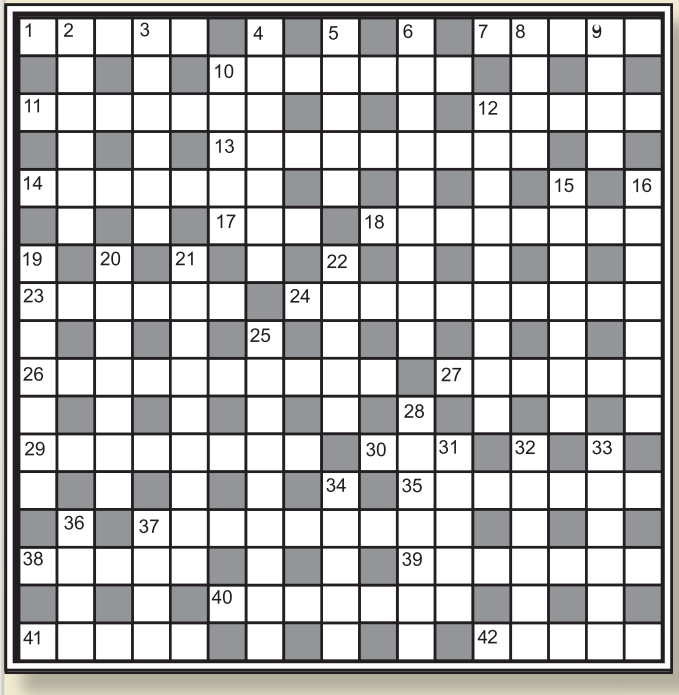
Перевод с английского
Сергея Манукова.

Иллюстрации
Льва Рябинина





По горизонтали. 1. Певец, муж Ирины Архиповой. 4. Высший священнослужитель. 8. Русский философ и поэт, книга о котором А. Лосева, всю жизнь увлекавшегося им, по недоразумению, издана в серии ЗЖЛ. 9. Близкий родственник радио. 13. Дом, какой монгол не строит, а ставит и собирает. 15. «Привычка, вторая натура мысли» (Ж. Ренар). 17. Писатель, навечно поднявший «Алые паруса». 18. Имитация справедливости через юридическую процедуру. 19. Польский писатель-афорист, заметивший: «Для карликов ничто не слишком низко». 21. Тем и хорош для гурманов, что с плесенью. 22. Ненаучная фантастика. 23. Автомашина на языке малыша. 24. Слово, делающее собаку кусачей. 26. Король футбола. 27. Бак для кипячения белья. 28. Еле слышимое нынче эхо былой зарплаты. 29. Марина, возмечтавшая поцарствовать и вышедшая замуж за Лжедмитрия. 30. Часть мужнина заработка, больше всего интересующая жену. 33. Женское начало в китайской философии. 35. Денежное место. 39. На нее попадаются верящие рекламе. 40. Скороговорка: шла Саша по … и сосала сушку. 41. …моды (лошадь, чей хвост пошел на шиньон). 42. Царство, куда всего за обол Харон ввозил грека. 43. Голосовой «оркестр». 44. Герой диалога Д. Дидро, впервые изданного не во Франции, а в Германии в переводе И. Гете. 45. Книжонки так называемой «любовной серии», и не ночевавшие рядом с настоящей литературой. 46. Ушастый собеседник Ходжи Насреддина. 51. Человек, берущий чужие слова, чтобы подтвердить ими чужую мысль. 52. Птенец певчей птицы, в Европе не живущей в Исландии и Норвегии. 53. Нож страстей. 54. Жилец на проценты с капитала.



По вертикали. 1. Область, где фигуры играют игроками. 2. Человек с колючим языком. 3. Дерево из песни для постройки сеней. 5. Город на реке Сосна, центр «парного» и «сцепного» кружева. 6. Настоящая фамилия Босха. 7. Терапия, доведенная до отчаяния. 8. Мария, о которой писали многие, но ярче всех С. Цвейг. 10. Рукотворный гейзер. 11. «Высшая мудрость» (Б. Дизраэли). 12. Объект советской экономии в 80-х годах XX века, живя в свете решений партии. 14. Женщина с неприкосновенным запасом разума. 16. «Высота взгляда» (К. Кедров). 18. «Мудрость кажущаяся, а не подлинная» (Аристотель). 20. Человек при больших деньгах. 25. Взаимопонимание, внутреннее единство, общность. 26. Люлька не для младенца. 31. «Естественный лидер, который, несмотря на способность побеждать, всегда остается в тени» (А. Менегетти). 32. Упертый человек, рассуждающий без учета конкретных условий жизни. 34. Каждый из уполномоченных Шамиля, властвовавший на определенной территории. 36. Возможный неприятный результат касания медузы. 37. Заменитель реальной помощи. 38. Затмение, когда ум за разум заходит. 47. Самый престижный колледж Великобритании. 48. Брошенная любовница из повести Н. Карамзина, бросившаяся в пруд. 49. Взбрык плохой судьбы. 50. Обведет вокруг пальца – и до свидания.

По горизонтали. 1. Ископаемое легче воды, помогающее нашей экономике держаться на плаву. 7. Черноокая красавица мусульманского рая, созданная из амбры, камфары, мускуса и шафрана, причем на груди написаны имена Аллаха и ее супруга. 10. Музыкальный инструмент, упомянутый уже в «Слове Даниила Заточника». 11. Художник конца золотой поры Венеции, не отвергавший ни барокко, ни рокайль. 12. Швейцарское блюдо из сыра, какое готовят прямо на обеденном столе на керосинке. 13. Отряды прикрытия отступающей армии. 14. Дочь М. Кутузова, так молодившаяся в 40 с лишним лет, что приятель А. Пушкина В. Перовский сказал однажды, глядя на ее голые плечи: «Давно бы уж пора набросить покрывало на прошедшее!». 17. Сумка, из которой гриб высыпает споры. 18. Настолько великая русская поэтесса, что советские литературные микроцефалы либо даже не пытались, либо не могли понять ее творчество. 23. Сибирский народ, в отличие от эвенов и якутов, не брезгающий гри-

бами (каждый мужчина). 24. Состояние, которое если и приходит, то всегда после похорон. 26. Литературный герой, которому подошла бы песенка «Хоть поверьте, хоть проверьте…». 27. «Кузнечный металл». 29. Одна из трех трав, чьи пучки на Украине «для духу» кладут за образа. 30. Первый английский «правильный» поэт. 35. Величайшая в мире – Амазонская. 37. Древесина южноамериканской жакаранды, восхищающая краснодеревщика. 38. П. Вяземский как родственник Н. Карамзина. 39. Советский хвост, вилявший перед дефицитом. 40. Киноактриса, бывшая без ума от О. Даля, но без взаимности, и пережившая романы с К. Райкиным и Г. Каспаровым. 41. Придворный служащий, в походах ставивший шатры, а при дворе бывший также обойщиком. 42. Персидский поэт, часто сравнивавший возлюбленную с «движущимся кипарисом». Видимо, у него С. Есенин «взял» выражение «ходячая березка» из стихотворения «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель…».

По вертикали. 2. «Новогодний» лес. 3. Пойти в … – ввязаться в кровавую драку, в военные действия (в старину). 4. Поклажа на дровнях мужичка с ноготок в «Крестьянских детях» Н. Некрасова. 5. Фонарь, поставленный дому. 6. В «Восходе солнца» Ф. Тютчев услышал «… всемирный победных солнечных лучей». 8. Последний поступок Л. Толстого. 9. Библейский предатель, чье имя, по иронии, значит «он хвалит Бога». 10. «Игрушка мира» (А. Ахматова). 12. Каждый участник движения английской буржуазии за свободу торговли. 15. Немецкий архитектор-эклектик, автор здания Королевской библиотеки в Мюнхене. 16. Английский путешественник, встретивший на своем пути отряд с телом Д. Ливингстона и, продолжив исследования, установивший, что озеро Танганьика никак не связано с Нилом. 19. Французский писатель, начавший, услышав «Крик из бездны», со «Спутниками» «Под сенью статуй» «Сражение» за «Жизнь мучеников». 20. Любимая, а еще во времена А.К. Толстого и страсть, и даже досада, огорчение. 21. Великий монгол, создавший самую большую в мире империю, причем она оставалась после его смерти незыблемой еще 40 лет. 22. «Невидимая птица» у бушменов. 25. Человек, якобы способный наблюдать невидимых существ и призраков, общаться с ними и предсказывать будущее. 28. Андалусский город, родина Лукиана, Сенеки Старшего и Сенеки Младшего. 31. Материал платья Е.А. Лобановой-Ростовской на портрете кисти И. Аргунова. 32. …дель Сарто – художник, чья фреска «Тайная вечеря», по мнению знатоков, восхищает даже после «вечери» Леонардо да Винчи. 33. «Титул» жены хана у хунну; у бурят это слово до советской власти значило «госпожа». 34. Песня, романс у арабов. 36. Трава, какую в Персии сжигали от дурного глаза. 37. …святого Антония (вегетарианская, скудная).

Уважаемые читатели!

Начата подписка на I полугодие 2007 года.

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции. (Если вы оплачиваете и получаете журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. — 38.00 руб.)
1.1 С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. Шаг 2. Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. Шаг 3. Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.
Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца, и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начнется со следующего месяца.
Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 62 руб. 70 коп.
Стоимость подписки на 3 номера «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 188 руб. 10 коп.
Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 376 руб. 20 коп.
Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.
При оформлении подписки на 6 номеров первого полугодия 2007 г. до 1 декабря предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону:
(495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.
Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

внимание:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.
Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы.
Деньги за принятую подписку не возвращаются!

2. В любом почтовом отделении
по каталогу «Роспечати» индекс 70820
по каталогу «Объединенному» индекс 88998
по каталогу «Почта России» индекс 99406

Квитанция и купон для оформления **редакционной подписки**

Я подписываюсь (подчеркнуть) на 1 номер журнал «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. Дата рождения
Индекс Обл./край Район
Город Улица
Дом Корп. Кв. Код города Телефон
Эл. адрес
Копия квитанции об оплате от с отметкой банка прилагается.

Извещение

ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена»
р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО)
г. Москва
к/сч №30101810600000000119
БИК 044583119

(ф.и.о., адрес плательщика)

Назначение платежа

Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2007г.		

С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен_____«_»_____200_г.
(подпись плательщика)

Кассир

Квитанция

ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена»
р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО)
г. Москва
к/сч №30101810600000000119
БИК 044583119

(ф.и.о., адрес плательщика)

Назначение платежа

Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2007г.		

С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен_____«_»_____200_г.
(подпись плательщика)

Кассир

i-FREE МОБИЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

КАЧЕСТВО ПРОВЕРЕНО!

АйФри ГОЛОСОВЫЕ ЗВОНКИ $0,99

Отправь код на номер 4446

ГОВОРЯЩИЕ ТЕЛЕФОНЫ

- 89780839 Звоночек примите!
- 89780829 Чей-то телефон звонит
- 89780835 Это твой телефон говорит
- 89780817 Смс, смс (идиотский смех)
- 89780830 Ля-ля-ля, СМС-очка пришла!
- 89780844 Я твоя, возьми меня скорее
- 89780834 Опять звонит этот придурок!
- 89780841 Послушай: тебе кто-то звонит
- 89780807 **Милко.** Рыбо мое, не бери трубку!
- 89780845 Тлубку вязьми! Пабазалить нада!
- 89780826 Возьми меня, ну возьми меня *Хит*
- 89780812 **Доброфон.** Свечусь и жужжу, знаешь, что скажу?

ПАДОНКАФФСКИЕ ТЕМЫ

- Это звонит жена. Интересно, что ты скажешь? 89780805
- Господин, Владыка мира! Ответь на звонок! 89780764
- Кореша зовут выпить. Третьим будешь? 89780804
- Ваше превосходительство!! Звоните-с! 89780765
- Ща ты получишь СМС-ку!. **Звук для СМС** 89780774
- Студент, на лекцию пора!. **Будильник** 89780769
- Вставай бабки зарабатывать! 89780799
- Владельца BMW к телефону! 89780778
- Кореш, ответь братве! 89780767
- Возьми трубку, чувак 89780796
- Шеф. Вам звонят! 89780788
- Рота, подъем! 89780801

ЗАКАЖИ СУПЕРЗВУК ВТОРОЙ ПОЛУЧИ В ПОДАРОК!

СУПЕРЗВУКИ

- 89780877 Пение птиц
- 89780862 Аплодисменты
- 89780848 Блеяние овцы
- 89780872 Смех гоблина
- 89780871 Гудок паровоза
- 89780850 Мяукание кошки
- 89780875 Свист дельфина
- 89780881 СМС-ка! *Изиии!*
- 89780854 Сирена с кряканками
- 89780857 Смех бешеной коровы
- 89780879 Смех обкуренной свиньи
- 89780852 Сирена воздушной тревоги

ГЛАМУРНЫЕ ЗВОНКИ

- *Хит* Милая, это я - очень соскучился! 89780725
- Дэвушька с красывый попка, трубку вязмы! 89780742
- Любимая, просыпайся, я приготовил кофе! 89780735
- Я так соскучилась... Пожалуйста, ответь... 89780743
- Ласточка, я так хочу тебя услышать! 89780737
- Дэвушка-красавыца, вазмы трубку! 89780743
- Не возьмешь трубку - У-КУ-ШУ! 89780751
- Любимая моя, возьми трубку... 89780756
- Милая, хочу сказать ЛЮБЛЮ! 89780747
- Милая, единственная это я! 89780749
- Красавица, возьми трубку! 89780745
- Дорогая, тебе сообщение 89780757

Убедись, что твой телефон поддерживает голосовые звонки

АйФри МЕЛОДИИ+РЕАЛТОНЫ/MP3

ЛЮБАЯ МЕЛОДИЯ ИЗ ЭТОГО РАЗДЕЛА ДОСТУПНА КАК реалтон/mp3, полифония и монофония.

в коде мелодии замени X на:
1-для заказа моно-мелодии Nokia или Samsung, 2-для моно-мелодии Siemens, 3-для моно-мелодии SonyEricsson, 4-для полифонической мелодии и отправь код на номер 4446.
Для заказа реалтона/Mp3 замени X на 5 и отправь код на 4448.

СУПЕРХИТЫ

- X3210633 **Город 312.** Останусь
- X3210552 **Фактор 2.** Красавица
- X3210658 **Савичева Юля.** Привет
- X3210661 **Reflex.** Жесткое диско
- X3210564 **Серега.** Возле дома твоего
- X3210556 **Айдамир Мугу.** Черные глаза
- X3210565 **Савичева Юля.** Как твои дела
- X3210549 **Тальков Игорь.** Летний дождь
- X3210562 **Многоточие.** Я знаю-я так бываю
- X3210674 **DJ Дождик.** Почему же *Хит*
- X3210636 **Челси (Фабрика 6).** Чужая невеста
- X3210687 **Т/с "Кадетство".** Ранетки *NEW*
- X3210682 **Лигалаз.** Будущие мамы
- X3210669 **Т/с "Не родись красивой".** Вику тебя
- X3210678 **Дискотека Бавария.** Если хочешь нажраться
- X3210637 **Дайнеко Виктория.** Я просто сразу от тебя уйду
- X3210647 **Хворостян Алексей (Фабрика 6).** Я служу России

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

- **Кф "Служебный роман" (Ремикс Dj Грува)** X3210752
- Не вешать нос.... **Кф "Гардемарины вперед!"** X3210798
- Госпожа удача. **Кф "Белое солнце пустыни"** X3210787
- Ланфрен-Ланфра. **"Гардемарины вперед!"** X3210767
- Вальс. **"Мой ласковый и нежный зверь"** X3210774
- Судьба (основная тема). **"Бумер-2"** X3210706
- Новый пример Морриконе. **"Бумер-2"** X3210708
- Основная тема. **"Дневной дозор"** X3210698
- Кинг рингс. **Кф "Бой с тенью"** X3210758
- Вне зоны доступа. **"Питер ФМ"** X3210693
- Зона. **"Зона: тюремный роман"** X3210699
- Девятая рота. **"Девятая рота"** X3210733
- Основная тема. **"Сволочи"** X3210704
- Лебединая. **"Бой с тенью"** X3210766
- Тема дороги. **"Бумер"** X3210709
- Свобода. **"Бумер-2"** X3210784
- Мобильник. **"Бумер"** X3210797

ЗАКАЖИ РЕАЛТОН/MP3 ВТОРОЙ ПОЛУЧИ В ПОДАРОК

ШАНСОН

- X3211085 Мурка
- X3211056 **Бутырка.** Икона
- X3211086 **Бутырка.** Быть вором
- X3211054 **Круг Михаил.** Кольщик
- X3211106 **Бутырка.** Запахло весной
- X3211091 **Наговицын Сергей.** Белый снег
- X3211073 **Круг Михаил.** Владимирский централ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ХИТЫ

- Ninanajna. **Elena Risteska (Македония)** X3210844
- Love Is Gonna Save Us. **Benny Benassi** X3210809
- Every Single Day. **Benassi Bros** X3210829
- Satisfaction. **Benny Benassi** X3210810
- I Like It. **Narcotic Thrust** X3210822
- Ayrilik Zor. **Tarkan** X3210852
- Kylie. **Akcent** X3210850

РУССКИЕ ХИТЫ

- X3210958 **Reflex.** Танцы
- X3210960 **Масскха.** 7 этаж
- X3210964 **Фактор 2.** Война
- X3210949 **Фактор 2.** Шалава
- X3210967 **Чай вдвоем.** Прости
- X3210952 **Серега.** Черный бумер
- X3210957 **А Сорти.** Красивая любовь
- X3210856 **Звери.** До скорой встречи
- X3210910 **Айдамир Мугу.** Чёрные глаза (remix)
- X3210908 **Блестящие и Arash.** Восточные сказки
- X3210966 **Непара.** Плачь и смотри *Хит*
- X3210690 **Зара (Фабрика 6).** Любовь - красавица
- X3210897 **Согидиана (Фабрика 6).** Сердце - магнит
- X3210874 **Пьяные животные.** В мире пьяных животных
- X3210872 **Дыши.** Взгляни на небо (Дыши) *Хит*

ПОПУЛЯРНЫЕ

- *NEW* Наперегонки с ветром. **Т/с "Кадетство" (Корни)** X3210974
- Песня Коня. **М/ф "Алеша Попович и Тугарин Змей"** X3210987
- Песенка Мамонтенка. **М/ф "Мама для мамонтенка"** X3211025
- Песенка про зайцев. **Кф "Бриллиантовая рука"** X3210014
- Если в сердце живет любовь. **Савичева Юля** X3210982
- Основная тема. **М/ф "Ледниковый период 2"** X3211026
- *NEW* Полет шмеля. **Римский-Корсаков** X3211011
- Песенка о лете. **М/ф "Дед Мороз и лето"** X3210988
- **Т/с "Моя прекрасная няня"** X3211033
- Вику тебя. **Высоцкая Алена** X3211038
- Le Jouet. **Кф "Игрушка"** X3211007
- Лунная соната. **Бетховен** X3211013
- Симфония №40. **Моцарт** X3211024
- Рома, извини. **Звери** X3211036
- **Т/с "Автономка"** X3210981

АйФри ДЛИННЫЕ МЕЛОДИИ $0,99

Отправь код на номер 4446

Внимание! В коде мелодии обязательно замените X на цифру: 1 для монофонии Nokia или Samsung, 2 для монофонии Siemens, 3 для монофонии SonyEricsson, 4 для полифонии Nokia, Siemens, SonyEricsson, Panasonic, Alcatel, Motorola, LG, Philips, Pantech, Sagem MyX и прочих, поддерживающих загрузку мелодий через WAP.

РЕКОМЕНДУЕМ

- X2163932 **Madonna.** Sorry
- X2163916 **Arash.** Boro Boro
- X2163924 **Madonna.** Hung Up
- X2163915 **50 Cent.** Candy Shop
- X2163921 **Shakira.** La Tortura
- X2163931 **50 Cent.** Window Shopper
- X2163951 **James Last.** Одинокий пастух
- X2163944 **Билан Дима.** Never Let You Go
- X2163912 **Т/с "Бандитский Петербург"**
- X2163939 **Сектор газа.** Демобилизация
- X2163943 **Enigma.** Return to Innocence
- X2163911 **Modern Talking.** You're My Heart You're My Soul

НОВИНКИ

- Hips Don't Lie. **Shakira feat Wyclef Jean** X2164023
- *Хит* Колумбия пикчерз. **Бэнд'Эрос** X2164033
- Chori Chori. **Arash/Aneela** X2164015
- Somebody's Watching Me. **Beatfreakz** X2164011
- Малинки. **Дискотека Авария/Фриске** X2164009
- Без суеты. **Меладзе Валерий** X2164039
- Promiscuous. **Nelly Furtado** X2164022
- Where'd You Go. **Fort Minor** X2164013
- Время - река. **Билан Дима** X2164030
- Pump It. **М/ф "Тарфинд-2"** X2164012
- Gabriel. **Najoua Belyzel** X2164019
- Loves Me Not. **Tatу** X2164014

ЗАРУБЕЖНЫЕ ФИЛЬМЫ

- X2163965 **"Профессионал"**
- X2163954 **"Mortal Kombat"**
- X2163975 **М/ф "Дом-монстр"**
- X2163961 **"Красотка".** Pretty woman
- X2163962 **"Миссия невыполнима-3"**
- X2163972 **М/ф "Тарфинд-2"** *NEW*
- X2163966 **"Титаник".** My Heart Will Go On
- X2163968 **"Мадагаскар".** I Like To Move It
- X2163971 **"Тачки" (Chuck Berry).** Route 66
- X2163958 **"9 1/2 недель".** You can leave your hat on

НАШИ ХИТЫ

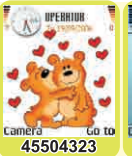
- Так устроен этот мир (Never...). **Билан Дима** X2163983
- Если хочешь остаться. **Дискотека Авария** X2164005
- *Хит* Пошло его на... **Лолита** X2164002
- Нежность. **МакСим** X2163985
- Обманы, но останься. **Виа Гра** X2163987
- Это была любовь. **Билан Дима** X2163992
- Хочешь да, да, да. **Тутси** X2163979
- Белые розы. **Ласковый май** X2164007
- Friend Or Foe. **Tatу** X2163996
- All About Us. **Tatу** X2164004

На правах рекламы

АйФри ТЕМЫ ДЛЯ МОБИЛЬНИКА

Отправь код на номер 4448 $2,0

Твой телефон будет в твоем стиле. Фон, значки, индикаторы и окна станут такими, какими ты их захочешь увидеть.


45504323

35504323

85504323

55504323

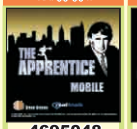
05504323

15504322

АйФри ЛУЧШИЕ ИГРЫ

Отправь код на номер 4449 $3,0

КАНДИДАТ

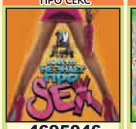


4695048
У тебя есть мозги. У тебя есть энергия. Теперь тебе необходима только работа. Проверь свои навыки в захватывающих компьютерных играх

ГОРОД МЕРТВЕЦОВ-2

4695047
Как и в первой части, мы играем в роли Томаса Уордэна, которому предстоит открыть много страшных тайн, спрятанных в городке Грим Оук.

НИКТО НЕ ЗНАЕТ ПРО СЕКС



4695046
Ведущая популярного телешоу Фактор Секса Клеопатра в целях повышения рейтинга своей программы объявила всероссийский конкурс.

ОСТРОВ РАЗВРАТА

4695045
Неутомимый Мишка из сочинской команды "Утомленные солнцем" должен удовлетворить всех, всех красавиц, иначе его ждет смерть!

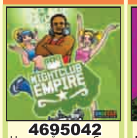
БРИЛЛИАНТОВЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

4695044
Бриллиантовый Переполох – это захватывающие приключения, в ходе которых нужно будет исследовать и завоевать два уникальных мира

ТАЧКА НА ПРОКАЧКУ

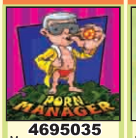
4695043
Чумовая игрушка по отвязному MTV-шоу. Ты в команде мастеров, которые превращают старые закиданные развалюхи в сияющие шедевры

КЛУБНАЯ ИМПЕРИЯ



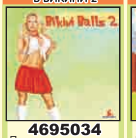
4695042
Не считайтесь с общепринятыми правилами и создайте самый крутой клуб в городе! Станьте легендой подпольных ночных клубов!

ПОРНО МАГНАТ



4695035
Мечта становится былью! Вступи в мир киноконгресса, снимай свои эротические фильмы и получи звание лучшего порнорежиссера!

КРАСОТКИ В БИКИНИ 2



4695034
Продолжение экстремального арканоида Bikini Balls. Новые девочки, новые уровни, новые развлечения!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОНАЛЬДА ДАКА

4695009
Дональд Дак, герой мультфильмов от Disney и звезда экранов, в своей официальной игре. Спаси трех утят — племянников Скруджа МакДака

ГАРФИЛД 2

4695008
Толстый котяш, который возвращается, чтобы сожрать еще больше лазаньи, шокировать своим поведением посторонних людей и как следует поубить врагов

ЗАКАЧАЙ БЕСПЛАТНО

Купи одну из игр и получи супер-игру **В ПОДАРОК!**

В этом пляжном волейболе - все точь-в-точь как в жизни.

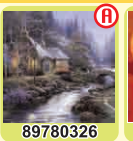
Убедись, поддерживает ли игра твой телефон на wap.i-free.ru. Даже если ты закажешь игру, которая не подходит к твоему телефону, ты сможешь бесплатно выбрать любую другую игру.

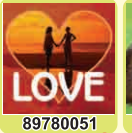
АйФри КАРТИНКИ

Отправь код на номер 4446 (A) - анимированная картинка $0,99

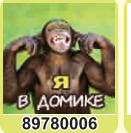
89780012

89780027


89780326

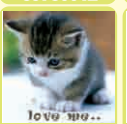


89780051

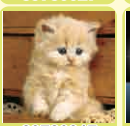


89780006

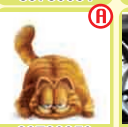
89780000



89780315

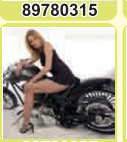

89780317

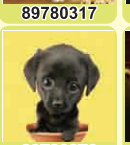
89780024

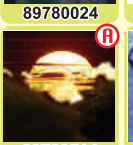

89780350

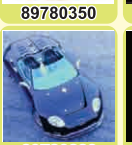
89780275

89780019

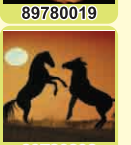

89780025


89780276

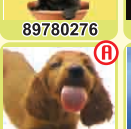

89780514

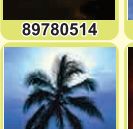

89780283

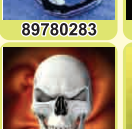
89780362

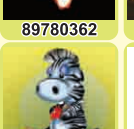

89780298

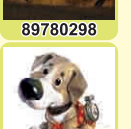
89780021

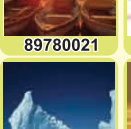

89780525

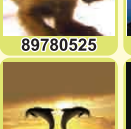

89780304

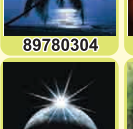

89780309

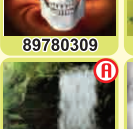

89780311


89780312


89780302


89780026


89780292


89780520

89780277

ЗАКАЖИ КАРТИНКУ ВЫБЕРИ ВТОРУЮ В ПОДАРОК

Подробная инструкция, стоимость услуг, список поддерживаемых моделей и полный каталог - на www.i-free.ru или wap.i-free.ru. Служба поддержки: support@i-free.ru. Россия: 0863 (с мсб, тел.) (495) 740 48 55, (812) 436 16 76. Украина (044) 239 23 61. Стоимость запроса на номер 4443 составляет $0.15, на 4444 - $0.30, на 4445 - $0.60, на 4446 - $0.99 (аб. МегаФон -30 руб.), на 4447-$ 1.3, на 4448 - $2 (аб. МегаФон -90 руб.), на 4449 - $3 (аб. МегаФон -120 руб.). По курсу ЦБ РФ без учета НДС. Для заказа полифонических мелодий, звуков, картинок, доступа в каталог необходимо иметь возможность Вап-доступа в Интернет, который оплачивается дополнительно согласно вашему тарифному плану. После отправки сообщения на короткий номер вам придет вап-сообщ. перейдите по ней и получите ваш заказ. Отправляя заказ, вы даете согласие на получение дополнительной информации по услугам АйФри. Гарантированный срок действия тарифов и кодировки 3 месяца с момента выхода издания.

Smena
06011
9 770131 665607

Абсолютная свобода — это понимание и уважение несвободы другого.

Александр Абдулов

смена